

ХАРРИ ВАЛЬТЕР

Германия, Грайфсвальд

ФРАЗЕОЛОГИЯ И НОНСТАНДАРТ

ABSTRACT:

The paper describes Russian substandard in the field of phraseology. It is considered that substandard elements all time have been part of the paremiological and phraseological systems and that they are highly active especially in modern european languages. Opposit to other meanings the author emphasizes the meaning that every time generates its own proverbs and form so called humorous anti-proverbs. While many of them are based on mere puns and wordplay, there are also numerous satirical anti-proverbs that contain revealing social comments.

KEY WORDS:

Substandard – phraseological system – language development – new phrases – antiproverb.

Современная русская речь, как известно, насыщается и даже перенасыщается жаргонизмами. Пуристы решительно протестуют против этой тенденции, «демократы» её приветствуют. Но, как говорится, «писатель пописывает, а читатель почитывает». Как бы кто из нас не оценивал жаргонизацию современного литературного языка и его речи, она реальный факт, а именно как языковую реальность следует её оценивать, воздерживаясь от крайностей.

Фразеология и паремиология как часть идиоматикона каждого языка издавна подпитывались жаргонной и просторечной стихиями. Следы взаимодействия жаргона и литературного языка можно найти во всех фразеологических системах Европы. В немецком языке, например, профессиональные жаргоны и так называемые *Geheimsprachen* (тайные языки) давно уже стали генератором обогащения фразеологии. Такого рода факты мы достаточно тщательно описали в наших историко-этимологических словарях немецкой фразеологии. Так, внутренняя структура (разг.) фразеологизма *es zieht wie Hechtsuppe* – ‘сильно дует, о большом сквозняке’ (букв. ‘тянет как суп из щуки’) среднему носителю немецкого языка не понятна. Дело в том, что известный в немецком языке с 1850 г. оборот [Kürper 1993: 335] в бытовом, народном сознании прямо связывается с «супом из щуки», в процессе приготовления которого рыба должна настояться (*ziehen*), чтобы впитать в себя специи. Эту версию некоторые эти-

мологи даже ставят на первое место [Röhrich 2001, 2: 686]. Вероятно, однако, что «щучья» расшифровка оборота является народно-этимологической. Оно, видимо, заимствовано из криминального жаргона на основе идиш. Здесь есть устойчивое сравнение *hech supa* – ‘как буря’ (ураган, шторм, шквал). По ложно-этимологической чисто языковой ассоциации этот арготизм был расшифрован как *wie Hechtsuppe*. На такую «этимологию» натолкнуло не только случайное звуковое сходство, но и омонимия немецкого слова *ziehen* – ‘дуть, везть’ и ‘настаиваться’ (о жидкой пище).

Для русского языка, как кажется, такое явление не менее характерно, хотя ещё не столь детально изучено русистами как германистами. Но основательное ретроспективное исследование русской фразеологии этот факт вполне подтверждает. В вышедшей недавно нашей коллективной монографии, представленной на 14-ом Конгрессе славистов «Фразеология», целая глава посвящена субстандартной фразеологии как источнику инновации. В этой монографии мне пришлось специально анализировать жаргонную фразеологию как объект неологии [Frazеologija 2008: 217–222]. Разумеется, именно как инструмент неологизации субстандартная фразеология особенно активна в наши дни, когда литературный язык широко открыт «процессу демократизации». Однако, жаргонизмы достаточно активно проникали в русскую языковую систему и в 19 веке, о чём свидетельствуют известные словари русского жаргона, начиная со знаменитой «Блатной музыки» Трахтенберга, отредактированной знаменитым русским и польским лингвистом Бодуэном де Куртенэ. Приведу лишь несколько примеров из этого словаря, которые до сих пор активно употребляются. Так, Трахтенберг зафиксировал оборот *продать на блат*, который и он, и Брейтман, определяют в специализированном значении ‘продать, не скрывая, что вещь краденная’ (с. 4). Как известно, именно этот жаргонизм весьма активно распространился в советское время, и оборот *по бла́ту* стал символом длительного дефицита и «кумовства», до сих пор не изжитого в нашем обществе. Показательно, что многие жаргонизмы, зафиксированные Трахтенбергом, фразеологизировались и становились активными составными частями русской фразеологии, причём их «внедрение» в русскую речь проходило разными путями.

Один из них – активное лексическое варьирование, несколько менявшее структуру оборота, но не сказывающееся на его семантике. Характерный пример, зафиксированный Трахтенбергом – сочетание *лезть в пузырьёк*. Он даёт ему весьма точное, детальное и специализированно жаргонное определение: «выражение, означающее: сердиться без особой на то причины, принимать близко к сердцу какую-либо, большей частью грубую, выходку, на которую бывалый, опытный арестант совершенно хладнокровно реагирует такой же грубостью» [Трахтенберг 1908: 40]. В современной разговорной речи лексическим варьированием от него образовано и уголовное *загнать в пузырьёк кого* – ‘довести до неистовства, вывести из равновесия кого-л.’ [БСЖ 2000: 489]. Варьирование компонента *пузырёк* в жаргонном обиходе породило и более современный вариант *загнать в бутылку кого* – ‘уличить во лжи кого-л.’ [там

же: 83]. Парадоксально, но и показательно, что этот жаргонизм, попав в литературный русский язык, ассоциативно оторвался от субстандартной среды и воспринимается в совершенно ином культурологическом контексте.

Любопытно, что популяризаторы русской фразеологии – особенно такие, как интеллигентный ревнитель правильности русской речи Вартамян, обратив внимание на выражение *загнать в бутылку кого* – ‘успокоить, призвать к порядку, заставить смириться кого-л.’, не сомневаются в его литературных источниках [БМС 2005: 73]: «Предполагается, что источник этого выражения – одна из сказок «Тысячи и одной ночи» - «Сказка о рыбаке» – пишет Вартаньян. «Бедный рыбак Аравии выловил сетями медный, запечатанный свинцом кувшин. На свинце была оттиснута печать великого волшебника, мудрого царя Сулеймана бен Дауда. Вырезанное на ней таинственное и страшное девянсто девятое имя Аллаха давало Сулейману великую власть над птицами, ветрами и злыми духами – джинами. Едва рыбак откупорил сосуд, оттуда с огромным шумом и свистом вырвалась струя дыма. Дым вознесся до облаков и превратился в гигантского джинна, которого некогда царь Сулейман заключил в медный сосуд – «загнал в бутылку» [Вартаньян 1964: 103; и много раз позже].

Автор этой поэтической расшифровки даже не упоминает о жаргонизме *загнать в пузырьёк*, с которого собственно начинается история выражения, попавшего в литературную речь. А ведь именно оно сразу же опровергает то этимологическое толкование, которое предлагает известный популяризатор русской идиоматики. Показательно, что и самые современные исследователи-когнитологи не обходят этот оборот молчанием. В недавно изданном и тут же распроданном фразеологическом словаре «Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» известные когнитологи Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых уделяют этому выражению особое внимание, относя его к концепту «Усмирение» и даже более того, к «Элитной лингвокультуре» [Алефиренко, Золотых 2008: 44–45]. При этом авторы подчёркивают, что «Языковая память поддерживается словами-ассоциатами: *водки, пустая, зелёная, молока, кефира, лимонада, полная, стеклянная* и др.» [там же] Признаемся честно, что такие слова-ассоциаты, как кефир и лимонад, к которым апеллируют авторы словаря, нам кажутся весьма далёкими от синхронного и исторического значения оборота *загнать в бутылку*. Алефиренко и Золотых сами пишут, что выражение «используется, когда хотят кого-л. смирить». Трудно представить себе смиренного человека, сидящего в бутылке от кефира или лимонада. Внутренняя форма здесь была бы просто абсурдна.

Правда, и сами составители называют это выражение странным, может быть, поэтому полностью и некритически принимая интерпретацию Вартаньяна; они добавляют к ней свои, ещё более живописные детали и ссылаются на популярную детскую книгу писателя Л. Лагина «Старик Хоттабыч».

Однако, материалы словаря Трахтенберга и стабильная регистрация выражений *загнать в пузырьёк*, *лезть в пузырьёк*; *загнать в бутылку*, *лезть в бутылку*; убедительно свидетельствуют о том, что связь с арабскими джинами

– это лишь народная этимология, созданная представителями литературного языка, не осведомленными в нюансах с субстандартным употреблением. А ведь жаргонологи недавно обратили внимание на это выражение и единодушно диагностировали его субстандартный источник. И здесь, конечно, отмечаются некоторые разночтения его окончательной этимологической расшифровки. Так, Людмила Ивановна Степанова, наша гостеприимная хозяйка, и её соавторы Бирих и Мокиенко, как известно, давно с интересом занимаются проблемой бутылок. Этот интерес, конечно же, привёл их к выражениям *загнать в бутылку*, *лезть в бутылку* и даже *съесть бутылку* ‘принять ложь за правду’ – все они, как убедительно показывается в их специальном этимологическом очерке, уходят корнями именно в русский субстандарт. Самую убедительную расшифровку этого выражения предложил жаргонолог В. Быков, который доказал, что выражение *лезть в бутылку* является порождением субстандарта [Быков 1999, 20–24], но имеет аналогии во фразеологии общерусского языка, напр., *лезть/полезть в пекло* – ‘стремиться туда, где грозит опасность’; *лезть/полезть к чёрту в зубы* – ‘заведомо рисковать жизнью; предпринимать что-нибудь рискованное’; *лезть/полезть в душу без мыла* ‘лестью, хитростью и т.п. [БМС 2005, 74–75]. Как видим, точка над историко-этимологической интерпретацией недавно появившегося русского оборота поставлена. Его прямой источник – русский субстандарт; но мнимая прозрачность мотивировки и экспрессивность выражения давно уже сделали его достоянием русской литературной речи. Можно найти жаргонные истоки подобных выражений и в гораздо более раннем периоде истории русского языка, которые, к сожалению, ещё до сих пор не изучены. Так, напр., просторечный оборот *на арапа* – ‘о совершении чего-л. путём обмана’ (обычно грубого) *воропь*, которое встречается в русских летописях уже с 12-го века в значениях «налет, нападение, грубый и неожиданный военный натиск», «наглый грабеж», «добыча, полученная путем такого грабежа», «насилие и сила» [БМС 2005: 30]. Как видим, такие выражения могли прийти и в жаргон из специализированной профессиональной речи и стать экспрессивными единицами современного просторечия и литературного языка.

В настоящей статье мы попытались кратко показать значимость жаргонных элементов при создании фразеологии в узком смысле слова. Можно продемонстрировать роль субстандарта в образовании традиционного, можно сказать, элитарного жанра фразеологии в широком смысле слова – пословиц. Народная речь – живая и диффузная стихия, где и пословицы, поговорки, и меткие ходячие выражения многих поколений активно воспроизводятся, заново обрабатываются и переосмысливаются. Нередко какая-либо из таких «переработок» кажется собирателю индивидуальным «метким словом». Опытный паремиолог, однако, не спешит с диагнозом «окказиональное» или «индивидуальное». Принцип структурно-семантического моделирования и широкое обращение к славянским и неславянским языкам часто вскрывают древнейшую образную и структурную основу даже таких «окказионализмов». Ведь и те пословицы и поговорки, которые первоначально кажутся ярко индивидуальными, «приду-

манными» на лету, на лингвистическую проверку оказываются либо уже достаточно широко известными современному узусу (например, молодёжному жаргону), либо являются «перелицовками» давно известных паремий. Назовём лишь несколько переделок такого рода: **Чем дальше в лес, тем больше дров:** *Чем дальше в лес, тем больше интерес.*; **На безрыбье и рак рыба:** *На безрыбье и сам раком станешь.* Разумеется при этом, что частотность тех или иных типов трансформ для пословиц, и, в частности, для пословиц в субстандарте, различна. И новейшие пословицы, включаясь в мощное силовое поле современного русского субстандарта, заражаются и заряжаются экспрессивной энергией, которая исходит из этого поля. К сожалению, для всех нас, преподающих или исследующих русский язык, процесс такого включения имеет и отрицательные стороны, главным образом – вульгаризацию живой речи и языка средств массовой информации. Хотелось бы, чтобы такая вульгаризация оказалась преходящей, и русский язык, заряжённый новой экспрессивной энергией, сам нашёл способы отсеять зёрна от плевел – подобно тому, как это было после первой волны языковой «вульгаризации» в XVIII веке или после второй волны – постреволюционной в первой половине XX века. Нам же, лингвистам, остаётся внимательно наблюдать за происходящими сейчас столь быстро и ускоряемыми возможностями компьютерной технологии языковыми изменениями, ставить диагноз болезненным явлениям и пытаться определить: что является симптомом настоящей болезни, а что – лишь здоровая реакция здорового человека, находящегося в состоянии аффекта. И – ждать момента, когда наши рекомендации будут востребованы как терапевтические средства.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- KÜPPER, H. (1993): *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. 1. Aufl. 1987. 5. Nachdr. Stuttgart-Dresden.
- МОКIJENKO, W., WALTER, H. (red.) (2008): *Frazeologia. Komparacja współczesnych języków słowiańskich*. 3. Opole 2008.
- RÖHRICH, L. (2001) *Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. 5 Bd. Freiburg, Basel, Wien.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф., ЗОЛОТЫХ, Л. Г. (2008): *Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики*. М.
- БМС (2005): БИРИХ, А. К., МОКИЕНКО, В. М., СТЕПАНОВА, Л. И.: *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Около 6000 фразеологизмов. Под ред. доктора филол. наук, проф. В. М. Мокиенко. М.
- БМШ (2000): БЕРКОВ, В. П.; МОКИЕНКО, В. М.; ШУЛЕЖКОВА, С. Г.: *Большой словарь крылатых слов русского языка*. М.
- БЫКОВ, В. (1999): В какую бутылку полез «голый Вася» (из истории русской субстандартной фразеологии). In: *Русистика*, N 1/2, с. 18–34.
- ВАРТАНЬЯН, Э. Р. (1964): Два рассказа о происхождении слов: *загнать в бутылку, жить на широкую ногу*. In: *Наука и жизнь*, 1964, N 8, с. 103.
- ТРАХТЕНБЕРГ, В. Г. (1908): *Блатная музыка. (Жаргон тюрьмы)*. Под ред. и с предисловием И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Санкт-Петербург 1908. Herausgegeben und mit einer Bibliographie von Harry Walter. Greifswald 2002.

ЗДЕНЕК ПЕХАЛ

Чехия, Оломоуц

ТЕКСТ КАК ОТНОШЕНИЕ

ABSTRACT:

The author emphasizes the idea, that if an artistic text may be regarded as a sign, then it is not a limited, specific substance which is the denotatum of the sign, but the relation – the author's constantly developing relation to reality for which arts seek their way of expression. The indefiniteness and complexity of the author's relation to reality is reflected in the multivocal, polysemous meaning of a work of art.

KEY WORDS:

Sign – substance – relation – referent as the subject-object relation – polysemy of a work of art – L. N. Tolstoy.

Темой литературоведческой части нашей конференции являются тексты и контексты. Тот факт, что текст постоянно воспринимается на фоне разного рода контекстов в генетическом плане, типологических сходствах и разногласиях, что текст воспринимается на фоне чужого культурного контекста в процессе рецепции – это явно и не подлежит никакому сомнению. Все это достаточно полно освещено в теоретической литературе. Но в последние пятьдесят лет велись очень бурные дискуссии, которые поставили под сомнение стабильные до этого времени камни структуры литературного произведения – как автора [Виноградов 1971: 118], [Бахтин 1963: 314, 1992: 296], [Мукаржовский 1937: 314], [Корман 1977: 120, 1981: 174], [Червенка 1969: 135–137]), рассказчика [Барт 1966: 1–27], [Хамбургер 1968], [Штанцель 1979, 1964], [Женетт 1972, 1983], [Шмит 2008], [Нюннинг 1994]), понимание текста как знака [Матхаусер 1999: 99–100]), нашли новое понимание текста, его значения и смысла, [Червенка 1969], [Янкович 1991, 1992]) расширили понимание читателя [Бут 1961], [Изер 1972, 1976], [Червенка 1969], [Эко 1979], [Женетт 1972, 1983]). Мне кажется, что в этом смысле на нашей конференции может состояться серьезная дискуссия о новых контекстах, которые могут существенным образом повлиять на интерпретацию литературного произведения и на поиски его смысла в целом.

Первым контекстом является контекст автора. Существуют попытки поставить под сомнение изучение биографического автора в том смысле, что суще-

ствуется разница между биографическим, конкретным автором, как живой частью не текстовой области и имплицитным автором, абстрактным автором, который воплощен в художественный текст и которого читатель реконструирует на основе прочтения текста [Матхаусер 1999: 82–97]. Само собой разумеется, что не все позитивистские факты из жизни конкретного, биографического автора имеют прямое значение для понятия текста, и, конечно, далеко не все всеобщезвестные факты из жизни писателей достоверны. Но изучение исторического контекста, несомненно, приносит знания о системе ценностей и системе исторических данных определенного времени. Другими словами, наряду со знаниями проблемы имплицитного автора и реконструкции его образа из текста произведения, надо все таки эстетически и исторически ориентироваться во времени, в котором было произведение написано и надо знать эстетический контекст и контекст ценностей времени биографического автора.

Но другая проблема – это проблема значения произведения. Традиционно бытует представление, что авторский замысел включает в произведение его значение, которое надо читателю разгадать, расшифровать, реконструировать заранее включенный автором в произведение замысел. Или, что произведение выступает как знак, символ, и читателю надо добраться через означающее к референту, денотату, внетекстовой реальности, добраться к определенной мысли, которую артефакт обозначает. Что касается ответа на первый вопрос о замысле заранее установленном автором в произведение, ясно, что значение текста намного шире, чем один предопределенный авторский замысел (ср.: [Янкович 2005: 848–956]).

С другой стороны, теоретики сошлись в том, что литературное произведение как знак не пассивно отражает внетекстовую реальность, не претендует на прямое отношение изображаемого к какому бы то ни было реальному, внетекстовому миру а выступает в смысле мимесиса Аристотеля – т.е. не подражает до мимесиса существующей действительности, а показывает текстовую действительность возникшую в процессе мимесиса, созданную именно мимесисом. И эта творческая работа является ядром знаковой ситуации. Источником знаковой эстетической ситуации является не внетекстовая действительность сама по себе, а субъективизированная действительность, действительность, которая прошла духом «созерцающего» [Фридеманн 1910: 26] субъекта. Я хочу прийти к выводу об автономности художественного произведения, независимости от действительных прообразов живой реальности [Матхаусер 1999: 97–119].

Т.е. художественный знак в эстетической ситуации выступает не как пассивное подражание живой действительности, а как творческий акт, посредством которого возникает то, что до времени творения не существовало. Литературное произведение выступает как фикциональный мир, как литературный вымысел. Изображение мира не стремится к прямолинейному отношению изображаемого к какому бы то ни было реальному, внелитературному, внетекстовому миру. Но все-таки литературное произведение выступает как знак – но не как знак какого-то неподвижного и строго определенного предмета, а выступает как знак отношения – отношения субъекта к окружаю-

щей действительности. Если я в своем выступлении назвал текст как отношение – я имел в виду именно факт, что литературное произведение выступает как знак отношения автора к действительности (подчеркивается не субстанция, а реляция) – действительность показана посредством отношения, посредством того, что автор постоянно относится к объекту, который старается как-то воспринять, понять окружающую реальность. Посредством приведенного отношения субъект стремится воспринять неопределенный объект. Неопределенность субъективного отношения переносится в знак и тот воспроизводит приведенное отношение в художественную многозначность. И эта многозначность находится перед читателем и рождается перед его глазами. Опостредованно, с помощью художественной структуры – системы рассказчика, действующих лиц, событий – вызваны многочисленные значения.

Опять я вернусь к названию нашей главной темы: тексты и контексты. Я хочу направить ваше внимание от сравнительной типологии, генеологии, проблем, связанных с рецепцией к контекстам разного рода понимания автора, рассказчика и его масок и игры, персонажей и их структуральных сдвигов, результатом которых являются отношения разных структуральных контекстов, которые художественный текст способен генерировать и к многозначности которых текст своей эстетикой направлен.

Посмотрим один момент из романа Л. Н. Толстого «Война и мир», когда умирает отец Пьера Безухова: Пьер встал, чтобы помочь слуге.

В то время, как графа переворачивали, одна рука его беспомощно завалилась назад, и он сделал напрасное усилие, чтобы перетащить её. Заметил ли граф тот взгляд ужаса, с которым Пьер смотрел на эту безжизненную руку, или какая другая мысль промелькнула в его умирающей голове в эту минуту, но он посмотрел на непослушную руку, на выражение ужаса в лице Пьера, опять на руку, и на лице его явилась так не шедшая к его чертам слабая, страдальческая улыбка, выражавшая как бы насмешку над своим собственным бессилием. Неожиданно, при виде этой улыбки, Пьер почувствовал содрогание в груди, щипанье в носу, и слезы затуманили его зрение. Больного перевернули на бок к стене. Он вздохнул.

Перед нами маленький отрезок крупного мира романа Л. Н. Толстого. Центром образа является умирающий граф и его рядом с ним стоящий сын, углом зрения которого вся ситуация передается. Перед читателем выступает ужас смерти в виде неподвижной руки, или, лучше, беспомощность человека и ужас молодого человека, который все непосредственно воспринимает. Перед нами фикциональный мир, возможный мир, мир, созданный творцом и который до его творческой деятельности не существовал, который формируется в процессе повествования. Это не пассивная копия живой действительности, а художественная интерпретация действительности. Вся видимость приведенной сцены насыщена духом автора, образом автора, лицо которого мелькает перед глазами читателя. Образ содержит не только видимость, сцену, наглядное действие, но и комментарий, посредством которого к читателю образ доходит. Это

не только парафраз, пересказ возможной действительности, но прежде всего иронический пересказ отношения человека к смерти. Может быть, мы могли бы все это назвать косвенной психологической характеристикой моментального психического состояния умирающего графа и Пьера Безухова. Но, с другой стороны, сцена выступает как знак специфического авторского отношения к действительности. Сквозь перспективу больного графа и сквозь Пьера Безухова просвечивает авторское восприятие приведенного явления. Здесь угол зрения рассказчика один образ – беспомощная рука – воспринимается посредством двух перспектив – точкой зрения умирающего и посредством свидетеля – Пьера Безухова. Ирония умирающего смешивается с ужасом свидетеля и ужас свидетеля видится посредством умирающего, больной граф видит самого себя, свое существование в зеркале своей беспомощной руки и в зеркале ужаса лица Пьера. Страданием умирающего просвечивает сочувствие близкого человека. Таким образом, образ руки находится в контексте нескольких перспектив, а именно этот своеобразный семантический контекст иронии, ужаса, смерти, зеркала самого себя, страдания, сочувствия способны создать основу знаковой ситуации, денотатом которой является образ автора, который можно реконструировать из текста. И образ автора, это не неподвижное, ограничение значение, а непосредственно рождающие значения, которые основываются на семантическом проникновении в тексте приведенных контекстов – перспектив, которые способны вызвать у читателя представление означаемого отношения. Возможная действительность показана в отношении перспектив, с помощью которых рождается значение – образ автора, который выступает не как неподвижный портрет, или выражение одного значения, а как портрет его отношения к реальности. Текст находится в окружении внешнего типологически или генетически адекватного контекста, или в окружении контекстов, которые вытекают из знаковой ситуации. Тем я и хотел доказать, что знаковая ситуация не является системой отношений каких-то прочно установленных единиц, как автора, предметов, объектов, но опять разного рода отношений.

В этой статье я хотел доказать, что если понимать литературное произведение как знак, то фикциональный мир является новой автономной реальностью, которая возникла посредством творческого процесса и является знаком денотата, знаком процесса отношения автора к внетекстовой действительности и этот знак способен генерировать область означающего – способен вызывать рождение новых, многочисленных до этого несуществующих значений.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BARTHES, R. (1966): Introduction à l'analyse structurale des récits. In: Communications. No. 8. s. 1–27.
 BOOTH, W. C. (1961): The Rhetoric of Fiction. Chicago.
 ČERVENKA, M. (1992): Literární dílo jako znak. In: Červenka, M.: *Významová výstavba literárního díla*. Praha, 131–144.
 FRIEDEMANN, K. (1910): *Die Rolle des Erzählers in der Epik*. Berlin. Reprint: Darmstadt, 1965.
 GENETTE, G. (1983): *Nouveau discours du récit*. Paris.
 HAMBURGER, K. (1968): *Die Logik der Dichtung*. 2., veränderte Aufl. Stuttgart.
 ISER, W. (1972): *Der implizite Leser: Kommunikationsformen des Romans von Bunyan bis Beckett*. München.
 ISER, W. (1976): *Der Akt des Lesens: Theorie ästhetischer Wirkung*. München, 1976.
 JANKOVIČ, M. (1991): *Nesamozřejmost smyslu*. Praha.

- JANKOVIČ, M. (1992): *Dílo jako dění smyslu*. Praha.
- JANKOVIČ, M. (2005): Dění smyslu jako teoretický a interpretační problém. In: *Na cestě ke smyslu*. Torst, Praha, s. 861–966.
- MUKAŘOVSKÝ, J. (1966): Individuum v umění. In: *Studie z estetiky*. Praha, s. 311–315.
- MATHAUSER, Z. (1999): *Estetika racionálního zření*. Praha.
- NUNNING, A. (1998): *Unreliable Narration. Studien zur Theorie und Praxis unglaubwürdigen Erzählens in der englischsprachigen Erzählliteratur*. Ed. A. Nunning. Trier, 1998.
- STANZEL, FRANZ, K. (1964): *Typische Formen des Romans*. Göttingen.
- STANZEL, FRANZ, K. (1979): *Theorie des Erzählens*. Göttingen.
- БАХТИН, М. М. (1972): *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва.
- БАХТИН, М. М.: Язык в художественной литературе. In: *Собрание сочинений в 7 томах*. Т. 5. Москва, s. 287–297.
- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1971): Проблема образа автора в художественной литературе. In: *О теории художественной речи*. Москва, s. 105–121.
- ЭКО, У. (1979): Eco, U.: *Lector in Fabula*. Milano.
- ЖЕНЕТТ, Ж.: (1998): Повествовательный дискурс. In: *Фигуры*. Т. 2. Москва, 60–280.
- КОРМАН, Б. О. (1977): О целостности литературного произведения. In: *Избранные труды по теории и истории литературы*. Ижевск, s. 119–128.
- ШМИД, В. (2008): *Нарратология*. Москва.

Йиндржишка Пилатова

Чехия, Оломоуц

РУССКИЙ И ЧЕШСКИЙ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТЫ. КОНЦЕПЦИИ В ТЕОРИИ, ОСОБЕННОСТИ НА ПРАКТИКЕ

ABSTRACT:

The current study endeavours to summarize and comment on the general and specific theoretical and practical features of newspaper style as presented and argued in Russian and Czech 20th cent. stylistics. Functional as well as formal heterogeneity of the style is highlighted (i.e. co-occurrence of informative and persuasive functions, combination of standardized and expressive language devices). Two more peculiarities of the publicist style are commented upon by the author, namely the extralinguistic base of the style and subjectivity of both reception and production of a publicist text. Thorough comparison of contemporary Russian and Czech newspaper texts reveals further qualities typical of Russian newspaper discourse – its progressive fatic/ conative and poetic function, higher degree and intensity of both standardization and expressive foregrounding of language means, tendency towards implicit expression of information (overtones, allusions, ambiguous relation to accompanying graphic texts etc.).

KEY WORDS:

Newspaper style – contemporary Russian – contemporary Czech – function – language device – standard – expressivity – persuasive function – semantic hierarchization of text – explicit vs. implicit expression.

Цель настоящей статьи – обобщить подходы к изучению ГПС в русской и чешской стилистической традиции и отметить специфические черты русского и чешского газетного дискурса, восходящие, по нашему убеждению, к национально-стилистическому узусу и конвенциям функционирования газеты в данной культурной среде. На это нас вдохновили наблюдения лингвистов-когнитологов или стилистов, выдвигающих в русском газетном общении его имплицитность и афористичность [Ратникова 2001] или декоративность его формы и полемичность содержания [Басовская 2004].

В связи с формальным и функциональным разнообразием и социально-культурной обусловленностью данного стиля в истории функциональной стилистики автономный ГПС не входит в первоначальную классификацию функ-

циональных стилей (ср. [Navránek 1932]), а выделяется лишь в середине XX века, первая монография выходит в свет в 1957-м г. [Jelínek 1957] во время оживлённых дискуссий в русской и чешской среде о характере и методах описания живого естественного языка. Отсутствие единых формальных признаков и нормированности газетной речи казалось бы противоречит определению единого функционального стиля. В 60-е гг. XX в. В. Г. Костомаров [1967] использует выражение «антистиль», которому, по мнению автора, свойственна «антисистемность», подчёркнутая материальная неоднородность [Костомаров 1971], газета – это «надёжное устройство из ненадёжных элементов» [Костомаров 1967: 20]. Выделение ГПС в качестве автономного в 50-60-е гг. XX в. основано на его особой (противоречивой) функциональной установке. Однако его позиция в системе функциональных стилей оставалась неустойчивой. Прочная лингвостилистическая характеристика ГПС в чешской и русской традиции была разработана лишь в 70-е гг. XX в. [Костомаров 1971], [Солганик 1976], [Швец 1979], [Васильева 1982], [Ве́ска 1973], [Chloupek 1978], [Stich 1974].

В концепции русской стилистической традиции ГПС с самого начала отличается воздействующей функцией, которая [Виноградов 1963] выделяет его на фоне сообщающих стилей (научный, официально-деловой), фатического разговорного стиля и роднит его с воздействующим художественным стилем. Суживая понятие воздействующей функции, Г. Я. Солганик [1976] выдвигает в 70-е гг. особую идеологизацию языка в газете, т. е. социально-оценочную функцию газеты, состоящую во внесении определённой оценочной семантики согласно идеологической точке зрения автора. Акцент на воздействующей функциональной составляющей присущ с самого начала и чешской концепции (ср. агитационная функция [Hausenblas 1955]). Сложность описания осуществляемого газетой воздействия на читателей отражается в изобилии употребляемых определений, ср. пр.: функция агитации, пропаганды, персуазии, функция организаторская и регулятивная (Т. И. Хмара), фасцинирующая (И. И. Ревзин, цит. по [Stich 1974]), формирующая [Ве́ска 1973]. Бесспорное и важное, стилеобразующее присутствие воздействующей установки в ГПС отражается и в особой классификации функциональных стилей в соответствии с чешским автором Й. В. Бечкой [Ве́ска 1992]. ГПС им считается наряду с нормативным, административным и деловым стилями «прагматическим» стилем, которому противостоят так наз. основные стили (научный, художественный).

В описании функциональной сущности ГПС современная русская и чешская традиции в большинстве случаев учитывают сосуществование в ГПС двух противоположных функций (ср. [Швец 1979], [Кожина 1993], [СЭСРЯ 2003], [Ве́ска 1973], [ESČ 2002]) – функции сообщения (информативная функция) и функции воздействия (воздействующая функция). Именно динамическое взаимодействие обеих функций порождает гетерогенную сущность, противоречивые тенденции в обработке конкретного языкового материала. Иногда авторы приводят обе функции, выдвигая в качестве стилеобразующей воздействующую функцию (ср. [Кожина 1993: 184] – «основная функция ГПС –

воздействующе-информативная с акцентом на аспекте воздействия», похоже см. [Čechová a kol. 1997]). Своеобразной «крайностью» можно считать описание А. Н. Васильевой [Васильева 1982], выделяющей пять функций и одиннадцать подстилей ГПС (функция информативная, аналитическая, пропагандистская, организаторская, развлекательная), или подход Д. Н. Шмелёва ([Шмелёв 1977] – автономный газетно-информационный функциональный стиль) и А. Стиха [Stich 1974], исключающих из ГПС чисто информативный газетный текст. Концепция А. Н. Васильевой, по нашему мнению, раздроблена и лишена обобщающего, единого принципа описания, в то время как подход Д. Н. Шмелёва и А. Стиха, на наш взгляд, не учитывает потенциального «подтекстового» присутствия воздействия или прагматической составляющей в определённом контексте.

На уровне функционирования языковых средств языковая природа ГПС в прежних концепциях сводилась лишь к применению в газете маркированной лексики и фразеологии (А. К. Панфилов) или к метафоризации, т. е. образному переносу названий из военной, профессиональной или спортивной лексики на общественно-политические явления [Шмелев 1977]. Более прогрессивной оказалась концепция А. Стиха [Stich 1974], распространившего языковую природу газеты на все разнообразные языковые и композиционные средства выражения, создающие в газетном тексте так наз. публицистическую основу, акцентирующую позиции адресанта и адресата (лексика, грамматика, модальность и т. д.). Противоречивость функции и соответствующая противоречивость языковых приемов получили окончательное подтверждение в подходе В. Г. Костомарова [1971], выдвинувшего в качестве конструктивного принципа ГПС последовательное и всеохватывающее чередование стандарта и экспрессии – «одновременное действие ориентаций на экспрессию и стандарт, составляющее единый конструктивный принцип» [Костомаров 1971: 57].¹ Стандартизированные средства, по утверждению В. Г. Костомарова, служат функции сообщения, и экспрессемы остраивают форму выражения, воздействуя на эмоции реципиентов. В. Г. Костомаров основывал свои исследования на общей теории массовой коммуникации и психологии её восприятия реципиентом, демонстрируя стандарт и экспрессию на разных уровнях языковой системы и организации текста. В чешской стилистической традиции авторы прибегают к понятиям автоматизации и актуализации языковых средств, введённым под влиянием русского формализма в стилистическую аргументацию уже в 30-е гг. XX в. Б. Гавранек (без отношения в это время к ГПС, [Havránek 1932], дальше ср. [Jedlička 1970], [Chloupek 1994], [Čechová 1997], [Srbová 1998]). По нашему мнению, чешская стилистическая традиция в данном случае делает акцент на общем динамическом потенциале языковых средств и приёмов ГПС (автоматизация и актуализация), в то время как русская концепция даёт оценку сиюминутному статистическому качеству средств (стандарт и экспрессия). Поми-

¹ Ср. одностороннее определение принципа ГПС в прескриптивной концепции 20-х гг. XX в.: основные отличия – механизированность, шаблонность, штампованность (Г. О. Винокур – *Культура языка*, 1929, цит. по [Солганик 1997]).

мо вышеприведённых терминов в чешской традиции встречается и оппозиция «постоянное – временное» (ср. диалектическое единство постоянного и временного, [Chloupek 1978]) и более абстрактная концепция учёного Й. В. Бечки ([Ве́шка 1973] сочетание интеллектуального и беллетристического характера).

Чередование или же парадоксальное единство стандарта и экспрессии отличает ГПС независимо от данного автора, жанра, облика газеты или исторического периода. Однако, возможно разное качественное или количественное оформление настоящего динамического принципа. Бурное развитие экспрессии, в частности, отмечается в газете в период социальных и идеологических потрясений и перестройки ценностей [Костомаров 1994]. Кроме того, процессы автоматизации и актуализации взаимосвязаны и заключены в единое кольцо. Новые экспрессы внезапно или постепенно превращаются в автоматизированные клише, а стандарт, наоборот, подвергается возможной актуализации.

В современных исследованиях ГПС – и в более широком понимании масс-медиа-текстов – отмечаются две тенденции. С одной стороны, авторы выходят за рамки чисто функциональной концепции стилистики, осуществляя анализ на более абстрактном уровне (например, [Костомаров 2005] – на уровне динамических конструктивно-стилевых векторов). С другой стороны, авторами акцентируется современная конвергенция формальных и технологических возможностей в так наз. медиа-тексте (вербальная составляющая – письменный, устный язык, визуальная и акустическая составляющие, [Засурский 2005], [Костомаров 2005]). В. Г. Костомаров [2005], например, уже считает принципом функционирования газеты не чередование стандарта и экспрессии, а установление и поддержание непрерывного контакта между автором и читателем, интерактивность («императив непрерывного контакта, по возможности, доброжелательно-личностного» [Костомаров 2005: 179]). Далее, в рамках изучения газеты как вида «медиа-текста» подчеркивается тот факт, что коммуникат уже вышел за рамки возможностей чисто вербальной коммуникации и интерпретации.

В заключение теоретической части статьи можно утверждать, что кроме доминирующего стилообразующего свойства ГПС (чередование стандарт/автоматизация и экспрессия/актуализация – т. е. контрастных подходов к обработке материала – рационального и эмоционального), на основании нашего практического опыта работы с чешскими и русскими текстами ГПС можно привести ещё следующие две характеристики данного функционального стиля – прочную экстралингвистическую основу и повышенную роль субъективных факторов в процессе продукции и рецепции текста. Например, в отрывке из нижеприведенного газетного текста в линии номинаций чередуются нейтральные информемы (*Иран, Америка, Тегеран, Вашингтон*) и оценочные образные экспрессы (*аятолы, янки*), интерпретация которых сильно зависит от внеязыковых, культурно-обусловленных ассоциаций данной языковой общности и, следовательно, от субъективных факторов интерпретации, ср. пр. текста:

Атоллы намерены помириться с янки (заголовок)

Иран надеется, что с приходом новой американской администрации отношения между Тегераном и Вашингтоном улучшатся.

ГПС, бесспорно, отличается тесной связью с внеязыковой социально-политической и культурной обстановкой данного сообщества, что и подчёркивает сугубо национальный характер стиля,² важную роль культурной коннотации и имплицитности содержания (т. е. не эксплицируются фоновые знания, ассоциации и оценки, актуальные среди представителей данной общности). Таким образом, конкретный текст остаётся семантически незавершённым, и потенциал его адекватного восприятия зависит не от владения языковой системой, а от общего понимания речи и конситуации общения (в ГПС часто имеет место прагматико-оценочная трансформация языковых средств, [Сипко 1994]). «Субъективность» ГПС состоит в особой установке не на денотат сообщения, а на участников коммуникации. Субъективные факторы отправителя и получателя информации в СМИ играют важную роль в восприятии сообщаемого смысла. Вышеприведённые особенности ГПС вызывают немалые затруднения не только в случае практического восприятия текста носителем данной культуры, но и в процессе его межъязыкового и межкультурного сопоставительного изучения.

Принимая во внимание наличие многочисленных языковых, стилистических, культурно-когнитивных и ситуативных факторов национального ГПС, мы на основании нашего опыта работы с русскими и чешскими текстами выделяем особенности современного русского газетного дискурса в следующих областях – I. функциональная установка текста (т. е. разнообразие, масштаб, интенсивность выполняемых в тексте функций); II. соотношение стандарта и экспрессии в тексте (т.е. качественные и количественные аспекты экспрессивности); III. семантическая структура и иерархизация текста (т. е. содержательно-смысловая структура, соотношение эксплицитной и имплицитной – ситуативно и контекстуально обусловленной подачи информации). Отдельным трем характеристикам будем уделять внимание в дальнейшем.

I. Функциональная установка текста ГПС

С точки зрения функциональной установки газетного дискурса нами в русском материале отмечен более широкий диапазон активно выполняемых функций. Итак, помимо стилеобразующих функций газеты – информации и воздействия – в русском газетном общении активизируются и другие компоненты акта коммуникации и соответствующие им по модели Р. О. Jakobsona функции. Ср. пр. акта коммуникации и позицию информативной (денотативной) и воздействующей (экспрессивной) функций (по модели [Jakobson 1995]):

² ср. классификацию А. Стиха [Stich 1992] – оппозиция «научный стиль» – «ГПС» по признаку интернациональный – национальный характер общения и по признаку объективный стиль (акцент на денотат сообщения) – субъективный стиль (акцент на участников коммуникации, на отношение, контакт, призыв, воздействие).

Контекст (денотативная функция)

Адресант ----- **Сообщение** ----- **Адресат**
(эмотивная/экспрессивная функция)

Контакт

Код

В газетный дискурс – и особенно в русский – активно включается адресат и, следовательно, усиливается и функция фатическая или конативная. Сравним пример акта коммуникации и новых, акцентируемых в тексте русского ГПС компонентов и функций (по модели [Jakobson 1995]):

Контекст

Адресант ----- **Сообщение** ----- **Адресат**
(конативная функция)

Контакт (фатическая функция)

Код

Фатическая функция состоит в установлении контакта с читателем посредством интимизации изложения (ср. пр.: *наша страна, нас обругали, Если у вас билеты на 9-е мая, вам придется идти пешком*) или прямого обращения к нему (ср. пр.: *С Днем Победы Вас, дорогие друзья!*). Функция конативная эксплицирует призыв к читателю (ср. пр.: *Не проезжайте мимо. Остановитесь. Положите цветы. Помолчите немного. Вспомните и поклонитесь.*). Параллельные чешские примеры воображаемого активного «участия» читателя в создании текста свойственны скорее тексту бульварных изданий, ср. пр.: *Velikonoce se blíží – uklízejte!; Zkusili jsme za vás; Rekonstruuje koupelnu a WC? Nechte si od nás poradit!; Špidlo, konec srandy! Padá nemocnice Motol! Za tohle můžete vy!*. «Интимное» отношение к адресату русского газетного текста является, по мнению М. А. Кормилицыной [2007], одним из последствий кардинальных общественных преобразований в современной России, под влиянием которых изменилась сама суть коммуникации – речевое поведение участников. «Генеральной стратегией СМИ становится стратегия близости к адресату», получает развитие «презумпция коммуникативного равенства адресанта и адресата» [Кормилицына 2007: 268]. В результате русский газетный текст содержит многочисленные сигналы разговорности и устного диалога. Данное явление рассматривается как реализация риторической категории разговорности и средство воздействия на читателей.

Далее, в русской газете коммуникация иногда направлена не на денотат или адресата, а на само сообщение и код. Сравним пример акта коммуникации и новых, акцентируемых в тексте русского ГПС компонентов и функций (по модели [Jakobson 1995]):

Контекст

Адресант ----- **Сообщение** ----- **Адресат**
(поэтическая функция)

Контакт

Код (метаязыковая функция)

Таким образом, налицо действие поэтической (эстетической) функции, направленной на форму сообщения и ее остранение (ср. пр.: *Наши руки не для скуки*; *Daně a jak na ně*; лексическая контаминация/междусловное наложение/ремотивация, активизация внутренней структуры слова – *Культ – ура!*; *Здравозахоронение*; *БРЕДить ПИТТом*; развернутые оригинальные метафоры, параллельные грамматические конструкции, композиционные поэтизмы: *Минздрав предупреждает: шоколад полезен для Вашего здоровья*), и действие метаязыковой функции (т. е. осознанный подход к применению особых языковых средств – языковое чутье, пр.: *собравшиеся в Москву «хозяева мира»*; *Policisté „obklíč“ centrum*). Суть поэтизмов (фонетических, лексических, грамматических и композиционных) – преднамеренное нарушение автоматизированных связей между формой и содержанием, активный поиск нестандартной формы или нестандартного содержания. В результате появляется полисемантическая речь, окказиональная форма и неустойчивое, активное взаимодействие формы и содержания данного языкового знака, доходящее до функции чисто языковой игры.

В русский газетный текст, таким образом, чаще вовлекается потенциальный адресат, коммуникация нередко направлена именно на средства и форму выражения (появляется повышенный потенциал языковой игры). Можно утверждать, что русскому газетному общению свойственно личностно-ориентированное общение и установка на само речевое общение как таковое. Русский газетный текст, по нашему мнению, можно считать подлинно полифункциональным, активно включающим в вербальный текст компоненты внеязыковой ситуации и активизирующим в последствии того больше коммуникативных и языковых уровней выражения.

II. Соотношение стандарта и экспрессии

В русском ГПС универсальное взаимодействие стандарта и экспрессии приобретает на фоне чешского материала более контрастный характер. В частности, налицо более интенсивная эмоционально-экспрессивная окраска во всех планах языка и, следовательно, более широкий потенциал стилистического контраста. В русском материале, в отличие от чешского, широко распространены фоностилистические экспрессымы (ср. ритмизацию и рифму в заголовке: *Указы – продавать алмазы; Спецы прогнозируют, коровы пока жуют*), лексические каламбуры (ср. пр.: *В России возобновилось производство СМИ-рительных рубаш*, паронимазия – *Небритая Британия*; *Был культ личности, а сейчас культ наличности*), оригинальные метафоры (пр.: *Россия как вечно обиженная младшая сестра, которая когда-то была хозяйкой в евроазиатском доме*), синтаксические фигуры речи (риторические вопросы, парцелляция, градация – ср. пр.: *В центре Москвы организовали 60-летие Победы. За кордонами.; Очень грустно признавать, что [...]. Нестерпимо обидно, что праздник вызывает [...] И особенно тяжело ощущать, что праздник утратит свой пафос.*) или композиционный контраст на уровне заголовков – текст (т.е. экспрессивный заголовок, нейтральный текст, пр. см. ниже – *Ген-*

сек в поход собрался). В чешской газете отдельные примеры также отмечены, т. е. потенциал контраста стандарт – экспрессия в чешской газете присутствует, ср. пр.:

лексические каламбуры: *ČEZká republika a totalita* (ČEZ – энергокомпания-монополист в ЧР)

PLNOU ParouBACK! («Полным ходом назад!», фамилия политика Пароубека)
ParoubEGG (в политика Пароубека бросали на митингах яйцами)

фоностилистические экспрессы: *Daně a jak na ně*

парцелляция: *Soudci jsou beztrstní, zatím.*

Однако, и качественный, и количественный масштаб применения экспрессы в чешском тексте далеко уступает реальному положению дел в русской газете. Особенно в аналогичном чешском материале (например, в заголовке) не отмечены экспрессы, основанные на поэтической, творческой работе с языком (каламбур, неологизмы, фоностилизация), и экспрессы, восходящие к разговорному синтаксису – формальной модификации изложения (сегментация и т. д.). Данное утверждение соответствует функциональной установке русского ГПС на поэтическую и метаязыковую функции – т. е. интересу русской газеты к форме и новизне языковых средств и соответствует и характерным свойствам современного русского ГПС (экспрессивизация и фигуризация дискурса [Сковородников, Копнина 2004]).

III. Семантическая иерархизация текста

В случае русского ГПС, по нашему мнению, уместно говорить о специальной семантической иерархизации текста, в рамках которой конвенциональный принцип кооперации текстовых составляющих не всегда сохраняется. В рамках его содержательно-смысловой структуры, помимо эксплицитной подачи информации, имеет место и подлинно имплицитное воплощение фактов, но прежде всего оценок или отношений (т. е. аксиологическая составляющая смысла текста). Газетный текст, таким образом, иногда полностью семантизируется лишь за пределами его вербального оформления, отсылая к конситуации (графическому сопровождению) или к общему когнитивному фону, культурной памяти данного сообщества.

В случае взаимодействия вербального и графического текста в газете имеет место особый композиционный прием, в рамках которого устанавливается или конвенциональное семантическое согласование между вербальным текстом и рисунком (ср. Графическое приложение 1) или отношение смыслового расширения, даже контраста и напряжения между компонентами сообщения (ср. Графическое приложение 2). В первом случае эксплицитные языковые средства (ср. пр.: *избирательный рекорд, планка Путина*) находятся в отношении смыслового соответствия с образными средствами графического текста (ср. условия спортивного состязания), т. е. язык и графика поддерживают друг друга в смысловом плане. Во втором случае эксплицитные языковые средства (ср. пр.: *мягкий вариант, Медведев*) на первый взгляд не ассоциируются с предлагаемой графикой интерпретацией (мягкая игрушка), смысловое

отношение между вербальным и графическими текстами является контрастным, порождающим противоречивые, оригинальные неожиданные оценочные ассоциации.

В случае приема ссылки к общему когнитивному фону носителей языка налицо включение в актуальный газетный текст смысловых ассоциаций с прецедентными ситуациями или высказываниями, ср. пр. текста:

Генсек в поход собрался³

Генеральный секретарь НАТО Джордж Робертсон в понедельник прибыл с двухдневным визитом в столицу Армении. В Ереване он планирует провести переговоры с президентом Кочаряном, министром обороны и иностранных дел, а также с церковными деятелями. Затем Джордж Робертсон продолжит свое турне по Закавказью и направится в Баку. В обеих странах генсекретарь НАТО будет обсуждать с их руководством вопросы отношений государств Закавказья и блока НАТО.

Вербальная линейная составляющая газетного текста – так наз. горизонтальный контекст – не гарантирует полного и совершенного восприятия содержательно-смысловой структуры текста. Сиюминутный горизонтальный контекст неизбежно вступает в сложное взаимодействие (отношения подтверждения или полемики) с вертикальным контекстом ассоциаций, пресуппозиций и культурных стереотипов участников коммуникации. Сравним примеры полемики с оценочным, ироническим подтекстом – в оригинале роман Ю. Семенова: *Приказано выжить*; в иронической обработке заголовок: *Бюджетники: приказано выжать*.

Данный прием внетекстовой связи в газете выполняет две цели – или повышается модная декоративность текста, или порождается двуплановость смысла и возникает сообщение, насыщенное не только в плане смысловом, но и прагматико-стилистическом, эмоциональном и когнитивном.

Семантика текста русского ГПС (особенно заголовочной конструкции) в высокой степени имплицитна. В отличие от преобладающего прямолинейного осмысления чешского текста русский текст семантизируется, по нашему мнению, часто за пределами его конкретного вербального воплощения, иногда даже вопреки примарным его значениям (прием иронии, сарказма). Именно активизация композиционных приемов (например, контраст и напряжение между компонентами композиции, текстом и графическим сопровождением) усложняет семантическую структуру русского газетного текста. Итак, с точки зрения семиотики, текст ГПС – более сложное, динамичное, неоднородное для толкования целое.

³ В заголовке обыгрывается песня «Мальбрук в поход собрался» – «это начало франц. песенки о знаменитом англ. полковнике герцоге Мальборо («Мальбрук в поход собрался, За ним гналась тень. Он к вечеру ... И умер в тот же день»). Служит ироническим комментарием к планам человека, который затевает крупное предприятие легкомысленно, без должной подготовки» [www.slovarvyr.ru].

В заключение можно обобщить, что несмотря на наличие и действие универсального принципа ГПС на практике современный русский и чешский тексты ГПС представляют собой разные виды дискурсов – в плане функциональном, содержательно-смысловом и формальном.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BARTOŠEK, J. (1997a): Jazyk žurnalistiky. In: F. Daneš (ed): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha, s. 42–67.
- BEČKA, J. V. (1973): *Jazyk a styl novin*. Praha.
- BEČKA, J. V. (1992): *Česká stylistika*. Praha.
- ČECHOVÁ, M. a kol. (1997): *Stylistika současné češtiny*. Praha.
- HAVRÁNEK, B. (1932): Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura. In: *Spisovná čeština a její kultura*. Praha, s. 32–84.
- CHLOUPEK, J. (1978): Dialektika stálého a proměnného v publicistickém stylu. In: *Slovo a slovesnost* 39, s. 317–319.
- CHLOUPEK, J. (1994): *Funkční styly dnes*. NŘ 77, č. 2, s. 57–66.
- JAKOBSON, R. O. (1995): Lingvistika a poetika. In: *Poetická funkce*. Jinočany, s. 74–105.
- JEDLIČKA, A., FORMÁNKOVÁ, V., REJMÁNKOVÁ, N. (1970): *Základy české stylistiky*. Praha.
- JELÍNEK, M. (1957): *O jazyce a stylu novin*. Praha.
- KARLÍK, P., NEKULA, M., PLESKALOVÁ, J. (eds) (2002): *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha. (ESČ)
- MISTRÍK, J. (1985): *Stylistika*. Bratislava.
- PILÁTOVÁ, J. (2006): Особые приемы экспрессии в заголовках бульварной прессы (на материале русского, чешского и английского языков). In: *Przegląd Rusycystyczny*. Nr 3 (115), s. 89–96.
- PILÁTOVÁ, J. (2008): Роль поэтической функции в русском и чешском публицистическом дискурсе. In: *Rossica Olomucensia XLVI-II. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX Olomoucké dny rusistů (30.8. – 1.9. 2007)*. Olomouc: UP v Olomouci, s. 107–112.
- PILÁTOVÁ, J. (2009): *Krátká zpráva v současné ruské a české publicistice. Jazyk a text*. Olomouc: UP v Olomouci.
- PILÁTOVÁ, J. (2009): Srovnání ruských a českých publicistických textů – kulturní dialog. In: *Dialog kultur V. Sborník referátů z mezinárodní konference*. Ústí nad Orlicí, s. 221–226.
- SRPOVÁ, H. (1998): *K aktualizaci a automatizaci v současné psané publicistice*. Ostrava.
- SRPOVÁ, H. et al. (2007): *Persuasion through Words and Images*. Ostrava.
- STICH, A. (1965): Ke konfrontačnímu studiu publicistického stylu v češtině a v ruštině. In: *ČsR X*, s. 97–103.
- STICH, A. (1974): Problematika publicistického funkčního stylu a jeho konfrontačního studia v rámci slovanských jazyků. In: *Stylistické studie I*. Praha, s. 33–55.
- STICH, A. (1992): Publicistický styl v soustavě funkčních stylů. In: *Stylistika I. Стилистика сегодня – Stylistics Today*. Opole, s. 98–105.
- TĚŠITELOVÁ, M. (1982): *Kvantitativní charakteristika současné české publicistiky*. Praha.
- БАСОВСКАЯ, Е. Н. (2004): Риторические вопросы в современной публицистике. In: *PP 1/2004*, с. 57–63.
- БЕЛЬСКАЯ, М. И. (1990): *Синтаксические и структурно-текстовые средства реализации прагматики в кратких информационных сообщениях*. Автореф. канд. дисс. Москва.
- ВАСИЛЬЕВА, А. Н. (1982): *Газетно-публицистический стиль речи*. Москва.
- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1963): *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. Москва.
- ЗАСУРСКИЙ, Я. Н. (2005): Медiateкст в контексте конвергенции. In: Г. Я. Солганик (сост.): *Язык современной публицистики*. Москва, с. 7–12.
- КАКОРИНА, Е. В. (1996): Новизна и стандарт в языке современной газеты. In: *Поэтика. Стилистика. Язык и культура*. Москва, с. 169–180.
- КОЖИНА, М. Н. (1993): *Стилистика русского языка*. Москва.
- КОЖИНА, М. Н. (ред.) (2003): *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Москва 2003. (СЭСРЯ)
- КОРМИЛИЦЫНА, М. А. (2007): Разговорность как реализация стратегии близости к адресату в современной прессе. In: Е. А. Земская (ред.): *Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина*. Москва, с. 268–276.
- КОСТОМАРОВ, В. Г. (1967): Стилистическое «смещение» в языке газеты. In: *Вопросы культуры речи*. Вып. 8, с. 16–34.
- КОСТОМАРОВ, В. Г. (1971): *Русский язык на газетной полосе*. Москва.

- КОСТОМАРОВ, В. Г. (1994): *Языковой вкус эпохи*. Москва.
- КОСТОМАРОВ, В. Г. (2005): *Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики*. Москва.
- РАТНИКОВА, И. (2001): Социокультурная информация и семантика антропонимических метафор в русском публицистическом дискурсе. In: *Актуальные вопросы изучения русской литературы и культуры, русского языка и методики его преподавания в европейском контексте*. Krakow, с. 346–352.
- СЕРОВ, В. (авт.-сост.) (1.9.2009): *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*. URL: <http://bibliotekar.ru/encSlov/12/8.htm>
- СИПКО, Й. (1994): *Прагматический компонент косвенной оценки в русском публицистическом тексте*. Автореферат канд. дисс. Москва.
- СКОВОРОДНИКОВ, А. П., КОПНИНА, Г. А. (2004): Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка. In: *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть 2*. Москва МГУ 2004, с. 285–306.
- СОЛГАНИК, Г. Я. (1976): *Системный анализ газетной лексики, источники её формирования*. Автореферат канд. дисс. Москва.
- СОЛГАНИК, Г. Я. (1990): *Поэтика публицистики*. Москва.
- СОЛГАНИК, Г. Я. (1997): Изучение газетно-публицистического стиля в СССР (России) в 50-90-е гг. XX в. In: *Stylistika VI. Русская стилистика*. Opole 1997, с. 87–111.
- ШВЕЦ, А. В. (1979): *Публицистический стиль современного русского литературного языка*. Киев.
- ШМЕЛЁВ, Д. Н. (1977): *Русский язык в его функциональных разновидностях*. Москва.
- Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений* URL: www.slovarvyr.ru

Графическое приложение 1:

Графическое приложение 2:

**ДОКЛАДЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ**

ОЛЬГА БОРИСОВНА АБАКУМОВА

Россия, Орёл

ПАРЕМИЯ КАК КОСВЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ

ABSTRACT:

The article is devoted to the problem of proverb usage and understanding as an indirect speech act. Proverbs modelize and evaluate prototype situations. This is achieved through the imposition of three types of frames: imagery frame, based on the inner form, generalized frame, based on a general (invariant) meaning, and an occasional frame of concrete situation. The analysis of dialogues show that proverbs perform as indirect speech acts of a directive type because of their folklore nature and deontic norms included in their semantics. Even being assertives in form they serve as directives (convictions, recommendations and consolations) though perlocutionary effects may be both immediate or long-term, intentional or unintentional.

KEY WORDS:

Proverb – speech act – indirect speech act – illocution – perlocution – assertive – directive – live metaphor – frame.

Паремия в данной статье понимается узко, только как пословица, поговорка или пословично-поговорочное выражение. Под пословицей в данной статье мы вслед за В. П. Жуковым понимаем краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный (образный план) (*Что посеешь, то и пожнёшь*) или только переносный план (*Ворон ворону глаз не выклюет*) и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение. Под поговорками понимаются народные изречения (часто назидательного характера), имеющие только буквальный план и в грамматическом отношении представляющие собой законченное предложение (*Деньги – дело наживное*). На границе пословиц и поговорок выделяются пословично-поговорочные выражения, в структуре которых одни слова имеют буквальное значение, а другие – переносное (*Правда в огне не горит и в воде не тонет*) [Жуков 1991: 9–11].

Косвенный речевой акт (далее КРА) понимается нами как некоторый небуквальный РА, осуществляемый одновременно и средствами буквального РА. Наиболее известный пример КРА – просьба закрыть окно посредством утверждения «Холодно». Дж. Остин вводит понятие перлокутивного акта, чтобы отличить его от иллокутивного, который интересует его в первую очередь.

Перлокутивные акты убеждения, оскорбления и успокоения выполняются посредством локуции (произнесения слов) и иллокуции (выражения намерения) в актах утверждения, вопроса и обещания (см. [Austin 1962]). Остин считал, что перлокутивные акты могут быть связанными с намерениями или не связанными с ними. Но они могут быть успешными или нет в зависимости от слушающего, его способности понимать, что имеет в виду говорящий, его лингвистической и коммуникативной компетенции. П. Грайс [Grice 1975] называет смысл, который передается через КРА, имплицатурой. Анализируя разные типы диалога с постулатом значения, Л. П. Семененко [Семененко 1994] вводит понятие потенциального КРА, под которым он понимает контекстно-свободную способность определенного типа высказываний к осуществлению КРА.

Мы считаем, что пословица, которая имеет и прямое, и переносное значение, поговорка и пословично-поговорочное выражение являются именно таким типом высказывания, то есть **потенциальным КРА**. Для доказательства этого тезиса рассмотрим некоторые теоретические предпосылки, а также практические примеры использования этих паремий в разных типах текстов. Для описания паремий в речи будем применять модель метафорического преобразования множественных окказиональных фреймов, предложенную Т. С. Зевахиной [Зевахина 2002].

Американские исследователи, занимающиеся изучением функционирования пословиц (см., напр., работы [Norrick 1994; Folly 1991] и др.), показывают, что пословицы используются в перлокутивных актах инструктирования и обучения слушающих. Говорящий добавляет весомости своему высказыванию, идентифицируя себя с традиционной мудростью сообщества в целом. Слушатели реагируют на пословичные высказывания как на директивы от авторитетных источников. Используя пословичное утверждение *An ounce of prevention is worth a pound of cure*, говорящий может осуществить такой же перлокутивный акт убеждения слушающего быть осторожным, как и с обычным императивом *Look before you leap* [Norrick 1994].

Рассмотрим некоторые примеры функционирования паремий в тексте, которые призваны показать мгновенные или отсроченные по времени перлокутивные эффекты этих речевых актов. Пословичные речевые акты представляют собой оценочные высказывания, которые ярче всего проявляются в диалоге.

Пример 1. Разговор главы мафии со своим родственником и приспешником, психически неуравновешенным человеком, которого он использовал, когда нужно было избавиться от ненужного или опасного человека. Родственник болен и находится не в тюрьме, а под домашним арестом.

Михаил: Ты меня использовал, Илья, а теперь хочешь спрятать концы в воду? Ну давай, убей меня. Я здесь один, всеми брошенный.

Илья: Миша, хватит трепаться. **Что посеешь, то пожнешь.**

Иллокуция: ассертив (Негативный результат деятельности связан с определенным качеством вложенного, поэтому человек сам виноват в том, что оказался в тяжелом положении, значит, он посеял не добро, а зло).

Перлокуция: директив (эффект мгновенный). Родственник понимает, что нужно отвечать за содеянное, и никто ему не поможет (см. Нормы ответственности в работе [Карасик 2004]).

Наложение фреймов как процесс понимания пословицы и действия живой метафоры.

Образный фрейм: сельскохозяйственные работы, сев и жатва, которые связаны причинно-следственными отношениями: урожай зависит от качества семян, посеянных в почву, поэтому нужно использовать качественные семена. (АССЕРТИВ + ДИРЕКТИВ)

Обобщенный фрейм (обобщённое значение): результат деятельности зависит от качества приложенных усилий. В самом начале деятельности нужно думать о последствиях. Нужно отвечать за свои поступки и предвидеть результат (АССЕРТИВ + ДИРЕКТИВ)

Конкретно-ситуативный фрейм: отношения между людьми, связанными преступными узами. (Следует быть осторожным, молчать о преступлениях или готовиться к справедливому возмездию) (ДИРЕКТИВ).

Пример 2. Разговор двух преподавателей теоретических дисциплин.

Молодой преподаватель: *Неужели на пятом курсе можно заставить студентов учиться?*

Опытный преподаватель: *Можно, если применять политику кнута и пряника. В конце каждой лекции они письменно отвечают на вопросы, а я проверяю посещаемость. В конце семестра они пишут тест по основным темам, и с учетом их работы на семинарах и результатов теста, я освобождаю кого-то от экзамена, даю спецвопрос или заставляю сдавать на общих основаниях. **Кнут не дьявол, но правду сыщёт.***

Иллокуция: ассертив. Утверждается, что жесткий контроль способствует результативности любой деятельности.

Перлокуция: (эффект, отсроченный по времени) директив. Молодой преподаватель понимает, что если жестко контролировать посещаемость студентов на лекциях, справедливо оценивать их успехи и достижения, можно заставить их работать и на старших курсах. Реализуются нормы контроля (Следует контролировать своих подчиненных. Следует быть справедливым. См. [Карасик 2002]).

Образный фрейм: наказание преступников с целью получения необходимой информации. Если пригрозить или избить кнутом человека, он может проговориться и сказать правду. (АССЕРТИВ)

Обобщенный фрейм (обобщенное значение): Жёсткий контроль или страх наказания могут быть хорошим стимулом неприятной для субъекта деятельности. Нужно жестко контролировать людей, если вы хотите получить хороший результат. (АССЕРТИВ + ДИРЕКТИВ)

Конкретно-ситуативный фрейм: обучение студентов теоретическим дисциплинам на старших курсах. Следует следить за посещаемостью на лекциях, заставлять отвечать письменно на вопросы, писать тесты, справедливо оценивать их работу и освобождать от экзаменов, если они этого заслужили. (ДИРЕКТИВ)

Пример 3. В газете «Казахстанская национальная газета» от 26.01.2009 опубликована статья В. Северного «Небоевые потери», в которой говорится о неуставных отношениях в армии, которые часто приводят к самоубийствам.

Полковник Виктор Тимошенко открыто указал на «явные промахи командиров разных степеней и рангов. Командиры скрывают истинное положение вещей, так как их якобы наказывают, если узнают, что их подчиненные занимаются дедовщиной или готовят другие преступления». Тимошенко утверждает, что «наказывают командиров за сокрытие преступлений и предпосылок к ним, за то, что не проводится работа по утвержденной схеме, не налаживается связь с родителями солдат, командиры не вникают в психологические аспекты, не обращают внимание на советы военных психологов. Там, где командир опирается на научные выкладки, ситуация всегда под контролем. **Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.**»

Иллокуция: ассертив, утверждается, что знание реального положения дел, существующих проблем лучше, чем сокрытие преступлений или их предпосылок.

Перлокуция: директив (эффект отсроченный по времени). Командиры младшего звена должны уяснить, что лучше заранее знать, что есть проблемы в отношениях между подчиненными, чтобы вовремя их разрешить и не доводить молодых солдат до самоубийства. Нужно действовать по указанной схеме и держать ситуацию под контролем.

Образный фрейм: дегустация горьких и сладких напитков/блюд/лекарств. Утверждается, что горькое может быть лучше сладкого, так как полезнее (АССЕРТИВ)

Обобщенный фрейм: Правда лучше лжи. Нужно знать и говорить правду, какой бы горькой она бы ни была, так как это единственный способ решить проблему. Следует быть ответственным, осторожным и жестко контролировать подчиненных (АССЕРТИВ+ДИРЕКТИВ).

Оккациональный фрейм: военный руководитель объясняет ситуацию с неуставными отношениями в казахстанской армии, где командиры боятся сообщить руководству о существующих проблемах, он утверждает, что нужно вести профилактическую работу среди солдат по предотвращению конфликтов, доводящих до самоубийств (ДИРЕКТИВ).

В нашей статье мы рассмотрели теоретические аргументы и практические примеры использования паремий определенного типа как высказываний, которые являются потенциальными косвенными актами директивного типа, поскольку содержат деонтические нормы социального поведения в своей семантике в силу своего фольклорного происхождения, что делает их цитатами не индивидуальной, а народной мудрости.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- AUSTIN, J. L. (1962): *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press.
GRICE, H. P.: Logic and Conversation. In: P. Cole – J. L. Morgan (eds.): *Syntax and semantics 3: speech acts*. New York: Academic Press, pp. 41–58.
NORRICK, N. R. (1994): Proverbial Perlocutions. How to Do Things with Proverbs. In: W. Mieder (ed.): *Wise Words. Essays on the Proverb*. New York, pp. 143–157.
ЖУКОВ, В. П. (1991): *Словарь русских пословиц и поговорок*. Изд. 4-е. М.
ЗЕВАХИНА, Т. С. (2002): Метафора мертвая и живая. In: *Диалог*. М.: МГУ.
СЕМЕНЕНКО, Л. П. (1994): Диалог с постулатом значения. In: *Бахтинские чтения*. Орёл, с. 236–244.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА БОГАЧЕВА

Россия, Пермь

ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ В НАРОДНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И В ОТАНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ОЙКОНИМАХ¹

АБСТРАКТ:

Speech is a process oriented to a folk system of mental values of the native speaker of Russian dialects. Because of the large social impotence of the process, the subject and the product of speech must answer many requirements, and the least departures from them have a negative characteristics in dialect lexicon. The general cultural aims are in dialect phraseologisms and in nicknames. But searched linguistic facts may reflect extralinguistic reality too, and we may have resumes about the specific characteristics by people which are an author by these language units.

KEY WORDS:

Russian – speech – phraseology – onomastics – dialectology – thematic group – ethnolinguistics – Russian culture – folk system of values.

Говорение – один из наиболее значимых в социальной жизни процессов. Именно в нем воплощается одна из основных антропологических характеристик – способность к обмену абстрактной информацией в форме законченной, интонационно оформленной мысли.

Понимание важности языка как средства коммуникации и как способности к общению выработало определенные ценностные установки в восприятии данного процесса народом. Косвенным, но весьма ценным источником сведений о данных установках могут служить фразеологизмы тематической группы (ТГ) «Говорение» или отантропонимические ойконимы (наименования населенных пунктов, восходящие к личным именованиям, прежде всего к прозвищам). О значимости фрагмента языковой картины мира указанной зоны свидетельствуют количественные показатели, ср.: по данным диалект-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (РНП 2.1.3/483, РНП 2.1.3/2175), РГНФ (проекты №№ 08-04-82404 а/У, 08-04-82408 а/У, 08-04-82410 а/У, 09-04-82402 а/У, 09-04-82403 а/У, 09-04-82413 а/У).

ных словарей Пермского края выявлено порядка 950 единиц, связанных с ТГ; из 10000 проанализированных ойконимов (с учетом тождественных единиц) около 500 (примерно 5 %) восходят к прозвищам, связанным с ТГ «Говорение». Целесообразным представляется сопоставить данные по таким разным источникам в силу установки на афористичность и «учительность» фразеологии и в силу оценочности прозвищ.

Исследования Ф. Л. Скитовой, А. Д. Черенковой и других (см., например, список литературы), а затем и наши наблюдения над диалектной лексикой и фразеологией говорения показали, что речь для диалектоносителя прежде всего – ценностно ориентированный процесс. Лексическими элементами указанной группы может характеризоваться: 1) речь как процесс (*плут родился шутиливо* ‘о внезапно наступившей среди разговора тишине’, *драть хайло* ‘очень громко и много петь и кричать, говорить’), 2) продукт речевой деятельности (*баять* – *язык маять* ‘говорить без пользы’, *плести нетунаину* ‘болтать пустое, говорить вздор’, *умерший стих* ‘похоронное причитание’), 3) субъект речевой деятельности (*немая палка* ‘о неразговорчивом человеке либо о ребенке, который долго не начинает говорить’), 4) внеречевая действительность (*деньги выпевать* ‘исполнять величальные песни гостям свадьбы’).

В диалектной фразеологии в первую очередь оценке подвергается собственно речевой процесс и его продукт, в ойконимии – субъект речи (остальные характеристики говорения отражаются косвенно: *Алалыкиных*, ср. *алалыка* ‘тот, кто непонятно, невнятно говорит, бормочет’; *Гилев*, *Гилева*, *Гилево*, *Гилевы* из прозвища *Гиль* ‘болтун, человек с высоким голосом’, *Жубры*, ср. *жубрить* ‘шамкать, говорить вяло, невнятно либо тихо, вполголоса’, *жубря* ‘глухо и немо говорящий’; *Кострыжи*, ср. *кострыжный* ‘вздорный, придирачивый’; *Шишики* из *шишикать* ‘шептать, нашептывать’). Это логически объяснимо, так как подобная лексика абстрактна, и в географические наименования она попадала преимущественно опосредованно – через антропонимические (главным образом прозвищные) наименования. Фразеология же отражает общие установки и принципы успешной коммуникации.

С точки зрения диалектоносителя, полноценное общение обеспечивается такими особенностями высказывания и его производителя, как: информативность, цельность, доступность, логичность, истинность, правдивость, точность, лаконичность (но не скупость на слово), экспрессивность (эмоциональность), прагматичность высказывания, отсутствие дефектов речи у говорящего, некоторыми другими.

В абсолютном большинстве прозвищ и фразеологизмов отражается несоответствие требованиям, предъявляемым диалектоносителями к эффективной речи, причем независимо от «направленности» отклонений – в сторону избыточности или недостатка, откуда вытекает еще одна характеристика изучаемой лексики – эмоциональность. Чаще оценочность выражается через негативные характеристики речевой деятельности, количество лексем, отражающих положительные качества речи или говорящего, относительно невелико, что, по наблюдениям исследователей, в целом характерно для русской тра-

диции номинации, ср.: *дамка мостовая* 'о сварливой, бранчливой женщине', *много стелить* 'много говорить, болтать, обещая', *посадить на горячий пепел* 'обмануть'; *Дударево* из *дударь* 'о болтливом и хвастливом человеке', *Ерыкалова* из *ерыкало* 'крикун, задира', 'картавый человек'. При этом и во фразеологии, и в отантропонимических ойконимах наибольшей критике подвергается многословие, пустословие, лживость, сварливость (и шире – недоброжелательность), несдержанность, крикливость, наличие дефектов речи, ср.: *только набелки щелкают* 'о болтливом', *(все) уши опеть* 'надоесть разговорами', *вверх ногами поставить* 'опорочить, оскорбить кого-либо', *все проклятые ставить* 'ругать, проклинать', *шубный язык* 'о невнятной речи'; *Лепеталово* из *лепетало* 'о болтливом человеке', *Мелехи* из *мелеха* 'пустомеля', *Оплетины* из *оплёта* 'обманщик, обманщица', *Рагозина* из *рагоза* 'склочник', *Зубаревых* из *зубарь* 'насмешник, грубиян', *Колотыги* из *колотыга* 'сплетник', *Заики*, *Заякина* из *заяка* 'заика').

Ценностные характеристики говорящего и его речи актуализируются главным образом через оппозиции типа *многословие* – *молчаливость*, *тихо* – *громко* и т. п. (ср.: *Баландина*, *Баланды* из *баланда* 'болтун, пустомеля, праздный человек', *Молчанов* из *молчан* 'неразговорчивый, молчаливый человек', *Жубры* из *жубра* 'глухо и немо говорящий человек', *Звонари* из *звонарь* 'человек, быстро и громко говорящий', 'болтун, сплетник'). Но при их актуализации наблюдается асимметрия, возникают лексические лакуны. Например, и во фразеологизмах, и в ойконимах отражается понятие грубости (оскорбительности) речи, но игнорируются проявления вежливости; многочисленны наименования пустословов, но нет наименований людей, ведущих содержательные разговоры.

Отмечаем при этом регулярный характер взаимодействия некоторых аксиологически значимых признаков речи; в силу повторяемости примеров рассматриваем это как отражение мировидения диалектоносителей. Ср., например: *Немки* < *немко* 'немой', 'заика', *Немтина Семена* < *немта* 'немой, лишенный дара речи человек', 'говорящий невнятно, косноязычный человек', 'молчаливый, неразговорчивый', где в пределах одной лексемы соединяются представления о врожденной и приобретенной молчаливости человека, а кроме того, о неправильной речи. Вероятно, это связано с тем, что все три признака социально тождественны, поскольку предполагают отстраненность от жизни, интересов общества.

Именно взаимосвязанные семемы «немота», «дефекты речи» дают, по нашим наблюдениям, наибольшее число производных значений, ср.: *Куимова* из *куим* 'глухонемой человек', 'косноязычный человек', 'заика', 'молчаливый человек', 'нелюдимый, застенчивый человек', 'бестолковый человек'. Естественно, что человек с неправильной речью стремится отмалчиваться, а в силу этого сторонится людей (или, что скорее, его сторонятся). Любопытно при этом, что молчаливость и нелюдимость, наряду с болтливостью, рассматривается как проявление интеллектуальной неполноценности.

Говорение непосредственно связано с речевой действительностью, способно становиться одной из важнейших составляющих различных процессов, например, обрядовых действий, ср.: *свалебная* (*свалебжинная*, *свадьбишная*,

свадебная, сварьбешная) песня 'свадебная песня', величальная (пéвальная, опéвальная, опéвочная) песня 'песня, в которой высказывается хвала в адрес гостя на свадьбе', корительная (корильная) песня 'песня, в которой высмеивается тот или иной участник свадьбы', обидная песня 'причитание невесты, в котором она высказывает свою обиду родителям', отказная песня 'песня, исполняемая для невесты из-за отказа от родительского очага', пáрная песня 'песня, исполняемая для присутствующих на свадьбе супругов', плясовая (плясковая) песня 'свадебная песня, сопровождаемая пляской', понеvéстишная песня 'исполняемая в адрес невесты свадебная песня', пропойная песня 'песня, исполняемая для невесты в день ее пропивания', расхожая песня 'песня, завершающая свадебный обряд', сиротская песня 'величальная свадебная песня, исполняемая для невесты-сироты или вдовой женщины', чаровая песня 'величальная свадебная песня, во время исполнения которой гостю подносят чару вина'.

Практически все такого рода единицы связаны со свадебным и похоронным обрядами, всегда занимавшими особое место в культуре русского народа. Полагая, это отражает значимость и для современной русской культуры древнейших, еще языческих традиций. В целом же можно судить о дуалистичности воззрений диалектоносителей: примерно половина изученных фразеологических единиц связана с представлениями о колдовстве, устойчивые сочетания религиозной направленности значительно им уступают. Заключаем отсюда, что создатели исследуемых языковых единиц – люди не столько религиозные, сколько суеверные, или, иными словами, не столько верующие, сколько верящие.

Итак, в представлении русского диалектоносителя, речь прежде всего – ценностно ориентированный процесс. В силу большой социальной значимости этого процесса, субъекта и продукта говорения к ним предъявляется целый ряд требований, малейшее отклонение от которых подвергается осуждению, причем реализуется это как в форме общекультурных установок в форме устойчивых выражений, так и в форме индивидуальных прозвищ. Однако рассмотренные языковые единицы способны отражать и экстралингвистическую реальность, что позволяет делать выводы о специфических характеристиках народа – автора данных устойчивых сочетаний и прозвищных именовании.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БЕРЕЗОВИЧ, Е. Л. (2007): *Язык и традиционная культура*. М.: «Индрик».
- КАШИНА, И. В. (2003): К вопросу об отражении менталитета в русской фразеологии. In: *II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность*. Казань. Т. 1, с.153–155.
- ПОДЮКОВ, И. А.; ХОРОБРЫХ, С. В.; АНТИПОВ Д. А. (2004): *Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья*. Усолье, Соликамск, Березники, Пермь.
- ПРОКОШЕВА, К. Н. (2002): *Фразеологический словарь пермских говоров*. Пермь.
- СКИТОВА, Ф. Л. (1964): Из наблюдений над лексикой говорения в народной речи (опыт определения границ и структуры лексико-семантической группы). In: *Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания*. Пермь, с. 77–84.
- Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области*. Пермь, 1984–2003. Вып. 1-5. (Продолжающееся издание). Вып. 6. (В рукописи).
- Словарь пермских говоров*. В 2 т. (2000–2002). Пермь.
- Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа*. (2006). Пермь.
- Словарь чердынских говоров*. Вып. 1: А–В. (в рукописи).
- ЧЕРЕНКОВА, А. Д. (2004): Глаголы речи в говорах Воронежской области. In: *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004*. СПб.: «Наука», с. 146–154.

АЛЕШ БРАНДНЕР

Чехия, Брно

НОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДЛОЖНОГО ХАРАКТЕРА В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

There is a certain layer of stable expressions that occur in both Russian and Czech. These expressions play either a prepositional function or they seem at least to be moving towards the function. From the analysis carried in this paper it can be concluded that Russian has a few more expressions of prepositional character than the Czech language. Such expressions are significant especially for the scientific style, then also for the journalistic style and, too, for the administrative one.

KEY WORDS:

Primary prepositions – secondary prepositions – expressions of prepositional character – prepositional functions – stable expression – scientific style – administrative style.

В современном русском и чешском языках имеются средства выражения, которые фразеологически устойчивы и которые по своему значению близки к предлогам. Исследуя историю этих выражений, занимающих смежное место между лексическими и стилистическими средствами, можно узнать, что лишь небольшая часть засвидетельствована не раньше, чем в ходе XVIII в.; некоторые появились в обоих языках в первой половине XIX в., однако большая часть появилась только во второй половине XIX в. Группа этих выражений активно пополняется, их число до сих пор не ограничено и, очевидно, оно будет пополняться и в будущем новыми выражениями.

В нашем докладе мы ставим перед собой вопрос, какие устойчивые обороты можно считать в современном русском и чешском языках оборотами, получающими функцию предлога. Они возникают и стабилизируются в литературном языке потому, чтобы пополнить состав первообразных предлогов. В обоих языках развилась довольно сложная система средств для эксплицитного обозначения разных оттенков значения. Целый ряд новых средств предложного характера представляют европеизмы, которые проникли в русский язык особенно из французского, в чешский язык, как правило, посредством немецко-

го языка (ср. [Jelínek 1958; Hüttl-Folter 1984]). Роль этих предложных средств в русском языке стала особенно значительной в деловой письменности XIX в., далее в научно-технической и газетно-публистической; именно здесь новые, непервообразные предлоги получили наиболее широкое и разнообразное применение (ср. [Черкасова 1967: 21]). В чешском языке их развитие тормозили пуристические тенденции, на основании которых они считались до первой трети XX в. чужими элементами или элементами с коммуникативной точки зрения ненужными, избыточными (ср. [Jelínek 1968]). Таким образом можно объяснить, почему современный русский язык располагает более богатым ресурсом выражений с непервообразными предлогами, в отличие от чешского.

Непервообразные предлоги – это, в основном, устойчивые выражения, имеющие четкую предложную функцию, или, по крайней мере, к этой функции приближаются. Их включение в разряд предлогов связано с определенными затруднениями, поскольку слово, являющееся их основой, сохраняет до известной степени свое исконное лексическое значение и, следовательно, характеристику своей части речи: наречия, существительного, глагола (деепричастия). Непервообразные предлоги гораздо более многочисленные, чем предлоги первообразные. Их состав в процессе исторического развития непрерывно изменяется (ср. [Черкасова 1967: 18–20]).

Конверсия частей речи в выражения предложного характера поступила в русском языке сравнительно далеко у выражений, возникших из **деепричастий**, ср.: *благодаря (скорой помощи)*, díky (rychlé pomoci), *включая (Ирину)* včetně (Irinu), *почитая в то (Ирину)*, počítaje v to (Irinu), *погода (полчаса)* po (půlhodině), *не доходя (дома)* blízko, před, těsně před (domem). Падежная форма имени предопределяется характером сильной конструкции глагола, с которым соотнесена форма деепричастия. Можно привести также некоторые так наз. составные отглагольные предлоги, представляющие на самом деле соединение деепричастия с первообразным предлогом, ср.: *судя по (внешнему виду)* soudě podle (zevnějšku), *глядя по (обстоятельствам)* podle (okolností), *начиная с (третьего действия)* počínaje (třetím dějstvím).

Древнейшим слоем непервообразных предлогов являются **наречные** предлоги. Некоторые наречия получили значение предлога, хотя многие выражения с точки зрения их семантики не отделились от своего исконного адverbиального значения. Предлогами адverbиального происхождения можно считать такие обороты, как *согласно, соответственно (распоряжению)* podle (nařízení), *shodně s, v souladu s (nařízením), сообразно (с законом)* podle (zákona), *v soulase se, ve shodě se (zákonem), совместно с (друзьями)* společně s (přáteli), *сравнительно с (прошлым годом)* ve srovnání s (minulým rokem) и др. Подобно обстоит дело в современном чешском языке. Об этом свидетельствуют чешские эквиваленты у приведенных русских примеров.

Тесную связь со своим исходным словом сохраняют обычно сочетания предложного характера, которые возникли путем синтаксической переоценки простого или предложного падежа существительного (ср. [Черкасова 1955]). Процесс препозиционализации считается законченным особенно у существи-

тельных, обозначающих данное отношение посредством простого, беспредложного падежа имени существительного в родительном или в творительном падеже, ср.: *порядка чего: температура порядка (двух тысяч градусов)* *tepnota v řádu (dvou tisíc stupňů)*, *типа кого-чего: сооружение типа (пирамиды)* *stavba typu, na způsob (pyramidy)*, *путём (сложных вычислений)* *cestou (složitých výpočtů)*, *посредством (переводчика)* *prostřednictvím (překladače)* и др. В чешском языке кроме приведенных эквивалентов встречаются обыкновенно следующие предлоги: *pomocí, prostřednictvím (přístrojů)*, далее выражения *vzhledem k (okolnostem)*, *následkem (havárie)*, *vlivem (špatného počasí)*, *zásluhou (zkušených lékařů)*, *vinou (neukázněného řidiče)*, *během (prázdnin)*, *stranou (veřejnosti)* и др. (ср. [Petr 1986: 204–205; Karlík, Nekula, Rusínová 1996: 346–350]).

Процесс препозиционализации был завершен также у некоторых выражений, возникших из **падежных сочетаний с предлогами**. Стержневое существительное или исчезло как самостоятельное слово, или его семантика в предложной функции отметила сдвиг, который ослабил или даже полностью прекратил связь данного падежа существительного с возникшим предлогом. Переход сочетаний падежей с первообразными предлогами в производные предлоги отразился в орфографии: возникшие производные предлоги в согласии со своей новой функцией начали писать слитно, ср.: *вблизи (стоянки)* *nedaleko, poblíž (stanoviště)*, *внутри (мемориала)* *uvnitř (památníku)*, *наперекор (логике)* *proti, navzdory (logice)*, *наравне с (взрослыми)* *stejně jako (dospělí)*, *наряду с (телебашней)* *vedle (televizní věže)*, *вопреки (здравому смыслу)* *proti (zdravému smyslu)* и др. Подобные выражения засвидетельствованы в чешском языке, ср.: *kvůli (chřipce)*, *navzdory (zákazu)*, *uprostřed (pokoje)*, *okolo (stadionu)*, *uvnitř (budovy, proti (proudu))* и др.

Другие выражения предложного характера, которые возникли из **сочетаний падежей имен существительных с предлогами**, более или менее сохраняют четкую связь со своим основным словом. Поэтому эти сочетания пишутся раздельно, хотя они выполняют функцию предлога. Семантически определившимися средствами являются сочетания, выражающие значение **соответствия** или **несоответствия**, ср.: *в согласии с (научными открытиями)* *v souladu s (vědeckými poznatky)*, *в соответствии с (регламентом)* *v souladu, ve shodě s (jednacím řádem)*, *по соглашению с (банком)* *po dohodě s (bankou)*, *в отличие от (остальных)* *na rozdíl od (ostatních)*, *в разрез с (уставом)* *v rozporu se (stanovami)*, *в противоположность, в противовес (принятым условиям)* *v protikladu k (přijatým podmínkám)*, *на rozdíl od (přijatých podmínek)*.

Существует целый ряд средств предложного характера, служащих для **ограничительных** отношений, ср.: *в отношении (населения)* *vůči*, *в вztahu k, vzhledem k (obyvatelstvu)*, *pokud jde o (obyvatelstvo)*, *по отношению к (окружающей среде)* *vzhledem, ke vztahu, vůči (okolnímu prostředí)*, *при учёте (всех обстоятельств)* *s přihlédnutím, se zřetelem ke (všem okolnostem)*, *с ohledem na (všechny okolnosti)*, *на счѐт (качества)* *na úkor (kvality)*, *в деле (просвещения)* *ve věci, v záležitosti (vzdělávání)*, *с точки зрения (врача)* *ze stanoviska, z hlediska*

(lékaře), с позиции (специалиста) z pozice, ze stanoviska (odborníka), со стороны (наших врагов) ze strany (našich nepřátel).

Частовстречающимися являются предложные обороты, выражающие **ограничение предмета** или **явления в определенном месте**. В данном значении выступает целый ряд предложных средств, ср.: в области (вычислительной техники) v oblasti, na poli, na úseku (výpočetní techniky), в сфере (услуг) v oblasti, ve sféře (služeb), в зоне (свободной торговли) v oblasti, v zóně (volného obchodu), в обстановке (скандала) v ovzduší (skandálu), в центре (нашего внимания) v centru (naší pozornosti), в рамках (сотрудничества) v rámci (spolupráce), в середине (поля) uprostřed (pole), в кругу (родных) v kruhu (příbuzných), mezi (příbuznými), в глубине (души) v hloubi (duše).

Большой частотой употребления обладают предложные конструкции с семантикой **посредничества** или **помощи**. В этом значении выступает оборот, возникший из сочетания существительного с предлогом *через посредство*, который конкурирует с предлогами *при посредстве*, *посредством чего*, ср.: *через посредство* // *при посредстве* // *посредством* (микроскопа) pomocí, prostřednictvím (mikroskopu). Чешский язык располагает здесь только сочетаниями с творительным падежом *pomocí čeho*, *prostřednictvím čeho*.

Часто встречаются предложные сочетания, обозначающие разные оттенки **причины**. Ср.: *по причине* (болезни) z důvodu, kvůli (nemoci), *по просьбе* (родителей) na prosbu, na žádost (rodiců), *по приказу* (римского папы) na příkaz (římského papeže), *по поручению* (губернатора) z příkazu (hejtmána), *по распоряжению* (министерства) na příkaz (ministerstva), *по случаю* (праздника) u příležitosti (svátku) и др. Как следует из приведенных примеров, русский язык имеет в распоряжении большее количество предложных сочетаний с рассматриваемой семантикой. Преобладающее количество представляют обороты, постепенно находящие свое место среди предложных выражений; в настоящее время они отличаются повышенной частотой употребления.

В профессиональном и публицистическом стилях засвидетельствованы обороты с предлогами, выражающими различные оттенки отношения **цели**. Ср.: с целью (капитального ремонта) za účelem (generální opravy), в целях (развития сельского хозяйства) za účelem (rozvoje zemědělství), в интересах (человечества) v zájmu (lidstva), в пользу (детей) ve prospěch (dětí), на пользу (государства) ve prospěch, k užítku (státu), в честь (скончавшейся матери) na počest (zesnulé matky), в память (всех погибших) na památku (všech, kteří zahynuli). Данные типы словосочетаний отмечают в последние десятилетия высокую нагрузку применения в профессиональном языке.

В связи с отношением цели стоят сочетания с семантикой **ущерба**, у которых можно нередко засвидетельствовать оттенок **следствия**. Ср.: в ущерб (здоровью) na úkor (zdraví), во вред (делу) na škodu (věci), за счёт, на счёт (качества) na úkor (kvality). Русский язык располагает здесь более богатым репертуаром средств выражения, чем чешский.

Для отношения **условия** в русском языке засвидетельствованы, например, сочетания *в условиях* (царской России) v podmínkách (carského Ruska),

pod условием (сохранения нейтралитета) pod podmínkou (zachování neutrality), *при условии (сохранения нынешнего уровня инфляции)* pod podmínkou, za předpokladu, v případě (zachování současné míry inflace), *в случае (аварии)* v případě (havárie). Чешские обороты, в отличие от русских, менее стабилизированы.

Следующая группа предложных средств служит для выражения оттенков отношения **образа действия**. Ср.: *в виде (старика)* v podobě (starce), jako (stařec), *в качестве (союзников)* jako (spojenci), *в роли (консультанта)* jako (konzultant), *в форме (шара)* v podobě, ve tvaru (koule), *в порядке (развития)* cestou (vývoje), *наподобие (куба)* v podobě, na způsob (krychle), *по примеру, по образцу (передовиков)* podle vzoru (úderníků), *в смысле (сокращения затрат)* ve smyslu, co se týče (zmenšování výdajů).

Новые выражения с предложной функцией засвидетельствованы особенно при отношении **сопутствующего действия**, ср.: *в состоянии (отупления)* ve stavu (otupělosti), *в стадии (доработки)* ve stadiu (úpravy), *под аккомпанемент (рояля)* za doprovodu, s doprovodem (klavíru), *под председательством (премьер-министра)* za předsednictví (předsedy vlády) и др.

Многочисленную группу выражений препозиционального характера представляют **временные** отношения. К самым стабилизированным и к самым частотным принадлежат обороты с семантикой временного ограничения, ср.: *в годы (войны)* za války, *в период оккупации* v době, za (okupace), *в эпоху (средневековья)* ve, v epoše, v období (středověku)“, *во время (каникул)* o (prázdninách), v době, v čase (prázdnin). Как следует из примеров, приведенным русским сочетаниям соответствует в чешском языке целый ряд эквивалентов. Кроме выражений данного значения русский язык пользуется сочетаниями, обозначающими включение определенного явления в ходе какого-нибудь действия, ср.: *в процессе (переговоров)* v průběhu, během, při (jednání), *в течение (трех лет)* v průběhu, po dobu, během (tří let), *в ходе (переговоров)* v průběhu, během, při (jednání), *на протяжении (двух лет)* v průběhu, během, po dobu (tří let).

В нашем докладе анализируются языковые средства предложного характера, возникшие секундарно от других частей речи: глаголов, наречий, существительных. Эти средства до сих пор более или менее сохраняют четкую связь со своим стержневым словом. Мы попытались рассмотреть отдельные отношения, которые они выражают, не претендуя на их полный перечень. Наряду со стабилизированными оборотами были представлены также сочетания, которые в современном языке приобретают повышенную частоту и испытывают, таким образом, постепенный процесс препозиционализации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- HAVRÁNEK, B. (red.) (1976): *Průruční mluvnice ruštiny pro Čechy I. Hláskosloví a tvarosloví*. Praha: SPN.
 HÜTTL-FOLTER, G. (1984): О тенденциях развития русского литературного языка во второй половине XIX столетия. ZfSl 29, с. 839–844.
 JELÍNEK, M. (1964): *Výrazy předložkové povahy v dnešní spisovné češtině*. SPFFBU A 12, s. 117–130.
 JELÍNEK, M. (1968): *Nové výrazy předložkové povahy v češtině a ruštině*. SPFFBU A 16, s. 47–58.
 KARLÍK, P., NEKULA, M., RUŠÍNOVÁ, Z. (red.) (1996): *Průruční mluvnice češtiny*. Praha: LN.
 PETR, J. (red.) (1986): *Mluvnice češtiny (2). Tvarosloví*. Praha: Academia.
 ŽAŽA, S. (red.) (2006): *Morfologie ruštiny II*. Brno: Masarykova univerzita Brno.

- ЧЕРКАСОВА, Е. М. (1955): К изучению образования русских отыменных предлогов. In: *Исследования по грамматике русского литературного языка*. М.: Изд-во АН СССР, с. 73 – 139.
- ЧЕРКАСОВА, Е. М. (1967): *Переход полнозначных слов в предлоги*. М.: Наука.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.) (1980): *Русская грамматика I*. Москва: Наука.

МАРТА ВАГНЕРОВА

Чехия, Ческе Будейовице

К ОБРАЗОВАНИЯМ НА **-КА** В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

The below article analyses denomination with *-k(a)* suffix in Russian and Czech, from the point of view of semasiology. The author classifies these denominations according to their belonging to the following onomasiological categories: modification category, mutational category and transposition category; she points out that the *-k(a)* suffix is a significant univerbisation tool and she is engaged in geographical and administrative names in detail.

KEY WORDS:

Suffix *-ka* – word formation – Russian – Czech – modification category – mutational category – transposition category – univerbisation – geographical names – administrative names.

Образования на **-ка** в русском и чешском языках образуют компактную, многофункциональную, динамичную и чрезвычайно многочисленную группу. Суффикс **-к(а)** в обоих языках относится к важным, продуктивным словообразовательным средствам¹, служащим для деривации имён существительных. Как замечает О. А. Лаптева, образования на **-ка** сейчас «в ходу во всех типах русской речи: и литературной, и её разновидностях, и просторечной, и жаргонной» [Лаптева 2008: 5]. В чешском можно наблюдать то же самое явление. Суффикс **-к(а)** в обоих сравниваемых нами языках используется как в ономаσιологической категории **модификационной**, где суффикс служит для уменьшения (напр., *берёза* – *берёзка*; *ulice* – *ulička*) и для образования названий женского рода от существительных мужского рода (напр., *студент* – *студентка*; *učitel* – *učitelka*), так и в категориях **мутационной** и **транспозиционной**. Вопросами применения суффикса **-к(а)** для образования отдельных типов наименований указанных трёх категорий мы занимались в другой

¹ Суффикс имеет разные варианты – в русском, напр., *-шка*, *-ушка*, *-лка*, *-овка*, *-анка*, *-очка*, *-енка*, *-ичка*, *-ечка*, в чешском, напр., *-enka/ěnka*, *-ínka*, *-unka*, *-uška*, *-ačka*, *-ovka*, *-tka*, *-ánka*, которые мы оставляем в стороне.

нашей статье; здесь мы хотим только подвести итог и сказать, что в названиях **категории мутационной** суффикс **-к(а)** очень продуктивен при образовании русских и чешских **1) названий средств**, напр., *жатка, тёрка; заколка, отвёртка, подпорка, указка* – *clonka, škrabka; nálevka, pokrývka, vúhybka, záklopka*; **2) названий результатов действия**, напр., *задержка, стрижка, футеровка; mýlka, stojka, zkratka*; **3) названий носителей свойств**, а именно как живых существ, напр., *невидимка, неженка* (разг.), *шестилетка* (*šestileté dítě*); *fajnovka* (разг.), *kráska, pečlivka* (разг.), так и животных: *бронзовка, перламутровка, хохлатка; červenka, dešťovka, lyska* и предметов: *плётёнка, жестянка, колючка* (у ежа), *поганка; pletenka, višňovka, rámovka, šatovka*.

В субстантивах **транспозиционной категории** суффикс **-к(а)** очень активно используется, в частности, при образовании **названий действий**. Они выражают действие в частеречной форме существительного, причём основой их образования являются исключительно глаголы – как беспрефиксальные, напр., *варка, резка, рубка, стрижка; hádka, rýžka, stávka, toulka*, так и префиксальные, напр., *вспышка, затяжка, попытка, расклейка; objíždka, odchylka, podmínka, srážka*. Большинство этих названий обозначают одновременно и результаты или средства действия, их точное различие невозможно.

В названиях **категории модификационной** отношение между мотивирующими и мотивированными словами всегда остаётся в пределах одной частеречной категории. Для **уменьшительно-ласкательных наименований** характерны многочисленность и продуктивность образования, причём суффикс **-к(а)** в Р и в Ч языках относится к продуктивным, в ЧЯ он даже (в разных своих вариантах) представляет собой основной уменьшительно-ласкательный суффикс. Наиболее часто при помощи этого суффикса уменьшаются названия конкретных вещей, напр., *баклажка, кабинка, шубка; budka, sklenka, stránka*², часто также названия животных, напр., *птичка, рыбка, собачка; jalovička, rybka, slepička*; менее часто названия лиц, напр., *бедняжка, сиротка*³; *dcerka, tatka* и очень редко отвлечённые названия, напр., *неделька, ночка; minutka, hodinka*. Не уменьшаются специальные названия, но встречаются случаи, когда сами диминутивы являются терминами, напр., *желёзка* (бот.), *крышка* (техн.) *цветочная головка* (бот.); *botka sběrače* (электр.), *kovadlinka* (анат.), *žlázka* (бот.). В русском суффикс **-к(а)** употребляется также для обозначения единичности, напр., *карамель – карамелька, морковь – морковка, редис – редиска, чешуя – чешуйка*.

Среди **названий женского рода, образованных от существительных мужского рода**, встречаются, прежде всего, названия лиц, менее часто назва-

² Сюда входят также обозначения размеров одежды S, M, L, которые в разговорной речи принято называть *эска, эмка, элька* (здесь совмещается уменьшительность с субстантивацией этих обозначений). В чешской разговорной речи эти названия среднего рода: *esko, emko, elko*.

³ Образования от терминов родства *мамка, папка* и от собственных имён *Ванька, Машка* в русском языке несут оттенок фамильярности, подобно тому как чешские просторечные наименования *tetka, babka* или *Víznerka, Rozkopalka*, образованные от женских фамилий *Víznerová, Rozkopalová*.

ния животных. Женские соответствия мужским названиям обозначают производителя действия (*činitel*) (*ассистентка, доярка; spisovatelka, hlasatelka, krmíčka*), деятеля (*konatel*) (*артистка, лаборантка, скруначка; frézařka, laborantka, zelinářka*), жителя (*городжанка, москвичка; Pražanka, vesničanka*), носителя свойства (*блондинка, брюнетка, добрячка* (разг.); *běloška, brunetka, dobračka*). В РЯ образование парных названий встречается гораздо реже и касается, прежде всего, названий жителей, где наименования женского рода наиболее часто образуются именно при помощи суффикса **-к(а)**: *англичанка, украинка, чешка*⁴.

Мы видим, что образования на **-ка** наиболее часто мотивированы глаголами, прилагательными, существительными. Но формант **-к(а)** служит и для деривации существительных от числительных, напр., *двойка, четвёрка, десятка*, разг. *двадцатка, тридцатка; dvojka, čtyřka, padesátka* и др. Такие наименования имеют общее значение «неодушевлённый предмет, характеризующийся количеством чего-нибудь или номером, названным мотивирующим числительным» [Белусов и др. 2002: 78]. Таким образом возникают названия цифр, оценок (отметок), пронумерованных транспортных средств, денежных знаков и сумм, игральные карты и некоторых других предметов.

Типологию слов на **-ка**, таким образом, можно строить по характеру производящей основы и соответствующей части речи, по семантике, по стилистической характеристике, а также по времени возникновения (образование слов на **-ка** уходит в далёкую древность) и, не в последнюю очередь, по наличию или отсутствию однословного, или дву- и многословного соответствия. Именно применение слов на **-ка** как заменителя дву- или многословных атрибутивных словосочетаний в настоящее время очень актуально и продуктивно и суффикс **-к(а)**, таким образом, в обоих сравниваемых нами языках представляет собой значительное средство универбизации⁵, напр., *кредитная карта* → *кредитка*; *платёжное поручение* → *платёжка*, *шенгенская виза* → *шенгенка*; *bakalářská práce* → *bakalářka*, *cestovní kancelář* → *cestovka*, *webová stránka* → *webovka*. Такие универбы относятся обычно к профессионализмам, к сленговым, разговорным или просторечным словам и чаще всего являются результа-

⁴ В частности в русском (реже в чешском) суффикс **-к(а)** используется также для обозначения самок животных, хотя здесь этот суффикс непродуктивен, напр. *глухарка (tetřevíce)*, *голубка (holubice)*, *перепёлка (křepelka)*, *самка (samice)*. Парные названия женского рода имели и другое значение – обозначали жён (иногда также дочерей) лиц, названных мотивирующим существительным, напр., *солдатка* (жена солдата); *baronka, hraběnka*, просторечные *kovářka, majorka*. В русском, однако, для этой цели намного чаще пользовались другими суффиксами: **-иня**: *графиня*; **-есса**: *баронесса* и просторечными **-ша**: *докторша, генеральша*; **-ица**: *полковница*; **-иха**: *врачиха, купчиха*. В сегодняшнее время в Р и Ч языках этими наименованиями в данном значении не пользуются.

⁵ По мнению Я.Грегора, «можно к средствам универбизации на уровне лексики отнести следующие словообразовательные приёмы: 1) аббревиация, 2) деривация, 3) конверсия (субстантивация прилагательных), 4) словосложение» [Грегор 2009: в печати].

том субстантивации определительного члена атрибутивного сочетания⁶. Следует добавить, что при помощи суффикса **-к(а)** образуются однословные наименования и из словосочетаний, главным членом которых является имя существительное не только женского, но и мужского и среднего родов, причём оно может стоять и во множественном числе, напр., *капитальный ремонт* → *капиталка*, *мобильный телефон* → *мобилка*; *заразное отделение* → *заразка*, *кругосветное путешествие* → *кругосветка*; *кондитерские изделия* → *кондитерка*, *принудительные работы* → *принудиловка*; *občanský průkaz* → *občanka*, *pětiletý plán* → *pětiletka*; *pájecí zařízení* → *pájka*⁷. Они называют самые разные предметы и явления окружающей действительности; их семантика настолько разнообразна, что подробному анализу не поддаётся.

Среди них особую группу представляют собой **географические и административно-территориальные названия**. Они обозначают шоссейные и железные дороги (*Волоколамское шоссе* – *Волоколамка*, *Рублёвское шоссе* – *Рублёвка*, *Ярославское шоссе* – *Ярославка*), улицы (*Дубровская улица* – *Дубровка*, *Неглинная улица* – *Неглинка*, *Полярная улица* – *Полярка*), площади (*Манежная площадь* – *Манежка*, *площадь Маяковского* – *Маяковка*, *площадь Пушкина* – *Пушкинка*), районы города (*Петроградская сторона* – *Петроградка*), рынки (*Птичий рынок* – *Птичка*, *Смоленский рынок* – *Смоленка*), станции и остановки (*Лосиноостровская железнодорожная станция* – *Лосинка*)⁸. В чешских географических названиях формант **-к(а)** употребляется реже, в разговорной и просторечной речи находим, в частности, названия улиц, напр., *Alešova ulice* – *Alešovka*, *Jeronýmova ulice* – *Jeronýmka*, *Jeronýmova*, *Lannova třída* – *Lannovka*). В просторечных названиях площадей, станций и остановок, районов города часто встречается суффикс **-ák**, напр., *náměstí Palackého* – *Paláčák*, *Staroměstské náměstí* – *Staromák*, *Václavské náměstí* – *Václavák*; *Praha hlavní nádraží* – *Hlavák*; *Černý Most* – *Čerňák*, *Jižní Město* – *Jížák* или *Jížňák*, *Zahradní Město* – *Zahradák*. Универбаты на **-ка** далее в разговорной или просторечной речи заменяют дву- и многословные наименования (собственные имена) из области общественной, культурной, общественно-производственной жизни – названия газет (*Вечерняя Москва* –

⁶ Интересны в этом отношении наблюдения Л. Воборжила за языком интернета: «Встречается универбизация (*реал*, *вирт* // *reál*) и смешанный принцип: универбизация + деривация, напр., *личка*, *очка* // *reálek*, *inták*, *webka*. В чешском языке налицо ряд компрессивных номинаций, образованных с помощью продуктивных (разговорных) суффиксов, напр., *zesák* (*zesilovač*), *mixák* (*mixážní pult*), *demák* (*demoverze*), *pikoška* (*pikantní informace*), *mejlovka* (*e-mailová adresa*), *zvukovka* (*zvuková karta*), *grafárna* (*grafická tiskárna*) [Vobořil 2009: 290].

⁷ Для обоих языков характерно также то, что универбаты на **-ка** образуются и от инициальных аббревиатур дву- и многословных атрибутивных словосочетаний, причём как русских/чешских, так и иностранных, в своём большинстве английских, напр., БМП (бронемашина пехоты) – *бээмпэшка*, *GPS* – *джи-пиэска*, *SMS* – *эсэмэска*, *сообщение ТАСС* – *тассовка*, *дом для работников ЦК КПСС* – *цэжовка*; *GPS* – *džipieska*, *ЖП* – *jipka*, *SMS* – *esemeska*, *СПЗ* – *еспэзетка*, *ВОШ* – *вошка*, *ЗУШ* – *зушка* и др.

⁸ Большое число названий населённых пунктов в России содержат суффикс **-к(а)**, если открыть словарь географических названий, то они прямо бросаются в глаза: *Берёзовка*, *Гордеевка*, *Дубовка*, *Жуковка*, *Занадворовка*, *Ивановка*, *Каменка*, *Лукашёвка*, *Михайловка* и многие др. По этому образцу возникают и просторечные названия других населённых пунктов.

Вечерка, Литературная газета – Литературка, Независимая газета – Независька), библиотек (*Библиотека им. И. С. Тургенева – Тургеневка*, бывшая Государственная библиотека им. В. И. Ленина, сейчас Российская государственная библиотека – *Ленинка*), театров и домов культуры (*Александринский театр – Александринка, Мариинский театр – Мариинка, Театр имени Маяковского – Маяковска*), музеев и достопримечательностей (*Третьяковская галерея – Третьяковска, Петропавловская крепость – Петропавловска*), образовательных учреждений (*Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана – Бауманска, Российская экономическая академия имени Георгия Плеханова – Плешка*), наград и премий (*Нобелевская премия – Нобелевска, премия имени Аполлона Григорьева – Аполлонска или Григорьевска*), культурных мероприятий (*Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина – Грушинска*), заводов, предприятий, учреждений (*Калининская АЭС – Калининска, Научный центр сердечно-сосудистой хирургии имени А. Н. Бакулева РАМН – Бакулевска*) и др. В чешском среди такого рода названий универбаты на **-ка** встречаются гораздо реже, в качестве примера можно указать хоть названия газет: *Lidové noviny – Lidovky, Literární noviny – Literárky*, где соответствующий универбат выступает во множественном числе, названия образовательных учреждений и организаций: *Karlova univerzita – Karlovka, Lékařská společnost J. E. Purkyně – Purkyňka*, названия театров, домов культуры и т.п.: *Koncertní síň Otakara Jeremiáše – Jeremiáška* или названия заводов, предприятий: *Škodovy závody – Škodovka*.

Вслед за О. А. Лаптевой [Лаптева 2008: 7] можно суммировать свойства образований на **-ка** и сказать, что 1) они неустойчивы (одни исчезают, другие появляются); 2) они индивидуальны в своём возникновении; 3) они привлекательны и заразительны; 4) они не всегда нейтральны, особенно в новообразованиях на **-ка** часто присутствует экспрессия лёгкой шутливости; 5) устойчивость существования группы сочетается в них с динамичностью и подвижностью конкретных слов. Эти свойства создают большие трудности для фиксирования образований на **-ка** в словарях и, как далее замечает О. А. Лаптева, «для определения того, какие из них считать принадлежностью литературного языка и какие вынести за его пределы и считать жаргонными, просторечными или узкопрофессиональными» [Лаптева 2008: 7].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BARNETOVÁ, V. a kol. (1979): *Русская грамматика 1*. Praha.
 GREPL, M. a kol. (1995): *Příruční mluvnice češtiny*. Praha.
 PETR, J. a kol. (1986): *Mluvnice češtiny 1*. Praha.
 VÁGNEROVÁ, M. (2009): К приёму -k(a) в současné ruštině a češtině. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky*. Brno: FF MU, s.111–117.
 VOBŮRIL, L. (2009): Экономия усилий и игровое начало в Сети. In: *ACTA UNIVERSITATIS WRATISLAVIENSIS No 3159. Slavica Wratislaviensia CL*. Wrocław: UW.
 БЕЛОУСОВ, В. Н. и кол. авторов (2002): *Краткая русская грамматика*. М.
 ГРЕГОР, Я. (2010): Структурная и словообразовательная типология русских уни- и мультивербов по сравнению с их чешскими соответствиями. In: *Sborník příspěvků z mezinárodní konference XX. Olomoucké dny rusistů*. Olomouc: Univerzita Palackého (в печати)
 КРОНГАУЗ, М. (2008): *Русский язык на грани нервного срыва*. М.
 ЛАПТЕВА, О. А. (2008): *Новообразования на -ка в современной речи*. М.

НОВИКОВ, Л. А. и кол. авторов (1999): *Современный русский язык*. С.-Петербург.
ШАНСКИЙ, Н. М. (205): *Очерки по русскому словообразованию*. М.

ЯРОСЛАВ ВЕЖБИНСКИ

Польша, Лодзь

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЗОЩЕНКОВСКОГО СКАЗА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

ABSTRACT:

The main aim of my presentation is to analyze those syntactic constructions of Zoshchenko's skaz that determine semantic and stylistic values of his texts. Zoshchenko's technique of skaz, the new way of storytelling exists and develops in the new historic reality that changed after 1917. In the presentation most important linguistic features of skaz will be analyzed that imitate the colloquial language of that time, in particular: syntactic parallelism, tautological and pleonastic expressions, nominative and elliptical constructions.

KEY WORDS:

Mikhail Zoshchenko – skaz – text structure – semantics and stylistics.

Семантику и стилистику произведений Михаила Зощенко в значительной мере предопределяет повествовательная форма сказа, имитирующая живой язык, непринужденную беседу. Сказ создает иллюзию свободной разговорной речи.

Следует оговориться, что в русской литературе данная форма повествования имеет давнюю традицию. Д. Молдавский отмечает, что сказ сформировался уже в XVII в. в сатирических повестях [Молдавский 1977 : 10]. О сказе имеется ряд специальных разработок и словарных статей, см., напр.: [Муценко, Скобелев, Кройчик 1978; Виноградов 1980; Чудаков 1987; Mašek 2006; Кравченко 2008]. Повествовательная форма сказа прослеживается в произведениях Н. Некрасова, Н. Гоголя, В. Даля, П. Бажова, Н. Лескова, П. Мельникова-Печерского, А. Белого, Е. Замятина, Н. Заболоцкого, А. Ремизова, М. Булгакова и др.

В зощенковских текстах сказ имеет свои особенности. Его природу обуславливает в большой степени специфический ситуативный комизм, которому сопутствует комизм характеров и, прежде всего, языковой комизм. Последний часто детерминирован необычным сочетанием слов, их неожиданным объединением. Неповторимость сказа в текстах Зощенко создается совмещением лексем, которые характеризуются стилистическим размежеванием. Они восходят и к книжной речи, и к деловому языку, и к стилю газет, и к просторечной, подчас

арготической лексике и т.д. Сказ у Зоценко обуславливается новым типом повествователя, который действует в исторически изменившихся реалиях.

В специфику повествовательной формы сказа зоценковских текстов вводят читателя, в частности, следующие формулировки: ... *вот какие события развернулись у нас в одной из ленинградских бань* [3, 361] (по изданию: Зоценко 1986–1987), *Я вот на днях слышал разговор* [1, 264], *Жили себе в Ленинграде муж и жена* [3, 247], *Это дельце, граждане, развернулось в селе Арбузове* [1, 487], *Рассказ этот – истинное происшествие. Случилось в Астрахани* [1, 268].

Речь зоценковского повествователя наделяется большим правдоподобием. Рассказчик часто ссылается на истинность происходящего, указывая конкретные названия мест, что делает высказывание достоверным. В этой манере выдержаны и отдельные названия зоценковских произведений, ср. следующие заголовки: «Истинное происшествие» [2, 405]; «Происшествие на Волге» [3, 358], «Интересное происшествие в канцелярии» [3, 373].

Важно отметить, что сюжетную линию творчества Зоценко определили общественные темы. Он работал в газете «Бегемот». В редакцию приходили письма читателей, которые послужили материалом его произведений, которые печатались также в различных журналах: «Смехач», «Пушка», «Бутозер», «Чудак», «Ревизор» и др.

Поиски речевых средств в творчестве Зоценко идут в различных направлениях. Среди них видное место занимает словесный повтор. Рассмотрим фрагмент текста из «Рассказа о подлеце», в котором герой именуется условно «три звездочки»: *И вот, едет этот три звездочки в трамвае. Вот он едет в трамвае. А по виду никак не скажешь, что это подлец едет. По виду – это едет скромный работник в валенках. Он едет в гости. Он едет к своему приятелю на именины. Вот он едет в трамвае к нему в гости, думает, может, там про свои всякие подлости – чего он сожрет, и хорошо, думает, что подарка имениннику не купил. [...] И вот он едет на именины без подарка. И на углу Седьмой линии он слезает* [3, 312].

Приведенное высказывание отличается в ряде случаев воспроизведением тождественной информации. Дискурс содержит буквально каскад повторений. Стержневым повтором является глагол передвижения *ехать*. Этот факт передают очередные сегменты высказывания восьмикратно. Трижды упоминается то, что персонаж едет в трамвае, дважды то, что он едет в гости, на именины и без подарка. Уже известное дополняется в ходе повествования новыми сведениями, которые в свою очередь тоже воспроизводятся. Прием повтора каждый раз обыгрывает ситуацию действия.

Основным структурным компонентом данного текста является, по существу, синтаксический параллелизм. Он основывается на анафорических построениях и на воспроизводимости связей эпифорического характера. В структуре текста воспроизводятся также полностью отдельные выражения. Такой параллелизм безусловно выступает в качестве механизма связи между частями текста, однако он является прежде всего средством организации разговорной речи и, тем самым, имманентным компонентом сказа.

Повтор является главным структурным элементом в фельетоне «Игра природы». Семь раз выступает в нем выражение *наш знакомый*, дважды *идет по шпалам*, четыре раза указывается время года, правда, каждый раз в измененном порядке, ср.: *дело было еще весной / весной было дело / дело весной было / дело еще весной было*. Описываемое событие неодинаково определяется по времени, хотя исходным моментом является пасха, ср.: *перед самой пасхой / после пасхи / на пасху* [1, 508]. Имеется, таким образом, некоторая непоследовательность, даже противоречивость, но такая несвязность воспроизводит ведь специфику разговорной речи, где сведения часто страдают неточностью, некоторой неопределенностью, где допускается предположение и т.д.

Лексическим повторам часто сопутствуют неполные конструкции, нарушающие с нормативной точки зрения традиционные синтаксические построения с подлежащим и сказуемым. Синтаксическое пространство в таких случаях заполняют эллипсные и номинативные предложения, в функции которых выступают отдельные выражения или слова без сказуемого. Необходимую предикативность в данной ситуации каждый раз обеспечивает контекст.

Рассмотрим пример, совмещающий все эти приемы моделирования живой речи. В рассказе «Страдания молодого Вертера» лексический повтор представлен существительным *велосипед*. Сразу за фразой *И вот, стало быть, еду однажды на велосипеде* [3, 364–365], воспроизводящей в тексте уже очередной раз средство передвижения, следует ряд эллипсных и номинативных конструкций, ср.: *Каменноостровский проспект. Бульвар. [...] Осенняя природа разворачивается передо мной. Пожелтевшая трава. Грядка с увядшими цветочками. Желтые листья на дороге. [...] Рисуеться замечательная жизнь. Милые, понимающие люди. Уважение к личности. И мягкость нравов. И любовь к близким. И отсутствие брани и грубости* [3, 365].

Тексты Зощенко переполнены подобного типа синтаксическими построениями, ср.: *И вот глядим в историю. [...] Средний мир. Древние века. Халдея там. Финикия. И мало ли там чего. Персия. Сиям* [3, 332]; *Нам все советовали прокатиться по Волге. Поскольку там чудный отдых. Природа. Берега. Вода, еда и каюта* [3, 358].

Лексический повтор имеет множество конкретных проявлений. Ср. конструкцию с предлогом *на*: *И вот, конечно, выезжаю. Хорошо-с. В город Смоленск прибыл, а оттуда славным образом на пароходе на пассажирском в родные места старого князя* [1, 29]. В очередном примере проиллюстрирована конструкция с предлогом *по*: *... иная коза при случае и забодать может человека*. Так заявила хозяйка, на что Забежкин ей ответил: *– А человек, Домна Павловна, козу палкой, палкой по башке по козлиной* [2, 25].

Нормативная модель не требует повторения одного и того же предлога, однако то, что, с одной стороны, не свойственно кодифицированной речи, с другой – характеризует просторечное изложение. Иной раз повтор деформирует устойчивое выражение, ср.: *Я, говорит, всегда определенно рад пятьдесят рублей взять за ни за что* [3, 208].

Необходимо также учесть тавтологические выражения. В одном из рассказов повествуется о неожиданной встрече священника с Синебрюховым. Священник

считал его погибшим во время военных действий: – *Ой-е-ей, говорит, взаправду ли это ты, Назар Ильич Синебрюхов [...] ? Я по тебе, живому, панихидки служу, и все мы почитаем тебя умершим покойником, а ты вон как ...* [1, 47].

К рассматриваемому вопросу примыкают многие плеонастические выражения, ср.: *стою стоя* [1, 27], *я шутку пошутил* [1, 237], *мелкие мелочи* [2, 110], *родной родственник* [1, 239], *у сторожа психология надвое раздвоилась* [2, 219], *он кипяток кипятит* [1, 431], *какие ужасные ужасты* [1, 336], *жалкая жалость* [2, 110]. Весьма образны и такие объединения слов: *кражи воруют* [3, 361], *пожар горит* [1, 512], *они оба два* [2, 222], *будет-произойдет драка* [1, 368], *мелкая крошка* [1, 317]. Не менее выразительны сцепления слов типа *детушки-ребятишки* [1, 296], *люди-человеки* [1, 511] и др.

Признаком разговорного стиля являются деминутивные и аугментативные образования типа *квартиренка* [1, 330], *ножища* [1, 282], *собакища* [1, 181]. Показательны также дериваты с шутливо-ироническим оттенком, ср.: *человекища* [1, 352], *женишок* [1, 37], *господинчик* [3, 242], *бабенка* [3, 201], *людишки* [1, 64], *кардиналишка* [3, 242], *кровавые царьки* [3, 278].

В речи зощенковских героев часты случаи отступлений от языковой нормы. Они многоаспектны: звучат неправильные грамматические формы, нарушается родовая отнесенность слов, встречаются смысловые ляпсусы и т.д., ср.: *фершал* [1, 52] вместо *фельдшер*; *фильму пойдём посмотрим* [1, 287] вм. *фильм*; *иду за пальтом* [1, 279] вм. *за пальто*.

Итак, конструктивными элементами композиционно-языковой структуры зощенковского сказа являются лексические повторы и синтаксический параллелизм, в том числе анафорические и эпифорические построения. Среди риторических приемов и способов синтаксической организации сказа отметим использование эллипсов и номинативных предложений а также различные языковые отклонения, нарушение грамматического строя нормативной речи, несогласованность грамматических форм, подражание просторечию и разговорные формы синтаксиса.

Рассмотренный нами материал лишь частично проливает свет на языковую специфику зощенковского сказа. Послереволюционный уклад жизни вызвал различные языковые деформации, когда слова и выражения употреблялись упрощенно и нередко извращенно. И все это своеобразно преломляется в повествовательной форме сказа текстов Михаила Зощенко.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- MAŁĘK, E. (2006): Skaz. In: G. Gazda – S. Tynecka-Makowska (eds.): *Słownik rodzajów i gatunków literackich*. Kraków, s. 625.
- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1980): Проблема сказа в стилистике. In: В. В. Виноградов: *Избранные труды. О языке художественной прозы*. М., с. 42–54.
- ЗОЩЕНКО, М. (1986–1987): *Собрание сочинений в трех томах*. Л.
- КРАВЧЕНКО, Э. Я. (2008): Сказ. In: Н. Д. Тамарченко (ред.): *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*. М., с. 233–235.
- МОЛДАВСКИЙ, Д. М. (1977): *Михаил Зощенко. Очерк творчества*. Л.
- МУЩЕНКО, Е. Г., СКОБЕЛЕВ, В. П., КРОЙЧИК, Л. Е. (1978): *Поэтика сказа*. Воронеж.
- ЧУДАКОВ, А. П. (1987): Сказ. In: В. М. Кожевников – П. А. Николаев (ред.): *Литературный энциклопедический словарь*. М., с. 382.

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА ВИННИЧЕНКО

Россия, Архангельск

ПРОЗВИЩЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ABSTRACT:

In the article various ways of nominations of modern Russian nicknames, their language and social background, the role of nicknames in everyday household communications of the modern society, communication with historical traditions of a nomination.

KEY WORDS:

Onomastics – anthroponimics – lexicography – non-calendar personal names – nicknames.

В бытовой коммуникации, занимающей значительное место в повседневной жизни человека, большую роль играют прозвища – дополнительные, неофициальные именованья человека, использующиеся для наиболее точной, оценочной характеристики лица и выделяющие его в коллективе. До настоящего времени вопросы о коммуникативном статусе прозвищ, структурных и семантических моделях хотя и привлекали антропонимистов, но детально не были разработаны и обобщены в том объеме, чтобы можно было говорить о прозвищах как о специальной антропонимической категории с учетом лингвистической, функционально-семантической, социальной и культурологической сторон.

Лексический материал для нашего исследования был собран в среде студентов высших учебных заведений г. Архангельска методом анкетирования. В опросе приняли участие студенты первого и второго курсов. В анкете им было предложено написать прозвища знакомых и пояснить их происхождение.

По итогам исследования мы получили 148 прозвищных наименований.

Нами было выделено семь основных групп прозвищ в зависимости от мотивации:

- 1) номинация, основанная на внешних особенностях человека;
- 2) номинация, основанная на особенностях поведения человека;
- 3) номинация, основанная на профессии, сфере деятельности;

- 4) номинация от противного;
- 5) номинация, основанная на особенностях родственных и дружеских отношений;
- 6) номинация, основанная на событиях;
- 7) ассоциативная номинация (индивидуальные ассоциации).

Рассмотрим данные группы.

1. Номинация, основанная на внешних особенностях человека

Прозвища данной группы характеризуют особенности внешнего облика человека. Могут быть охарактеризованы как отдельные части тела человека, так и его внешний вид в целом. В соответствии с этим можно выделить несколько подгрупп:

Цвет волос:

- рыжий: *Рыжая Креветка, Рыжий, Апельсин, Патрикеевна, Рыжиков*;
- другие цвета: *Свекл* (фиолетовый), *Пинки* (розовый), *Белладонна* (светлый)

Прическа:

- коса (прическа коса), *Бонифаций* (объемная прическа), *Птичье Гнездо* (растрепанные – волосы, небрежная прическа), *Череп* (отсутствие волос).

Рост:

- высокий: *Длинный, Лямка, Баскетболистка, Плющ*.
- низкий: *Чпок, Хоббит*.

Фигура:

- худой человек: *Сифуля* (очень маленький вес), *Бритва*;
- полный человек: *Толстый, Тумба*;
- худой, высокий, сутулый человек: *Оглобля*.
- высокий рост + худое телосложение: *Шнурок, Дохлый Щегол*.

Внешность:

Эталон (красивая девушка), *Кошмар* (старый, некрасивый человек), *Шумахер* (похож на известного автогонщика по фамилии Шумахер), *Фунтик* (похож на одноименного мультипликационного героя);

Лицо:

Морда (агрессивное лицо), *Вампир* (клыки неправильной формы), *Борода* (имеет бороду), *Медвежье ушко* (одно ухо больше другого), *Рыба* (большие глаза навывкат), *Пуаро* (человек с маленькими черными усиками).

Походка:

Мышь (манера ходить крадучись), *Конь* (ходит немного согнувшись).

Манера одеваться:

Зебра (необычная одежда), *Вебе* (надпись на одежде).

Национальность:

Араб (лицо кавказской национальности), *Китаец* (человек с узкими глазами).

2. Номинация, основанная на особенностях поведения человека

2.1. Характер: *Energizer* (энергичный, непоседа), *Таллин* (медлительный, как эстонцы), *Катя-Редакция* (проявляет интеллект), *Глюк* (медлительный), *Могила* (умеет хранить тайны).

2.2. Склонности: *Кухня* (всегда на кухне), *Ученица* (всегда с книгами), *Кóзел* (любит пиво «Кóзел»), *Сепуль* (слушает группу „Sepultura”), *Конь* (любит лошадей), *Хой* (слушает группу «Сектор газа»).

2.3. Особенности произношения: *Перебоните* (не может выговорить слово «перезвоните»), *Франция/Рефрижератор* (картавит), *Дилинь-Дилинь* (дребезжащий голос), *Стрекоза* (болтливая девушка).

3. Номинация, основанная на профессии, сфере деятельности

В эту группу входят прозвища, данные человеку в связи с его местом работы, областью занятий:

Грифель (преподаватель по черчению),

Копейка (работает в такси, позывной «11»),

Папа Карло (вел уроки труда в школе – ассоциация с литературным персонажем),

Старье (староста группы),

Хлебница (продает хлеб).

4. Номинация от противного

Данная группа основана на именовании, противоположном какому-либо признаку:

Кудрявый (лысый), *Толстый* (худой).

5. Номинация, основанная на особенностях родственных и дружеских отношений

Для прозвищ данной группы характерна сема двойственности. Схожие прозвища даются двум людям, связанным узами родства или дружбой:

Баня и Ваня (две Ани, фамилии начинаются на «Б» и «В»),

Черный и белый (два Сережи, один носит черную рубашку, другой – белую).

6. Номинация, основанная на событиях

Эти прозвища даются человеку вследствие какого-то значительного события в жизни, а также поступка, действия или сказанного слова:

Халат (первая встреча – в халате)

Гиз («случайный набор букв на клавиатуре»).

7. Ассоциативная номинация

Эти прозвища возникли благодаря случайной и индивидуальной ассоциации, идее, основанной на семантике исходного личного имени. Эту группу можно назвать также окказионально-ассоциативной. Здесь можно выделить две подгруппы:

Семантическая ассоциация:

Граф («фамилия Красильников – красиво звучит» – ассоциация с титулом),

Косолапый (от фамилии Медведев – ассоциация с медведем),

Спанч Боб (от фамилии Мочалов – ассоциация с героем мультфильма),

Чипполино (от фамилии Лукинцов – ассоциация с литературным персонажем).

Фонетическая ассоциация:

Адреано Челентано (Андрей Черноморец),

Виски (Вика),

Коржик (Кожевников),
Пицца (Копица),
Тушка (Евтушенко),
Тюбик (Тюлюбаев),
Шеф (Шевченко),
Шляпа (Шалапин).

Что касается семантической характеристики, в ней преобладает ассоциативная номинация. На втором месте – тип номинации, основанной на внешних особенностях. Также очень популярна номинация, основанная на особенностях поведения человека.

В ономаσιологическом аспекте прозвища были распределены по следующим группам (по частотности): внешние особенности (*Дылда*, *Рыжий*), особенности поведения (*Маугли*), сфера деятельности (*Грифель*, *Хлебница*), «от противного» – именование, основанное на признаке, противоположном какому-либо характерному признаку (*Блондин*), отношения в коллективе (*Черный и Белый*), ассоциативная номинация (*Спанч Боб*; *Косолапый*).

В ходе исследования мы выяснили, что основные функции современных прозвищ: **оценка**, причем у номинаторов наблюдается стремление в прозвищном наименовании не столько отразить реальные свойства человека, сколько дать ему социальную, по большей части насмешливую оценку; более **точная номинация** объекта; **номинация объекта в закрытых сообществах**.

ЕВА ВЫСЛОУЖИЛОВА

Чехия, Оломоуц

УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ В УЧЕБНИКЕ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

ABSTRACT:

Being professional communication (both in a spoken and written form), business communication is a complex multi-level category including, in particular, the communicative, subject and language component parts. Students of philological programmes come across the problem of acquiring a secondary specialization (subject matter). Therefore, texts as study materials must respect two elementary didactic principles – proceeding from the known to the new information and from simple to more complicated issues and methods both in the vertical level of the text and in the horizontal level of the textbook.

KEY WORDS:

Text as study material – textbook – business communication – professional communication – secondary specialization – didactic principles.

В начале несколько общеизвестных фактов: Текст и учебник относятся к тем стержневым понятиям лингводидактики, без которых процесс обучения языку нереализуем, а если он и реализуем, то с чрезмерными усилиями. Оба термина разработаны в многочисленных теоретических работах, отечественных и зарубежных, причем не только лингводидактического характера. В качестве примера можно привести чешские сборники переводов с немецкого 70-ых годов прошлого столетия, посвящённые интердисциплинарной проблематике создания учебников. Теорией учебников и других средств представления информации занимался в то время и Педагогический институт Академии наук Чехословацкой Республики [Cipro 1977]. Известен и тот факт, что школьные учебники всех предметов обучения многократно подвергались научно-исследовательскому анализу [Doleček, Řešátko, Skoupil 1975]. Лингводидактики, авторы учебников и учителя РКИ в Чешской Республике сами принимали активное участие в общенародной крупной инициативе по обсуждению новых учебников и учебных текстов РКИ для начальной и средней школы в 80-ые годы прошлого века в связи с реформой образования, когда необходимо было высказать своё мнение по материалам, исходящим из коммуникативного ме-

тогда обучения языку. В те же годы появляется и обзорная статья одного из видных чешских педагогов Я. Прухи о вопросах теории и исследования школьных учебников в СССР [Pedagogika 1981]. Пристальное внимание учебному тексту издавна уделяют не только педагоги, но и психологи [Vohník 1980]. Выдающийся чешский лингвист К. Гаусенблас вводит даже новое понятие – понятие учебного стиля [Hausenblas 1972], в котором отношение к тексту играет важную роль. Перечень информации по проблемам учебного текста и учебника можно было бы продолжать без конца, так как данная область исследования, благодаря своему предмету, никогда не утратит своей актуальности. Итак, исследуемое нами «деловое общение» настолько комплексная, многоплановая категория, что без симбиоза работы преподавателя высокого класса – мастера с такого же характера учебниками и учебными текстами овладеть умением профессионального общения просто нереально.

Деловое общение x деловой стиль. Точно определить «деловое общение» довольно сложно, несмотря на все усилия, которые уже были в процессе познания и дефинирования этого понятия приложены. Теоретики сходятся в том, что сущностью данного термина является коммуникация [Jelínek 1992]. В основном такое мнение разделяется и нами. Однако факт, что в этом сверхсложном понятии проецируются определения многих научных дисциплин, для учебных целей оно нуждается в дальнейшем уточнении – как само содержание, так и характер и уровень его составляющих. Для лингводидактической разработки этой категории такое решение обозначает, что оно будет исходить из условного отделения «делового общения» как лингводидактической категории интердисциплинарного характера, в которой можно, по крайней мере, выделить коммуникативную, предметную и языковую составляющие (ср. также [Козлова, Курлова, Кулгавчук 2005]), от функционального делового стиля как категории лингвистической, теоретической, предоставляющей необходимые теоретические знания о языке и стиле общения. Обе категории взаимообусловлены, их взаимовлияние неоспоримо.

Деловое общение – проблемы обучения. Любой преподаватель РКИ, обучая чешских студентов русскому деловому общению, должен решать несколько важных вопросов, в которых выбор и возможности работы над текстом наряду с планомерным применением комплексного учебника как единого целого прямо определяют и достижение поставленной перед преподавателем и студентами цели. Осознавая параметры нового образовательного пространства, которые выводят наших студентов за границы Чешской Республики и открывают перед ними возможности применять в нём свои компетенции, заставляют преподавателя решать как один из первостепенных вопросов именно выбор подходящего учебника. При неимении экспертизы специалистов, которую проходит большинство учебников иностранных языков, такой выбор может успешно произвести лишь опытный преподаватель, руководствуясь в процессе выбора прежде всего примарным критерием цели обучения и сознательно применяя как минимум два основных дидактических принципа, т. е. от простого к сложному и от известного к новому, незнакомому.

В авторитарных учебниках делового общения российских авторов последнего времени выделено достижение двух целей:

1. овладение актуальными темами и ситуациями общения
2. овладение жанрами устной и письменной речи [Ускова, Трушина 2005].

В этой связи необходимо упомянуть еще об одном существенном факте. Деловое общение категория многоплановая. Характеризуя своего носителя, она является ярким показателем его профессионального уровня, показывает меру и качество его компетентности. Задача преподавателя – с самого начала учить студентов целому комплексу общения в профессиональной сфере, о которой студенты-филологи не имеют в начале изучения делового общения надлежащего представления. Для преподавателя и студентов здесь открывается сфера так наз. секундарной специальности, причём как на родном, так и на русском как иностранном языках. Она имеет не только предметный, но и социальный характер. То, как она разработана в учебнике делового общения, каков уровень репрезентативности учебного материала, должно для преподавателя быть критериями качества учебника. Увязанность управляемой преподавателем работы на занятиях с активной домашней самоподготовкой студента является предпосылкой достижения студентами ещё других специфических целей, а именно:

3. овладение техникой ведения делового разговора в чужой среде (стратегическая компетенция),
4. овладение техникой работы с учебником,
5. овладение техникой работы с монологическим и диалогическим деловым текстом,
6. овладение техникой прохождения тестирования и многими другими.

Напрасно упоминать о том, что категория цели вовсе не категория чисто лингводидактическая. Она существенным образом детерминирована политическими, экономическими, социальными и другими требованиями общества. В настоящее время для наших студентов-филологов является актуальным овладеть спецификой делового общения в устном и письменном видах на среднем уровне В 2, С 1.

Проблематика учебного текста (УТ): Тот факт, что любой текст можно считать учебным в широком смысле слова, если вообще сосредоточиться лишь на одном его критерии, т. е. на том, что для читателя он приносит новую информацию, и тем самым дополняет, расширяет его знания, являясь под-сознательным источником его обучения, хорошо известен. Но такой подход, хотя ни в коем случае нельзя опровергать его значения, так как начитанность человека тесно связана с его знаниями, не является сейчас предметом нашего исследования. Однако следует сделать замечание, что база знаний многих студентов, возникшая как результат масштабного чтения тематически и структурно разнородных текстов неодинаковой языковой трудности, помогает им намного быстрее и сознательнее овладеть спецификой учебных текстов делового общения. Можно даже высказать гипотезу, что предпосылкой успешнос-

ти освоения студентом-филологом специфики текстов делового общения является не только его теоретическая подготовка, но и специфические, связанные с чтением текста умения. Важными в этом плане считаются прежде всего умение глобальной ориентации в тексте, умение выбирать и определять функциональные доминанты текста (т. е. понимание взаимного отношения части и целого, необходимого и редундантного), умение осознавать логическую линию строения текста, умение находить в тексте элементы метатекста и другое. Определение *учебный*, однако, на первый план выдвигает специфические характеристики текста, который создавался с определенной целью, по определенным критериям – принципам, для потребителя определённого профиля и который должен соответствовать всем экспертным требованиям. Работая над таким текстом, студент-потребитель приходит к убеждению, что нужный уровень владения языком им будет достигнут.

Основная характерная черта делового УТ – это его гибридность. Весь текст построен на каузальной обусловленности нескольких линий, образующих комплексное сложное целое, причём их можно условно разделить на **интратекстовые**, к которым относятся:

- 1) линия тематическо-предметная, т.е. линия секундарной предметности,
- 2) линия грамматико-стилистическая,
- 3) линия метатекстовая.

Интертекстовые линии, связи, отражают отношение деловых текстов (монологических и диалогических) к текстам других стилей и жанров, на фоне которых вырисовывается их специфика. Следует упомянуть, что с лингводидактической точки зрения эта компаратистика очень важна, причём не только на этапе первоначального знакомства с текстом. Именно при таком сравнении проявляются характеристики деловых текстов, о которых не так часто говорится, напр., их особая эстетичность, стройность.

Учебник РКИ делового общения в нерусской среде (подход лингводидактика). Учебник иностранного языка можно рассматривать и как своего рода систему, образованную рядом подсистем, какими являются, напр., подсистема текстов, предтекстовых и послетекстовых заданий, подсистема упражнений, подсистема домашних работ, подсистема тестов и др. Они выделяются относительной самостоятельностью, образуя своё целое, но, с другой стороны, подчиняются правилам построения учебника как комплексного целого. Если сосредоточиться лишь на линии текстов, то в строении учебного текста в учебнике делового общения можно увидеть в основном две линии презентации трудности материала, это:

1) **вертикальная линия**, по которой строится любой учебный текст, понимаемый как комплексная, цельная, условно закрытая единица. Он построен так, что трудный материал расположен в тексте градуированно, сверху до низу. Закрытость отдельного текста считается в самом деле только условной, так как именно она «открывает» текст для применения другой основной линии строения;

2) горизонтальная линия, где тексты расположены в строгой последовательности, причём эта последовательность подчиняется определенным принципам. Место текста в ней дано не только разрабатываемой в нём тематической проблематикой, но и реализацией тех критериев, на которых учебник построен, прежде всего языковой сложности, трудности. Материал одного текста дорабатывается, закрепляется «в пространстве» другого текста, наполняя так идею преемственности и помогая студентам лучше его понять и запомнить. Если целью вертикальной линии является прежде всего тематическое опосредование нового материала, а специфика делового стиля в начале как бы уходит на второй план, то следующая работа над текстом нацелена как раз на лексико-грамматическую наполненность текста явлениями делового стиля и его проработку с опорой на теорию, в наглядном виде представленной горизонтально по всему учебнику (напр., в виде рамок).

Не только в рецепции текста делового общения, но прежде всего в его продукции (именно текста диалогического) особую сложность в процессе обучения представляет метатекстовая линия. По мнению М. В. Ляпон, говорящий при помощи метаязыковых единиц «контролирует свои операции с языком, осуществляет самоконтроль в процессе словесного оформления коммуникативного замысла. В строгом смысле слова, «метатекст в тексте» это вербализация контроля над вербализацией» [Ляпон 1986: 54]. Речь идёт о единицах типа: *если хотите, если не ... то по крайней мере, точнее говоря, не то чтобы ... но и, как говорят* и другие. Они, как заметно, способствуют непосредственности текста делового общения, избавляя такой текст от ненужной строгости, безличности.

Заключение. Работу над спецификой делового общения лучше всего на первом этапе начинать как составную часть обучения общению вообще, именно диалогическому общению и постепенно переходить к более трудным диалогам строго делового характера. Что касается работы над монологическими текстами, здесь с самого начала имеет место тематический подход, причём соблюдаются дидактические принципы: от известного к неизвестному и от простого к более сложному.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- CIPRO, M. (1977): *K teorii učebnic a instrukčních médií*. Praha: PÚ JAK ČSAV.
 CSIRIKOVÁ, M., VYSLOUŽILOVÁ, E. (2002): *Ruština v praxi*. Praha: LEDA.
 DOLEČEK, J., ŘEŠÁTKO, M., SKOUPIL, Z. (1975): *Teorie tvorby a hodnocení učebnic pro odborné školství*. Praha.
 HAUSENBLAS, K. (1972): *Učební styl v soustavě stylů funkčních*. NŘ 55.
 JELÍNEK, S. a kol. (1992): *Rusko-český lingvodidaktický slovník*. Praha: UK.
 PRŮCHA, J. (1981): *Teorie a výzkumy školní učebnice v SSSR*. Praha: Pedagogika.
 PRŮCHA, J. (1988): *Teorie, tvorba a hodnocení učebnic*. Praha.
 VOHNÍK, S. (1980): *Některé psychologicko-pedagogické problémy učebního textu*. Praha: Pedagogika.
 ГАЛЬПЕРИН, И. Р. (1981): *Текст как объект лингвистического исследования*. М.
 КОЗЛОВА, Т. В., КУРЛОВА, И. В., КУЛЬГАВЧУК, М. В. (2007): *Курс русского языка для делового общения*. М.
 ЛЯПОН, М. В. (1986): *Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений*. М.
 УСКОВА, О. А., ТРУШИНА, Л. Б. (2005): *Элитный персонал и Ко. Русский язык делового общения (продвинутый сертификационный уровень)*. М.

ЛЕНКА ГАВЕЛКОВА

Чехия, Ческе Будейовице

ОТНОШЕНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕГО ЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ КОММУНИКАЦИИ

ABSTRACT:

The article is devoted to the relation between language and culture and to their influence on everyday communication; it mainly focuses on social characteristics of language and the cultural elements which have an impact on the communication and the interaction among members of different nations. A new discipline, lingvoculturology is defined in the article as well as its main issues. Intercultural competence and its components are described in the final part. Also importance is given to crosscultural communication in the present day globalised world.

KEY WORDS:

Language – culture relation – crosscultural communication – intercultural competence – dialogue of cultures – lingvoculturology.

Язык и культура являются двумя категориями человеческой творческой деятельности, которые очень тесно связаны одна с другой и в принципе их нельзя отделить. Язык вытекает из культуры, которая его основывает и обуславливает; и, наоборот, на культуру постоянно влияет язык. Можно сказать, что культура формирует язык, и язык формирует культуру.

Суть отношения языка и культуры можно определить следующим образом: «В языке народ выражает себя полнее и многостороннее, чем в чем-либо другом – не только в последнем своем положении, но и исторически. Все, что есть у народа в его быту и понятиях, и все, что народ хочет сохранить в своей памяти, выражается и сохраняется языком. В высшем своем жизненном и исторически важном применении язык становится орудием и проводником всех потребностей образованности народа» [Верецагин, Костомаров 1983: 3].

В последнее время очень много внимания уделяется вопросу отношения языка и культуры. Ключевую роль в культурно-языковом исследовании играют общие теории понятия языка, но узкая связь языка и культуры явна и бесспорна для всех лингвистических направлений. Во многих философских или лингвистических теориях подчёркивается **характер языка как социально-**

го явления, т. е. единство языка и культуры или общества, в котором язык образуется, действует и меняется, из чего вытекает, что язык всегда соответствующим образом приспосабливается актуальным меняющимся общественным условиям и одновременно их в себе отражает. Отношение языка и общества является взаимным. Влияние культуры на развитие языка или влияние языка на развитие культуры, всего общества или каждого отдельного человека самого явно.

Для объяснения отношений языка и культуры нужно осознать также некоторые знания из этнологии и теории культуры. Каждый народ и этнос в себя включают четыре основные составные части: язык, словесность, культуру и сознание, которые развивались и формировались в узкой связи и зависимости в течение многих веков. Действительность, которую члены отдельных обществ принимают, воспринимается и анализируется на основе определённых этнически обусловленных лингвокультурологических аспектов, подобно и каждая мысль и деятельность человека постоянно под влиянием культурно-языкового узуса данного общества. Из этого вытекает, что некоторые сходные явления действительности воспринимают и оценивают разные общности разными способами, хотя можно утверждать, что в последнее время под влиянием глобализации начинает развиваться новая лингвокультура, которая включает в себя международные, межкультурные и межкузыковые аспекты. Эта новая среда помогает тому, что любая первоначально чужая культура может стать понятной для члена другой общности.

Отношением языка и культуры занимается новая дисциплина, **лингвокультурология**, которая сильно развивается в течение последних двух десятилетий и которая является самостоятельной наукой на стыке лингвистики и культурологии. Главной целью лингвокультурологии является описание функционирования языка в культурном контексте и его практические реализации как важные области владения языковым процессом. В принципе речь идёт о системе отношений между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, которая определяет специфические черты языкового сознания человека и всего народа, говорящего на данном языке. Лингвокультурология занимается основными вопросами отношений между языком, культурой и народом.

Важным понятием лингвокультурологии является **языковая картина мира**, которая обладает индивидуальным характером. Эта картина формируется у каждого человека посредством языка, системы языковых единиц, которые находятся в определённых отношениях. Ключевым отношением лингвокультурологического исследования является триада человек – язык – культура, причём культура понимается с точки зрения её взаимовлияния с языком, который воспринимается как место проявления характеристических черт данного народа и который является системой, посредством которой выражаются культурные ценности.

Большой темой является также так наз. **диалог культур**, который для глобализированного постмодерного мира является ключевым средством сосуще-

ствования отдельных народов и их культур. Для диалога культур, подобно как для каждого диалога, необходимо взаимное подслушивание, воспринимание, понимание и обогащение друг друга. Диалог культур должен вести к устранению предрассудков о том, что собственное понятие является единственным правильным и другие по меньшей мере смешными.

Диалог культур всегда зависит от того, по какой мере он соответствует интересам и жизненному и историческому опыту определённых народов. Конкретное специфическое понятие мира у отдельного лица или народа не возникает само по себе, но всегда является результатом нашей индивидуальной интерпретации в рамках общения, поэтому важнее чем учить вопросы и ответы, нужно формулировать вопросы, искать и решать проблемы сосуществования народов и их культур.

Диалог культур должен стать процессом и целью жизни каждого человека. «Диалог культур – это философия общения людей.» [Сысоев 2004: 19] Этот подход необходимо постепенно развивать в сознании, поэтому нужно, чтобы человек знакомился с этим принципом уже с детства, чтобы принять и понять его как одну из ценностей человеческого сосуществования. Обучение иностранного языка является одним из средств воспитания человека, в рамках которого формируется так наз. двуязычная социокультурная компетенция, которая делает возможным интеркультурное сравнение, которое представляет собой одно из условий диалога культур.

Интеркультурная компетенция – совокупность знаний и умений справиться с интеркультурной или культурно разнообразной ситуацией. Эта компетенция включает в себя три базовых компонента: когнитивную, аффективную и бихевиоральную компетенции. Когнитивная компетенция является совокупностью знаний, опыта и информации о культуре не только определённого чужого общества, а также своего собственного. Эта компетенция влияет на способ мышления, на приём и обработку данных о чужой и собственной культурах и на способность к толерантному мышлению без всяких предрассудков или стереотипов и к образованию собственной культурно-социальной идентичности. Аффективная компетенция связана с эмоциями и переживанием интеркультурной ситуации, она влияет, прежде всего, на интеркультурную восприимчивость и эмпатию, а также на способность приспособиться и принять интеркультурную ситуацию без всяких физических или психических страданий. Бихевиоральная компетенция включает коммуникативные способности, стратегии решения конфликтов и проблем интеркультурной ситуации или способность работы в интеркультурном коллективе. Интеркультурная компетенция не является врождённой, поэтому необходимо развивать её постепенно и систематично при помощи всех возможных средств. Большое внимание надо уделять, прежде всего, рефлексии и авторефлексии, осознанию своей личности как части общества и развитию интеркультурной восприимчивости, без которой взаимная коммуникация или даже сосуществование с членами других общностей немыслимы.

В настоящее время под влиянием глобализации находится много людей на грани между культурами, из чего вытекает необходимость способности к **межкультурной коммуникации**, которая характеризуется как адекватное взаимопонимание коммуникативных актов участников, которые принадлежат к разным культурам. Овладеть межкультурной коммуникацией является одной из самых важных целей и задач современного воспитания человека.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BOBÁKOVÁ, H. (1992/1993): K problematice interkulturní kompetence. In: *Cizí jazyky*, č. 9–10, s. 331–333.
- MORGENSTERNOVÁ, M., ŠULOVÁ, L. a kol. (2007): *Interkulturní psychologie : Rozvoj interkulturní senzitivity*. Praha.
- PRŮCHA, J. (2004): *Interkulturní psychologie*. Praha.
- ВЕРЕЩАГИН, Е. М., КОСТОМАРОВ, В. Г. (1983): *Язык и культура*. М.
- ГРИШАЕВА Л. И., ЦУРИКОВА Л. В. (2007): *Введение в теорию межкультурной коммуникации*. М.
- МАСЛОВА, В. А. (2007): *Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. М.
- СЫСОЕВ, П. В. (2004): Культурное самоопределение обучающихся в условиях языкового поликультурного образования. In: *Иностранные языки в школе*. Н 4, с. 14–20.
- ТЕР-МИНАСОВА, С. Г. (2008): *Язык и межкультурная коммуникация*. М.

Ян ГАЛЛО – ЙОЗЕФ СИПКО

Словакия, Нитра – Прешов

КАРТИНА РОССИИ В СЛОВАЦКИХ МЕДИА-ТЕКСТАХ: ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?¹

ABSTRACT:

The article is devoted to showing the picture of the Soviet and post-Soviet periods in Slovak mass media. The picture is mostly connected with negative connotations which very often give distorted and untrue information especially for the young generation. The authors focus their attention on political aspects. Theoretical notes are filled with practical examples from the mass media with the translation into Russian.

KEY WORDS:

Ethnocultural Russian words – mass media – negative evaluation – picture of Russia – political facts – post-Soviet Union period – Slovak press – Soviet Union period.

В процессе анализа обозначенной в заглавии проблемы, можно выделить пять основополагающих аспектов, на основе которых формируется картина России в Словакии: исторический, славянофильский (русофильский), переводческий, политический (советский и постсоветский периоды), сугубо лингвистический. В статье сосредоточим наше внимание на политических факторах, участвующих в формировании языкового образа России и Словакии в СМИ.

Для современных СМИ характерно предпочтение отрицательной информации, создающее впечатление о всепобеждающей силе зла. Если СМИ должны нести абсолютно правдивую информацию, то им необходимо опровергнуть мнение о первостепенной важности негативных новостей и отрицании добра. От масс-медиа требуется однозначная позиция, принимая во внимание то, что их адресатом является человек.

Однако в реальной жизни мы являемся свидетелями того, что большая аудитория, и, прежде всего, молодое поколение Словакии, не имея элементарных знаний о России, вынуждено руководствоваться только различными не-

¹ Работа выполнена в рамках научного проекта КЕГА №.3/5141/07 „Teoretická a edukačná transformácia rusistického vzdelávania na I. a II. stupni vysokoškolského štúdia“.

объективными и даже лживыми политическими оценками, доступными в разнообразных СМИ.

Примером такой манипуляции с необыкновенно широким и глубоким значением может служить злоупотребление при освещении исторических событий и роли, которую сыграла и играет Русская православная церковь.

Стоит отметить, что в Словакии в работах, которые доступны широкой публике, упоминаемые СМИ мало (если вообще) показывают образ России, причем часто в упрощенном варианте. Это обусловлено не только недостающими знаниями исторических взаимосвязей, но и отсутствием элементарных знаний российской истории. Примером может служить статья из газеты SME, в которой утверждается, что православная ветвь христианства развилась на Руси в конце 16 века.

В словацких газетах и журналах редко можно найти статьи, где образ России освещается в положительном свете. Например, недавно в газете Pravda [25. 7. 2009] появилась статья под названием

1. *Nostalgia. S vlakmi družby sa cestovalo takmer zadarmo – Ностальгия. На поездах дружбы мы путешествовали почти бесплатно.* О поездах дружбы из Братиславы в Москву и обратно в советские времена. Ее автор с ностальгией вспоминает времена социализма, когда избранные люди из Словакии имели возможность почти бесплатно путешествовать в Советский Союз на поезде дружбы. В конце статьи он заключает:

2. *Po roku 1989 cestovanie vlakmi družby skolabovalo. Už neboli potrebné. Hlavné prúdy turistov zo Slovenska sa presmerovali. A z ostatných družobných krajín tiež ... – После 1989 года путешествия на поездах дружбы перестали существовать. В них уже не было нужды. Главные потоки туристов из Словакии были переориентированы. Так же как и из остальных дружественных стран*

Продолжая тему путешествий, можно справедливо отметить, что в словацких статьях также можно найти и правдивый образ российского зарубежного туризма. Например,

3. *Na protiažení ряда десятилетий поездки за границу были для русского человека практически недоступны. В Советском Союзе существовала масса ограничений, которые препятствовали зарубежному туризму: самая большая проблема состояла в получении от властей разрешения на выезд из страны (даже появился обиходный термин – «невыездной» человек – тот, кому не давали разрешения выехать за границу).*

Этнокультурные русизмы (ЭР) **политического лексикона** представлены в статьях наших журналистов, пишущих о политических реалиях не только России, Словакии, а также о политике других стран. В силу исторических обстоятельств в словацком языке советской эпохи употреблялись и ЭР с идеологическим содержанием. В современном контексте они используются в другом оценочном и прагматингвистическом плане, поскольку чаще всего представляют собой языковое средство **иронии, пародии и сатиры**.

Революционные события в России в 1917 году являются символом чего-то неестественного. Одним из соответствующих исторических прецедентов является собственное имя *Аврора* в позиции семиотического кода опасных действий. По мнению известного ученого Я. Келлера, в результате глобализации революция в наше время невозможна:

4. *Auróra už nemá na koho vystreliť. – Авроре уже не в кого стрелять* [Sme, 23. 2. 2008].

Авророй пугали словацкие экономисты правого политического направления, критикующие левое крыло правительства Р. Фица за новый госбюджет на 2009 год:

5. *Malý rozpočtový „facelifling“, čo spáchala koalícia, nemusí byť ešte delo (Auróra), z ktorého sa strieľa. – Маленький бюджетный «фаслифлинг», что совершила коалиция, не должен быть пока пушкой (Аврора), из которой произойдет выстрел* [Sme, 25.11.2008].

Ленин может стать также объектом каламбурной языковой игры в словацком языке. Название магазина *Фрукты овощи* – *Ovocie zelenina* создает предпосылки для соответствующих образований в словацком языке:

6. *Bol jeden obchod a na ňom bolo napísané: Ovocie zelenina. Nieкто však ukradol jedno písmeno «e» vznikol názov Ovocie z lenina. – Был один магазин и на нем было написано: «Овоцье зеленина». Кто-то украл одну букву «е», и так возникло название «Овоцье з ленина».*

Сталин и в словацкой прессе становится прецедентным именем с семантическим значением **насилия**. Иногда высказываются мнения, в рамках которых его сопоставляют с *Гитлером*, говорят о нем даже больше. Внимательные наблюдатели пародируют такую историческую оценку *Сталина*:

7. *Naši historici dokázali, že neexistoval žiadny Hitler. To iba Stalin hral dvojúlohu. – Наши историки доказали, что не было никакого Гитлера. Это Сталин выступал в двойной роли.*

Переоценки всего советского периода проходят с разных политических позиций. Именно этот факт способствует тому, что политика опять сменяет политику, причем серьезные историки остаются в тени. В комментарии к резолюции, принятой в Евросоюзе и осуждающей коммунизм, приводятся в качестве оценочных единиц соответствующие языковые советизмы:

8. *Nejestvuje znárodnenie bez nespravodlivosti, ani kolektivizácia bez násilia. Komunistické verchušky 70. a 80. rokov si mohli dovoliť relatívnu mäkkosť aj preto, lebo ich predchodcovia vykonali všetku mäsiarčinu za nich. – Не существует ни национализации без несправедливости, ни коллективизации без насилия. Коммунистические верхи в 70-ые и 80-ые годы могли себе позволить относительную мягкость и потому, что их предшественники провели всю «мясорубку» и за них* [Sme, 26.1. 2006].

Пугалом в современной политической борьбе является исторический советизм *большевик* и его дериваты. Представители правых сил употребляют эти единицы для бескомпромиссного отрицания левых сил, в особенности этими

эпитетами характеризуют Р. Фица и его партию «Смер» («Направление») и его правительство:

9. *Predstava Smeru, že nejaký politický názor stranu oprávňuje, aby zrušila platný stav, je predstavou **bolševickou** v kryštalickej čistej podobe.* – Представления партии «Смер» о том, что какой-нибудь политический взгляд ей разрешает отменить действующее политическое положение, является представлением **большевистским** в самом чистом виде [Sme, 26.1. 2006]. Итак, о большевистской угрозе пишет бывший редактор главного печатного органа Коммунистической партии Словакии «Правды», который перешел в правую газету.

В постсоветский период политические ЭР в словацкой прессе стали функционировать, как правило, в отрицательном смысловом значении. К известным словацким политикам применяются характеристики с ассоциациями, основанными на российских политических реалиях. Одной из таких лингвокультурных моделей стало имя, отчество и фамилия *Владимир Вольфович Жириновский*. Мэр словацкого города Жилина и председатель Словацкой национальной партии *Ян Слота* известен своими заявлениями, которые напоминают коммуникативный эффект заявлений Жириновского, в результате чего в словацкой прессе называли его

10. *Ян Слота **Жириновски**.*

По всей вероятности, агрессивность словацкого *Жириновского* вызвала ассоциации с призывом *Жириновского* совершить последний бросок на юг и напоить казацких лошадей в Индийском океане:

11. *«Páni-bratia, nie sme debili. Kozaki, na lošadi! Slováci, sadaj do tankov»!* – «Господа-братцы, мы ведь не дебилы. Казаки на лошади! Словаки, садись в танки»! [Р. 9. 3. 1999].

Априорные оценки, как правило, предопределены позициями отдельных СМИ. В Словакии постсоветского периода целый ряд газет и журналов считает себя правыми и на такой основе почти все, что связано с Россией, получает негативную оценку. Примером могут послужить некоторые публицистические материалы, посвященные *газовому кризису* в начале 2009 года. В СМИ названного профиля в этом кризисе обвиняли Россию. Приведем лишь несколько типичных примеров из журнала „PLUS 7 dní“ [№ 3, 2009] (ПЛЮС 7 дней). Уже на обложке журнала имеются два профиля портрета В. Путина, вызывающие ассоциации с фотографиями преступника, которые содержат в его судебном деле. Под портретами угрожающее сообщение:

12. *Ruský premiér **Putin ohrozil životy Európanov**. Bude za to niekedy rukať?* – Премьер России **Путин поставил под угрозу жизнь европейцев**. Ответит за это когда-нибудь? Прямо в соответствующем тексте под упомянутыми портретами Путина раскритикован также словацкий премьер Р. Фицо, который главным виновником *газового кризиса* считал представителей Украины. Инициатива словацкого премьера, направленная на обеспечение Словакии энергоносителями, была характеризована известным русизмом:

13. *Geroj za cudzie.* – **Герой** за чужие деньги.

Главный виновник был найден. В журнале приводят даже примеры лозунгов демонстраций в Болгарии, где один транспарант гласил:

14. *Ukončite Putinovu plynovú vojnu. – Прекратите газовую войну Путина.*

Таким образом, словацкие СМИ по-разному описывают современную и прошедшую российскую действительность. Среди большого количества отрицательной и неправдивой информации об истории Советского Союза и современной России можно найти и такую, в которой авторы стараются максимально объективно показать современному молодому поколению Словакии образ настоящей России и прошлых времен Советского Союза, не скрывая тех негативных явлений, которых было и есть немало. С ними можно только согласиться, добавив, что от идеализации жизни россиян пользы, главным образом, современному молодому словацкому читателю не было бы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- IĽLOWIECKI, T. M., ZASĘPA, T. (2003): *Moc a nemoc médií*. Bratislava.
KRAUS, J. (2008): *Jazyk v proměnách komunikačních médií*. Praha.
SOKOLOVÁ, J. (2009): *Základy filológie. Lingvistika*. Nitra.
БЕРКОВ, В. П., БЕРКОВА, А. В., БЕРКОВА, О. В. (2000): *Как мы живём. Пособие по страноведению для изучающих русский язык*. СПб.: «Златоуст».
ВЕЖБИЦКАЯ, А. (2001): *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики*. М.: «Языки славянской культуры».
ГАЧЕВ, Г. (1995): *Национальные образы мира. Космо. Психологос*. М.: «Прогресс» – «Культура».
ГУДКОВ, Д. Б. (2003): *Теория и практика межкультурной коммуникации*. М.: «Гнозис».
МАСЛОВА, В. А. (2004): *Лингвокультурология*. М.: «Academia».
СИПКО, Й. (2008): *В поисках истинного смысла – Hľadanie ozajstného zmyslu*. Prešov.
ФЕДУЛОВ, Ю. К., ВОСКРЕСЕНСКАЯ, Н. О. и др. (2009): *Управление общественными отношениями*. М.: «Вузовский учебник».

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ГЕККИНА

Россия, Санкт-Петербург

ИНТЕРНЕТ-СЛУЖБА РУССКОГО ЯЗЫКА: ТИПОЛОГИЯ ВОПРОСОВ

ABSTRACT:

The article is devoted to interactive advisory service of the Russian language on base of the website www.gramma.ru. Various types of the questions addressed to professional linguists are analyzed.

KEY WORDS:

Russian language – metalanguage – Internet – advisory service – expert opinion – question categories.

Всего за несколько лет работы в Рунете получили широкую известность и признание справочные службы, нацеленные на разнообразное по тематике консультирование в области русского языка. В этом направлении активно работают «Справочное бюро» портала www.gramota.ru, Служба русского языка на сайте Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (www.slovari.ru) и Справочная служба сайта «Культура письменной речи» (www.gramma.ru). В настоящее время посетители указанных интернет-ресурсов могут не только воспользоваться возможностью быстро и бесплатно получить ответ профессионального лингвиста по интересующему вопросу, но и осуществить самостоятельный поиск нужной информации по архивным материалам. Общую справочную инфраструктуру на сайтах формируют также словарные базы, научные и учебно-методические публикации, которые для инициативных и опытных пользователей значительно расширяют диапазон их работы с источниками.

Метаязыковая деятельность корреспондентов справочных служб представляет несомненный научный интерес. Накопленные архивные материалы и совокупный справочно-информационный «контекст» интернет-ресурсов могут послужить основой для многоаспектных наблюдений и обобщений.

В запросах, в частности, высвечивается актуальный языковой материал, трудный с какой-либо точки зрения: написания, произношения, употребления, восприятия и т.д. При этом проблемы, связанные с нормативной харак-

теристикой вариантов или описанием нормативного употребления языковой единицы, часто обусловлены объективными причинами: новизной лексики, динамическими процессами в грамматике, противоречивостью сведений или их отсутствием в словарях и справочниках. Очевидно, что случаи такого рода требуют внимания со стороны специалистов, занимающихся подготовкой кодифицирующих изданий.

Также предметом анализа могут стать направления метаязыковой рефлексии консультирующихся (говорящих и пишущих авторов; слушателей и читателей) и типичные опоры в ее механизме. В этом аспекте адресованная справочным службам корреспонденция обладает информационным потенциалом, который нельзя переоценить; он, как представляется, способен обеспечить материальную базу и дальнейших разносторонних наблюдений.

Задачи изучения собственно языкового компонента и метаязыковых параметров обсуждаемого материала предопределяют создание типологии вопросов, позволяющей вести наблюдения не в разрозненном, а систематизированном виде. Опыт классификации и анализа вопросов, поступающих в справочную службу сайта «Культура письменной речи» (www.grammar.ru); (к настоящему времени в архиве размещено более 10000 вопросов и ответов), показывает, что эта работа имеет релевантные результаты. Рассмотрим некоторые из них в последующем обзоре.

Обследование «проблемного» материала осуществляется в рамках традиционной классификации, учитывающей отнесенность фактов языка к определенному языковому уровню. В вопросах обсуждаются: 1) словесное ударение и произношение звуков и звуко сочетаний; 2) словообразование (словопроизводство); 3) словоизменение (формообразование); 4) синтаксические связи слов; 5) лексико-фразеологические единицы, их семантика, сочетаемость, функционально-стилистические характеристики. Оформление языковых единиц в письменной речи мотивирует вопросы, посвященные: 6) графике; 7) орфографии; 8) пунктуации.

Так, «трудные» вопросы морфологии (формообразование сложных и сложносокращенных слов, аббревиатур; образование формы множественного числа отвлеченных существительных; род несклоняемых и сложносокращенных существительных и др.) свидетельствуют о необходимости коррекции сведений в справочных изданиях. Очевидно, что в словари (орфографические, орфоэпические, толковые) в обязательном порядке следует включать пометы, сообщающие о форме множественного числа существительных (в именительном и родительном падеже). Узко ориентированные издания (ср. словари сокращений) также должны расширить зону грамматических помет и регулярно давать сведения о склонении и роде слов.

Тематика вопросов, касающихся норм письменного текста, отражает возрастающую роль графических средств в текстах массового «издателя», использующего компьютерные программы. Между тем целевые пособия, рассказывающие о графике печатного текста, до сих пор отсутствуют.

Обзор материала по орфографии показывает, что самыми частотными являются вопросы о 1) слитном, раздельном или дефисном написании; 2) употре-

блении прописной или строчной буквы. Практика работы убеждает, что подобные сложные темы должны иметь соотносительные методические решения. В этих случаях специалисты службы считают целесообразным давать развернутые, аргументированные ответы.

Основаниями для типологии вопросов могут быть коммуникативно значимые качества речи: уместность, точность, ясность, чистота, логичность, богатство, выразительность, краткость, благозвучие. Этот подход позволяет обратить внимание на присутствие в вопросах соответствующих маркеров. Например, если предусматривается оценка уместного использования слов и выражений, то вопрос включает стилистические термины (в цитатах сохраняется авторская стилистика и графика): *Считается ли грамотным использование глагола «озвучить» в официальной и деловой речи? ЛГАТЬ и ВРАТЬ: какое из этих слов имеет более разговорную окраску? Есть ли случаи, когда одно предпочтительней другого?*

Интересные результаты дает анализ вопросов, мотивированных заботой авторов о том, чтобы высказывания были понятны адресатам. На наш взгляд, это стремление обнаруживает себя в особом типе вопроса, строящемся как сопоставление а) языковой единицы и б) толкования ее значения (версии понимания): *Будет ли это слово (словосочетание, предложение) означать '...'? Может ли слово (словосочетание, предложение) иметь смысл '...'? Можно ли так сказать (написать) о ...? Правильно ли понимание фразы: ...? Приведем следующие примеры: Правильно ли сказать «ручная резка», когда речь идет о резке вручную комплектом газо-пламенного оборудования?; Как правильно пишется: «водяной контур» или «водный контур»? Имеется в виду система отопления здания или система охлаждения автомобиля?*

Какие тексты и речевые ситуации инициируют эти вопросы? Чаще всего они возникают при создании директивных текстов, предусматривающих ответные действия адресата или его деятельность вообще: объявлений, заявлений, договоров, расписок, доверенностей, методических разработок, инструктивных материалов, нормативных документов разного профиля.

Представления о ясности и точности речи актуализируются и в случае употребления выражений, указывающих на сроки: *Правильно ли понимание фразы: «Сроки переносятся вперед на месяц», означает, что срок переносится, как бы ближе, т.е. с сентября на август. Хотя, когда я произношу эту фразу имею в виду как раз наоборот – с сентября на октябрь. С начальником недопонимание друг друга. То, что для авторов и адресатов описание временных промежутков часто представляет собой сложный случай, свидетельствуют вопросы, касающиеся употребления предлогов: Пишу заявление и хочу уточнить, подразумевает ли предлог ПО 'включительно' (с 5 по 15 ноября)? «Сдаю гараж до ноября». Предлог ДО означает 'включая ноябрь'?*

Закономерно, что при типологизации вопросов учитываются их структурные признаки. Прежде всего, отметим компонентные особенности состава вопроса. В него входят две базовые части. Первая часть – это собственно вопрос, содержательные характеристики которого образуют основу отдельной клас-

сификации: *Как написать (сказать)? Как правильно написать (сказать)? Можно ли так написать (сказать)? Существует ли в русском языке...? Что означает? В каких случаях можно, а в каких нельзя употреблять? Каково происхождение? Почему так говорят (пишут)?*

Вторая часть – это «зона» языковой единицы или явления, которому посвящен вопрос: *В словосочетании «за бортом» [на какой слог ставится ударение]? [Употребляется ли во множественном числе] слово «сортаменты»? [К какому разряду относится] наречие «опять»? Фамилия Васильков [имеет русское происхождение]? Вторая часть имеет разные реализации. Ее может представлять один элемент (единица или явление), как в приведенных выше примерах. Она может включать альтернативные элементы (варианты ответа), что служит признаком типологической разновидности самого вопроса (в таком виде это может быть самостоятельный вопрос): *Цехи или цеха? [Объективная оценка] поступка или поступку?* Кроме этого, во вторую «зону» может входить компонент, представляющий контекст: *Вывезти со склада или из склада? Как правильно говорить: накапливание или накопление средств? Как лучше стилистически: восполнить образовавшийся в диалоге вакуум? пробел? брешь?* Показательно, что альтернативные варианты языковой единицы (варианты ответов) преимущественно представлены именно в контексте. В итоге этот тип вопроса вскрывает пружины одного из стандартных механизмов метаязыкового рефлексирования. Он состоит в следующем: рефлексия возникает при обнаружении похожих вариантов, не обладающих достаточной «различительной силой». Вариантные пары (тройки) обычно составляют разные падежные формы существительного, беспредложные и предложно-падежные конструкции; лексические синонимы и особенно паронимы.*

Вторая часть вопроса имеет иную структурную реализацию, когда предмет обсуждения становится лексическая и грамматическая сочетаемость. Как правило, авторы писем определяют лингвистическую задачу следующим образом: *Возможно ли такое сочетание слов: успешный известный человек? Почему нельзя употребить выражение «Я это терпеть ненавижу»? Правильно ли употребление деепричастного оборота в предложении: «Заказать товар можно при получении справки или позвонив в справочный центр магазина»?*

В компонентный состав вопроса может входить часть, в которой отражена мотивация обращения за справкой (*Недавно столкнулся с тем, как чиновники по-разному понимают выражения, указывающие на периоды, с которых следует исчислять сроки*). Также вопрос может включать комментарии, содержащие функциональные характеристики примеров (*В речи бухгалтеров часто употребляются выражения «скрыжить», «провести крыжовку»*) или оценочные суждения авторов (*это режет слух*).

Итак, типологизация вопросов может осуществляться на разных основаниях. При этом не исключается, а напротив, предполагается то, что определяет предмет дальнейших исследований: содержательные и структурные характеристики вопросов могут представлять собой комплекс и иметь статус жанрообразующих признаков метаязыковых высказываний.

ИВЕТА ГЛУБИНКОВА

Чехия, Оломоуц

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ В РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

ABSTRACT:

The article deals with actual author songs. It analyses the following terms: author song, folk song, songster and bard. Those terms are compared to the corresponding Czech terms. The song is a musical poem; the folk song is characterized by the author's anonymity. In the case of author song, the interpreter writes lyrics, music and musical accompaniment. Author songs arose as an alternative to the Soviet mass songs. The bard is a singing poet. The theme of author song is very extensive, by analyzing the terms it is possible to reach deeper comprehension.

KEY WORDS:

Song – folk song – author song – bard.

Что можно представить себе под выражением *авторская песня*? Какие термины связаны с этим словосочетанием, каково их происхождение, какова степень эквивалентности русских и чешских выражений? Определение основных терминов, связанных с темой авторской песни, призвано помочь мне раскрыть её полноту и значение.

В настоящем докладе мы обратим внимание на понятия: *песня* – народная, авторская и бардская, авторы песен – *песенники* и *барды*, а также коснемся причин возникновения этого жанра, вопросов текста и музыки.

Песня – это вид стихотворения, олицетворяющий подлинное соединение всякой поэзии с музыкой и выражающий – обычно посредством единой композиции строф и мелодичного созвучного стиха глубокое чувство или настроение. О песни как об одном из основных видов выражения музыки говорит «Словарь литературной теории» [Vlašín 1977: 277]. Основой песни является вокальное выражение, оснащённое компонентами текста.

Ожегов характеризует песню таким образом: «Песня это стихотворное произведение для пения» [Ожегов 1983: 454].

Для понятия авторской песни надо привести факты о народной песне, которая является богатым источником авторской песни.

В нашей европейской среде народная песня характеризуется анонимностью авторов. Народная песня – это песня, которую все поют, но никто не знает автора. Передавая такую песню из поколения в поколение, представители народа могут менять тексты или вставлять новые, сочинять продолжение. В результате песня становится действительно неотъемлемой частью народа, автор народной песни – сам народ. Народная песня вытекает из народа, в основном деревенского, и остается верной своему источнику.

Возникновение русской народной песни исходит из частично других условий, чем чешская народная песня. Важное значение в этом процессе играла огромная территория России, итогом является значительная разница между народной песней, возникшей в деревне и в городе. Народная песня русской провинции не была под влиянием «извне».

Народной песней считаем также ставшую народную песню – это песня, автор которой известен, но её постепенно обрабатывали. В этом случае можно говорить о так наз. процессе вариации, когда, например, песня переводится на иностранный язык или оформляется музыкально.

Народную песню усиленно собирали в течение 19 века и её благотворное влияние сопровождалось творчеством композиторов следующих веков. Большое, даже, можно сказать, основное влияние народной песни отразилось преимущественно в авторской песне.

«Один человек сочетает в себе, как правило, автора мелодики, автора стихов, исполнителя и аккомпаниатора – вот признак авторской песни как культурного феномена» [Авторская песня 1997: 8].

Приведённая цитата очень просто, но понятно описывает основные признаки авторской песни. В случае, когда автор музыки является одновременно автором текста, мы говорим об авторской песне. Авторами этой песни являются начинающие, но и профессиональные певцы, для которых важно то, чтобы строить свою художественную карьеру не на заимствованных песнях, а на собственном репертуаре. Характер, направление жанра и тематика авторских песен всегда исходит из мыслей и представлений самого певца. Сначала основу жанра составляли студенческие и туристские песни, которые несли определенную личную интонацию, были живыми и имели полностью неформальный подход к теме. Авторская песня – понятие, бытующее в нас. Где еще могла зародиться песня, которую можно исполнять либо в тихом саду, либо у костра, но во всяком случае подальше от официального творчества? Авторская песня как культурное явление – уникальна и возведение её в ранг «высокой» культуры логично и естественно. В авторской песне строго следят за чистотой жанра.

Русское понимание говорит об авторской песне как о песне бардовской. Эти два термина для многих исследователей являются синонимами. Бардовская песня возникла в середине XX века в Советском Союзе, но её корни находим уже в XII веке. «Первыми представителями раннего музыкального

исполнительства были певцы-сказители и скоморохи. Скоморохи соединили в себе черты потешника, лицедея, музыканта, певца. Скоморошество стало искусством, которое высмеивало уродливые стороны жизни государства. Б. Астафьев назвал скоморохов «критическим элементом» уклада Древней Руси» [Сухарев 2000: 184].

Но после возникновения авторской – бардовской песни начались споры о том, как обозначить, как назвать новое общественно-художественное явление. Появилось выражение «самодетельная песня», даже возникли клубы самодетельной песни, стали проводиться многочисленные слёты и фестивали. Но впоследствии ввиду ситуации в обществе от этого выражения отказалось.

Авторская песня возникла как альтернатива советской массовой песне – жанру тоталитарного искусства, создателем которого были композиторы, поэты и певцы. Среди них было немало талантливых людей, но никто из них не был автором в полном смысле слова. Композитор должен был порой класть на музыку совершенно безразличные ему тексты, стихотворцу приходилось сочинять слова для готовой ритмико-мелодической схемы. Не вполне свободны были в выборе репертуара и певцы.

Во время первых десятилетий художественная самостоятельность достигла большой популярности, несмотря на культурную политику тогдашней советской власти, она постепенно включилась в систему массовой музыкальной культуры.

Авторская песня исполняется авторами-исполнителями, под гитару. Исполнителей этих песен можно назвать авторами, певцами, поющими поэтами, песенниками или бардами. Все названия правильные, но каждый исполнитель чувствует своей ролью. Этот факт вытекает как из первоначальной «художественной» ориентации автора, так из реакции слушателей – публики. Поэты авторской песни с каждым днём привносят в свои песни что-то новое, интересное, исходят из традиций, используют самую разнообразную тематику – все это делает их творчество очень особенным.

Может возникнуть следующий вопрос: что важнее в авторской песне – стихи или музыка? Кажется, что соотношение текста и музыки должно быть сбалансированным, текст – такое же важное средство, как и мелодия.

Для сравнения – в шансоне преобладает текст, в попсовых песнях – мелодия. Идеально положение тогда, когда слова и музыка взаимно воодушевляются.

Если кто-то пишет замечательные стихи под три гитарных аккорда – оскорбляет он этим образованных музыкантов-профессионалов? Кто-то великолепно играет на гитаре, но не скажет ничего. В действительности – всегда прав слушатель. Он выбирает тех исполнителей, песни которых близки ему по духу. Авторская песня в комплексном смысле – это многогранное социокультурное явление. Россия и Чешская Республика уже несколько десятилетий являются странами, где «быть песенником» или «бардом» очень достойно.

Песенник – это человек, который решил пением под акомпанемент, но чаще всего под гитару, выражать свои чувства и мнения. Песенник должен был бы владеть четырьмя ремеслами: написать или выбрать текст, быть композитором,

музыкантом и певцом. Всё это он должен увенчать мастерством связаться с публикой, пытаясь удерживать контакт с ней [Plachetka 1991: 9]. Значит, песенник есть творец и создатель простых композиций, называемых «песни», „песенки“, которые он создает собственными силами, он сам себе композитор и автор текста и, кроме того, он бывает первым, а порой и единственным исполнителем. Песенники в большинстве случаев являются благородными любителями, но речь может идти также о полупрофессионалах. Наилучшие песенники становятся полноценными профессионалами.

В русской терминологии принято выражение *бард*. Обратившись к словарю Ожегова и к «Современному словарю иностранных слов» Л. Баша, можно найти следующие определения: «Бард» (кельтское “bard”) – это певец-поэт у древних кельтов; в торжественном стиле речи – поэт или также «поэт и музыкальный исполнитель собственных песен» [Баш 2002: 87]. В словаре музыкальных терминов Барченковой, в главе «Все о музыке», говорится о том, что барды, евбаги и друиды составляли три ступени духовной власти у кельтских племен. Высшая власть принадлежала друидам. Друиды были главными духовными руководителями и учителями мудрости кельтов. Служители кельтских богов – евбаги. Они выполняли обряды, приносили жертвы, занимались гаданием и исполняли обязанности судей. Третьим звеном были барды – мудрые поэты-певцы, глашатаи истины, рыцари правды и добра, вдохновлявшие воинов на великие подвиги и провозглашавшие мир и любовь. Барды, были те люди, которые пропагандировали учение друидов, были посредниками между друидами и народом. Роль бардов была огромна, как и уважение, которым они пользовались [Барченкова 2000: 7]. Инструментом, который делает барда бардом, является инструмент с тремя или шестью струнами, похожий на маленькую лиру или русские гусли. Это инструмент, который держат вертикально, оперевшись на одно колено, или на плечо, водя смычком по струнам.

Чешский словарь литературной теории указывает, что *бард* – это поэт, который воспеваеет геройство своего народа или грустит над упадком его славы и силы [Vlašín 1977: 42].

В заключение реферата следует отметить, что тематика авторской песни очень широка. Интересной её делают не только все приведенные элементы, которые можно «научно» описать, но прежде всего «жизнь» – не только жизнь самих певцов – песенников и бардов, но и развитие общественных событий, историко-политические преобразования. Это всё создает условия для формирования и развития настоящей авторской песни, и стоит рассмотреть все взаимосвязи, относящиеся к этой теме.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- PLACHETKA, J. (1991): *Dokud se zpívá*. Plzeň.
 VLAŠÍN, Š. (1977): *Slovník literární teorie*. Praha.
 БАРЧЕНКОВА, М. Д. (2000): *Словарь музыкальных терминов*. М.
 БАШ, Л. М. (2002): *Современный словарь иностранных слов*. М.
 НОВИКОВ, В. И. (сост.) (1997): *Авторская песня*. М.: АСТ, Олимп.
 ОЖЕГОВ, С. И. (1983): *Словарь русского языка*. М.
 СУХАРЕВ, Д. (2000): Введение в субъективную бардистику. In: *Знамя*, №10.

ЯН ГРЕГОР

Чехия, Ческе Будейовице

СТРУКТУРНАЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ РУССКИХ УНИ- И МУЛЬТИВЕРБОВ ПО СРАВНЕНИЮ С ИХ ЧЕШСКИМИ СООТВЕТСТВИЯМИ

ABSTRACT:

The paper presents structural and word formation typology of Russian one- and multi-word forms, e. g. *přízemí + o – o + первый/нижний этаж*, in comparison with their Czech equivalents on basis of the synchronous confrontation of vocabularies of two genetically cognate languages. Nine models of these items on basis of their quantitative comparison are shown. Differences in the field of Czech and Russian nouns, verbs and adverbs are mentioned. Then, sixteen different types of language means (inclusive combinations) for expressing word meaning in Czech and Russian are noticed and commented. The results received are important, in particular, for effective acquisition of this type of one- and multi-word forms, for their lexicographical compiling as well as for practice of translation.

KEY WORDS:

One- and multi-word forms – structural and word formation typology – synchronous confrontation.

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу чешских и русских **синтетических наименований** (далее «СН» или же однословные наименования, универбы) и **аналитических наименований** (далее «АН» или же двух- или многословные наименования, мультивербы). **Материалом** для статьи послужил собранный обширный лексический материал – приблизительно 1 500 чешских СН и АН и то же количество их русских соответствий. **Цель** статьи – попытаться в общих чертах проанализировать и описать широкую и разнообразную область чешских и русских СН и АН со структурной и словообразовательной точек зрения¹.

1 СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ

1.1 На уровне соотношения количества единиц наименования для обозначения соответствующего понятия в рамках одного языка и смыслового кон-

¹ Анализ аналитических наименований со смысловой точки зрения произведён автором в другой статье.

цепта и их сравнительного соотношения в обоих языках можно, по нашему мнению, различать следующие 9 типологических групп (моделей):

A 1: 1/0 – 1/0. Пр.: *drahota* + *o* – дороговизна (разг.) + *o*; *zbožíznalec* + *o* – товаровед + *o*; **A 2: 1/0 – 0/2+.** Пр.: *bilancování* + *o* – *o* + подведение итогов; *přízemí* + *o* – *o* + первый/нижний этаж; *plocha* (рощ.) + *o* – *o* + рабочий стол (компьют.); **A 3: 1/0 – 1/2+.** Пр.: *vlakem* + *o* – поездом + на поезде; *odborný* + *o* – профсоюзы + профессиональные союзы; **B 1: 0/2+ – 1/0.** Пр.: *o* + *hranice dřeva* – поленница + *o*; *o* + *ledová kra* – льдина + *o*; *o* + *zkouškové období* – сессия + *o*; **B 2: 0/2+ – 0/2+.** Пр.: *o* + *fyzický stav* – *o* + физическое состояние; *o* + *kulový blesk* – *o* + шаровая молния; **B 3: 0/2+ – 1/2+.** Пр.: *o* + *generální konzul* – генконсул + генеральный консул; *o* + *volný čas* – досуг + свободное время; **B 1: 1/2+ – 1/0.** Пр.: *metropole* + *hlavní město* – столица + *o*; *milovat* + *mít rád* – любить + *o*; *rekordman* + *držitel rekordu* – рекордсмен + *o*; **B 2: 1/2+ – 0/2+.** Пр.: *platidlo* + *platební prostředek* – *o* + платёжное средство; *telefonicky* + *po telefonu* – *o* + по телефону; **B 3: 1/2+ – 1/2+.** Пр.: *mateřská* (разг.) + *mateřská dovolená* – декрет (разг.) + декретный отпуск; *podstatně* + *podstatným způsobem* – существенно + существенным образом.

Самыми распространёнными в ЧЯ и РЯ являются, конечно, **синтетическая** в обоих языках **модель А 1** и **аналитическая** в обоих языках **модель В 2**, на которые мы в данной статье особого внимания не обращаем. Однако **аналитическая** только в РЯ **модель А 2** встречается **очень часто**, приблизительно в 46 % случаев по сравнению с остальными 6 моделями², ср.: А 3 (14 %); В 1 (6 %), В 3 (14 %); В 1 (2 %), В 2 (9 %), В 3 (9 %). Стремление РЯ образовать и употреблять АН и, наоборот, стремление ЧЯ образовать и употреблять скорее СН вытекает, очевидно, также из очень низкой частоты употребления модели В 1 (только с АН в ЧЯ, без АН в РЯ) и модели В 1 (с СН и АН в ЧЯ, без АН в РЯ).

1.2 АН встречаются также на уровне соотношения **частей речи** как категорий единиц наименования (имён существительных (см. выше), прилагательных, глаголов и т. д.). Из их сравнительного соотношения в обоих языках можно сделать интересный вывод, что в области **глаголов** в РЯ путём аффиксации иногда возникают СН, в то время как в ЧЯ существует только АН; в остальном в РЯ в отличие от ЧЯ преобладают АН.

Ср. различия в области **глаголов**. Пр.: *faxovat* + *o* – *o* + присылать факс; *harpunovat* + *o* – *o* + бить гарпуном; **X:** *o* + *být nervózní* – нервничать + быть нервным; *o* + *být přítomen* – присутствовать + *o*; *o* + *dělat reklamu* – рекламировать что + *o*; *o* + *chovat se chuligánsky* – хулиганить + вести себя по-хулигански; *o* + *přestat milovat / mít rád* – разлюбить + перестать любить; **имён прилагательных:** *celoživotní (vzdělávání)* + *o* – *o* + (образование) в течение всей жизни; *důvěryhodný (člověk)* + *o* – *o* + (человек,) заслуживающий доверия / которому можно доверять; **наречий:** *abecedně* + *podle abecedy* – *o* + по алфавиту; в алфавитном порядке; *finančně* +

² При помощи показателя «Частотность» приводится в процентах относительное количество встречающихся в соответствующей группе отдельных цепочек СН и АН по сравнению с их количеством в остальных 6 группах, т. е., без чисто синтетической модели А 1 и без чисто аналитической модели В 2.

о – о + в отношении финансов; что касается финансов; с финансовой точки зрения; и др. (*globálně; hlavně; jménem; knižně (vydat); kam...*).

2 СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

В области имён существительных можно к средствам универбизации³ на уровне лексики отнести следующие словообразовательные приёмы: 1) аббревиация, 2) деривация, 3) конверсия (субстантивация прилагательных), 4) словосложение [Rudincová 2001: 171, перераб.]. Итак, обозначение понятия по степени сжатости (сгущённости/конденсации) выражения происходит от самого короткого до самого длинного наименования при помощи (16 типов):

2.1 только СН (6 типов): СН + о

ТИП: *bezdomec + o; чайная + o*

(1) производное слово + о

в ЧЯ: *bezdomec + o; čekárna + o; odbory + o*;

в РЯ: *говядина + o; кооперация + o; снежинка + o*.

(2) субстантивированное прилагательное + о

в ЧЯ: *Ø*;

в РЯ: *дарственная + o; набережная + o; чайная + o*.

(3) сложносокращённое слово + о

в ЧЯ: *drahokam + o; dvojchyba + o; větrolam + o*;

в РЯ: *самокат + o; стенгазета + o; фотофиниш + o*.

(4) сложное слово + о

в ЧЯ: *databáze + o; lesostep + o; Petrohrad + o*;

в РЯ: *киномузыка + o; лесостепь + o; путеводитель + o*.

(5) инициальная аббревиатура + производное слово + о (комбинация)

в ЧЯ: *Ø*;

в РЯ: *ICQ + аська (разг.) + o⁴*.

(6) инициальная аббревиатура + сложное слово + о (комбинация)

в ЧЯ: *Ø*;

в РЯ: *CD [sí dí] + компакт-диск + o; СПб. + Санкт-Петербург + o*.

³ Очень актуальным и чрезвычайно продуктивным средством универбизации в современном РЯ и ЧЯ является суффикс -ка. М. Вагнерова об этом пишет: „Pomocí přípony **-ka** lze vytvářet jednoslovná pojmenování i ze slovních spojení, jejichž hlavním členem je substantivum nejen ženského rodu, ale i rodu mužského a středního, ... Substantiva na -ka v ruštině i v češtině vytvářejí kompaktní, polyfunkční a mimořádně početnou skupinu.“ [Vágnerová 2009: 117]

⁴ От англ. *I seek you*, букв. «я ищу тебя» (система интерактивного общения в Интернете). В ЧЯ и РЯ довольно редко встречаются случаи употребления только инициальной аббревиатуры, ср.: *LPG* (= *Liquefied Petroleum Gas*; в Чехии также обозначение места продажи) + о – о + газонаполнительная станция; *VIP* + о – *VIP* / *ВИП* + о (от англ. «very important person»); *ICQ* (в ЧЯ); и др.

2.2 как СН, так и АН (9 типов): СН + АН

ТИП: *EU + Evropská unie*; *AO + акционерное общество*

(7) инициальная аббревиатура⁵ + АН

в ЧЯ: *ČSOB + Československá obchodní banka*; *EU + Evropská unie*;

в РЯ: *АО + акционерное общество*; *вуз + высшее учебное заведение*.

(8) производное слово + АН

в ЧЯ: *finance + finanční prostředky*; *(mas)média + hromadné sdělovací prostředky*;

в РЯ: *гранильня + гранильная фабрика*; *электронка (разг.) + электронная почта*.

(9) субстантивированное прилагательное + АН

в ЧЯ: *dršťková + dršťková polévka*; *hovězí + hovězí maso*;

в РЯ: *наличные + наличные деньги*; *русский + русский человек*.

(10) сложносокращённое слово + АН

в ЧЯ: *Ø (Čedok + Československá dopravní kancelář*; *Jihostroj + Jihočeské strojířny)*;

в РЯ: *компромат + компрометирующий материал*; *медпункт + медицинский пункт*.

(11) сложное слово + АН

в ЧЯ: *elektrospotřebič + elektrický spotřebič*; *hydroelektrárna + vodní elektrárna*;

в РЯ: *воздухоочиститель + очиститель воздуха*; *посудомойка (разг.) + посудомоечная машина*.

(12) инициальная аббревиатура + производное слово + АН (комбинация)

в ЧЯ: *a.s. + akciovka (разг.) + akciová společnost*; *CD + cédéčko (разг.) + kompaktní disk*;

в РЯ: *АЗС + бензоколонка (разг.) / заправка (разг.) + (авто)заправочная станция*; *ТО + хардвер + техническое обеспечение*.

(13) инициальная аббревиатура + субстантивированное прилагательное + АН (комбинация)

в ЧЯ: *MHD + městská (разг.) + městská hromadná doprava*; *VŠ + vysoká (разг.) / výška (разг.) / veřejná (разг.) + vysoká škola*;

в РЯ: *БОМЖ + бездомный + человек без определённого места жительства и работы*.

(14) инициальная аббревиатура + сложносокращённое слово + АН (комбинация)

в ЧЯ: *Ø*;

в РЯ: *ЕС + Евросоюз + Европейский Союз*; *ТЭЦ + теплоэлектростанция + тепловая электростанция / тепловая электрическая станция*;

⁵ Подробное различение типов как инициальных аббревиатур, так и сложносокращённых слов (см. ниже) даётся напр. М. Вагнеровой [Вагнерова 2007], здесь мы пользуемся более общими понятиями.

(15) инициальная аббревиатура + сложное слово + АН (комбинация)

в ЧЯ: Ø;

в РЯ: СММ + масс-медия + средства массовой информации; УЗИ + ультразвук + ультразвуковое исследование.

2.3 только АН (1 тип): о + АН (16)

ТИП: о + zbraně hromadného ničení; о + зал ожидания

в ЧЯ: о + slovní spojení; о + zbraně hromadného ničení;

в РЯ: о + вводное слово; о + скоростной лифт.

Таб.: Расслоение словообразовательных приёмов на уровне имён существительных в ЧЯ и РЯ

ТИП	СН			ПТ		АН	Пример
	А-ИА	Д	К	А-ССС	ССЖ	2+	
(1): ЧЯ		•					bezdomovec + о
(1): РЯ		•					говядина + о
(2): ЧЯ			•				Ø
(2): РЯ			•				дарственная + о
(3): ЧЯ				•			dvojchyba + о
(3): РЯ				•			стенгазета + о
(4): ЧЯ					•		lesostep + о
(4): РЯ					•		лесостепь + о
(5): ЧЯ	•	•					Ø
(5): РЯ	•	•					ICQ + аська (разг.)
(6): ЧЯ	•				•		Ø
(6): РЯ	•				•		CD [sí dí] + компакт-диск
(7): ЧЯ	•					•	EU + Evropská unie
(7): РЯ	•					•	АО + акционерное общество
(8): ЧЯ		•				•	finance + finanční prostředky
(8): РЯ		•				•	гранильня + гранильная фабрика
(9): ЧЯ			•			•	hovězí + hovězí maso
(9): РЯ			•			•	наличные + наличные деньги
(10): ЧЯ				•		•	Ø
(10): РЯ				•		•	роддом + родильный дом
(11): ЧЯ					•	•	hydroelektrárna + vodní elektrárna
(11): РЯ					•	•	посудомойка (разг.) + посудомоечная машина
(12): ЧЯ	•	•				•	a.s. + akciovka + akciová společnost

(12): РЯ	•	•				•	A3C + заправка (разг.) + (авто)заправочная станция
(13): ЧЯ	•		•			•	MHD + městská (разг.) + městská hromadná doprava
(13): РЯ	•		•			•	БОМЖ + бездомный + человек без определённого места жительства и работы
(14): ЧЯ	•			•		•	Ø
(14): РЯ	•			•		•	ЕС + Евросоюз + Европейский Союз
(15): ЧЯ	•				•	•	Ø
(15): РЯ	•				•	•	СМИ + масс-медиа + средства массовой информации
(16): ЧЯ						•	o + hasicí přístroj
(16): РЯ						•	o + вводное слово

В чешско-русском сопоставлении приведённые цепочки наименований могут по вышеприведённому анализу как совпадать (ср., напр., *lesostep* + *o* – *лесостепь* + *o*), так и, скорее, в большинстве случаев, не совпадать (ср., напр., *slovosled* + *o* – *o* + *порядок слов*; и мн. др.). Совпадение в межъязыковом сравнении наблюдается, прежде всего, в случае однословных наименований.

В подтипах (12)–(15) представлены самые широкие и разнообразные способы выражения определённого понятия (цепочки 3 (4) разного типа выражений). Приведённые 4 комбинации представляют собой наглядные примеры расслоения смысловой сгущённости от самого длинного обозначения (многословное аналитическое наименование) к самой короткой единице наименования (инициальная аббревиатура). Подводя итог, можно отметить, что словообразовательный потенциал РЯ является, по сравнению с ЧЯ, разнообразнее, ибо в ЧЯ некоторые словообразовательные модели (почти) не встречаются: (3), (5), (6), (10), (14), (15). Причина явна: ограниченное употребление в ЧЯ сложносокращённых слов.

Однако относительно высокая частотность образования (от АН) и употребления этих сложносокращённых слов в РЯ, их воздействие (ср. *o* + ***cestovní pas*** – *загранпаспорт* + *заграничный паспорт*; *o* + ***televizní pořad*** – *телепередача* + *телевизионная передача*) нельзя сравнить с деривационными возможностями ЧЯ, проявляющимися обилием СН, ср. ***kvěťák*** + *o* – *o* + *цветная капуста*; ***otazník*** + *o* – *o* + *вопросительный знак*; *знак вопроса*; **X: *osobák*** (разг.) + *osobní auto(mobil)* – *легковушка* (разг.) + *легковой автомобиль*; *o* + ***prvorozené / první dítě*** – *первенец* + *первый ребёнок в семье*; *o* + ***zednická lžíce*** – *мастерок* + *o*; *o* + ***milovník divadla*** – *театрал* + *любитель театра*. Отсутствие исконно русского односложного варианта в РЯ нередко приводит к употреблению заимствованных слов, ср.: *o* + ***obecní úřad*** – *муниципалитет* / *мэрия* + *o*; *o* + ***volné (pracovní) místo*** – *вакансия* + *свободное (рабочее) место*; и др.

Мы отдаем себе отчет в том, что разница в словообразовательной чешско-русской типологии связана также с расхождениями на уровне мышления. Их изучением в чешско-русском сопоставлении занимается когнитивная лингвистика, ср., напр., работу Й. Коростенского [Korostenski 2008].

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

А-ИА – аббревиация: инициальная аббревиатура; АН – аналитическое наименование; А-ССС – аббревиация: сложносокращенное слово; Д – деривация; К – конверсия (субстантивация прилагательных); Пр. – пример; ПТ – переходный тип; РЯ – русский язык; СН – синтетическое наименование; ССЖ – словосложение; ЧЯ – чешский язык.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- GREGOR, J. (2007): *Typologie lexikálních vztahů ruských ustálených verbonominálních spojení s formálním slovesem dāt a jejich souvztažných sloves (ve srovnání s češtinou)*. Slavia 76, č. 4, s. 373–387.
- GREGOR, J. (2008): *Valenční možnosti verbonominálních spojení v publicistickém stylu (v rusko-českém srovnávacím plánu)*. Olomouc 2008. 398 s. ISBN 978-80-244-1933-6.
- GREGOR, J. (2008): *Verbonominální spojení v ruštině (v částečné konfrontaci s češtinou)*. České Budějovice 2008. 300 s. ISBN 978-80-86708-56-0.
- <http://slovari.yandex.ru/dict/milchin/article/mil/mil-0673.htm>
- КОРЕЦКИЙ, Л. В. et al.: *Пособие по лексикологии русского литературного языка*. Praha 1979. 208 s. ISBN 14-572-79
- KOROSTENSKI, J. (2008): Языковые рефлексии некоторых аспектов концепта ‚контейнера-емкости‘ в русском языке (в частичном сопоставлении с чешским). In: *Rossica Olomucensia. XLVII. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii*. Num. 2. Olomouc: Univerzita Palackého, s. 15–28.
- RUDINCOVÁ, B. (2001): *Typy pojmenování v současné ruštině (zejména v podnikatelské oblasti)*. Ostrava 2001. 210 s. ISBN 80-7042-586-5
- VÁGNEROVÁ, M. (2009): К припоне -k(a) в současné ruštině a češtině. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (3)*. Brno: FF MU, s. 111–117.
- ŽAŽA, S. (1999): *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. Brno. 122 s. ISBN 80-210-2058-X.
- ВАГНЕРОВА, М. (2007): Типы аббревиатур по способу их образования. In: *Иностранные языки и литература в современном международном образовательном пространстве*. Том 1. Екатеринбург, с. 223–229. ISBN 978-5-321-01001-3.

ИРИНА ДУЛЕБОВА

Словакия, Братислава

ТЕАТРАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В СЛОВАЦКОМ И РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ABSTRACT:

The aim of this article is to examine general and specific aspects of a metaphoric model “Politics Is a Spectacle” in Russian and Slovak political discourse, including its contents and forms of possible application in practice. Research findings show that there are differences on a detail level; however common principles of general composition can be found in both the languages. The theatrical metaphor in the Russian language of politics is both more developed and more frequently connected with parable literary texts. It is possible to conclude that such a type of metaphor in Russia and Slovakia is similar in the structure of frames and slots, including its pragmatic potential.

KEY WORDS:

Political discourse in Russia and Slovakia – metaphoric model – “Politics Is a Spectacle” – text of precedence – manipulation with recipient consciousness.

Д. Лакофф и М. Джонсон справедливо утверждают, что «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь ... наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2007: 25]. Главная цель политической метафоры – воздействие на сознание реципиента, потенциального избирателя, и манипуляция им. Политики и журналисты постоянно помнят о «зрительской аудитории» и намеренно «работают на публику». Театральному поведению соответствует погружение языка политики в театральный контекст, и поэтому метафора театра – это один из наиболее распространенных способов интерпретации политики. В «Словаре политических метафор» Баранова и Караулова (1994) метафора театра по праву занимает пятое место по частоте использования. Прагматический потенциал метафорической модели театра в политическом дискурсе состоит в желании подчеркнуть неискренность участников политической жизни и почти всегда сопровождается коннотацией иронии или несерьёзности происходящего.

Предмет нашего исследования – общее и специфическое в содержании и функционировании метафорической модели, «Политика – это театр» в российском и словацком политическом дискурсе (далее РПД и СПД). В качестве материала для исследования использовались политические тексты в журнальных и газетных изданиях как в печатном, так и в электронном виде, опубликованные после 2000 года, ориентированные на широкие слои читателя и объединенные коммуникативной установкой убеждения, а в конечном счёте манипуляции адресата. За пределами выборки остались материалы научных изданий, тексты законов, постановлений и другие официальные документы.

Поскольку исследование велось на материале близкородственных славянских языков с подобной языковой картиной мира и, что важно в данном случае, похожей театральной традицией, то фактор межкультурных различий был невелик, поэтому в данном случае логично было использовать предложенную Чудиновым «методику параллельного исследования метафор, объединённых сферой-источником, при которой выделяют общую для двух языков модель и детально ее описывают, используя для иллюстрации материал каждого из рассматриваемых языков ... Рассматриваемый подход позволяет наиболее полно выделить то общее, что наблюдается в сопоставляемых языках, и на основе этих общих свойств зафиксировать возможные различия» [Чудинов 2007: 185]. Опираясь на предложенную Чудиновым логичную и чёткую классификацию театральной метафоры, мы провели сравнительный анализ её использования в современном политическом дискурсе России и Словакии и далее представляем лишь наиболее популярные сегодня метафорические обозначения в политическом дискурсе наших стран.

Фрейм «Виды зрелищных представлений»

Слот 1.1. Собственно театр и его виды

К наиболее распространённым относятся без сомнения выражения *театр абсурда* / *absurdná dráma*, *балаган* / *jarmotné divadlo*, *ľudové frašky*, *кукольный театр* / *babkové divadlo*, *моноспектакль* / *monodrama*, *театр теней*, *театр одного актёра*. Подобные метафоры подчёркивают специфику политической ситуации и оценивают действия политических лидеров. В РПД мы наблюдаем большее разнообразие, например, *театр теней* и *театр одного актёра*, столь популярные в русскоязычных политических текстах, нам не удалось зафиксировать в СПД. Их коннотативный потенциал при этом, как видно из следующих примеров, неоспорим.

Театр теней накануне смуты / Что мы наблюдаем на самом деле: театр абсурда или живущий по своему внутреннему сценарию театр теней, в котором «сказка – ложь, да в ней намёк»? Причём, намёк вполне конкретный, политический / Моноспектакль Путина в Давосе / Политический театр одного актёра. Казахстан идет к однопартийной системе / Туркменский театр одного актёра.

Слот 1.2. Смежные с театром виды зрелищных представлений

Различия здесь обусловлены особенностями национальной культуры и имеют преимущественно количественный характер: словаки чаще, чем русские, используют метафоры, связанные с цирком и его атрибутами, но значительно уступают русским по частотности обращения к метафорам мира кино, эстрады, концерта.

Vo vzťahu k riešeniu problému s predajom emisií pôjde len o politický cirkus opozície / Politický cirkus pre naivných však dokumentuje vzájomná rošáda na poste poradcov / Nie sme tu na komentovanie opozičného cirkusu / Ako v dobrom cirkuse sa musia ľudia cítiť, keď sledujú, ako sa činia naši ústavní činitelia / Dane a mzdy – kúzla a realita / Politické triky voči občanovi sú vo svojej podstate v rôznych obdobiach rovnaké.

2. Фрейм «Служители театра» – метафорическое обозначение разнообразных политических ролей.

Слот 2.1. Автор пьесы или сценария

В современной политической речи одинаково и в Словакии, и в России распространены метафоры *автор/autor*, *драматург/dramatik*. Клише в обеих странах давно уже стало слово *сценарист/scenasrista*.

Интересно, что несмотря на популярность, высокий уровень и богатую традицию оперы в Словакии, метафора *libretista, libreto* в СПД встречается крайне редко, в отличие от русского языка политики, использующего понятие либретто и либретист повсеместно. *Не может не поражать похожесть «либретто» Саакашвили, госдепартамента и ведущих американских газет / Межправительственное либретто к трубопроводной опере «НАБУККО».* Столь часто используемые в РПД понятия *аранжировщик / hudobná úprava* и *комедиограф / komediograf* в СПД нам зафиксировать не удалось, несмотря на богатейший семантический потенциал последних.

Громыко был не архитектор, он был аранжировщик советской внешней политики. / На выборах будут испытываться принципиально новые аранжировки политических интересов.

Слот 2.2. Создатели спектакля

Государственные деятели и лидеры политических движений часто метафорически обозначаются в обеих странах как *дирижер/dirigent*, *кукловод/babkar*, *режиссер/režiser*. Широко используемые в российском политическом дискурсе слова *сценограф, суфлёр, хормейстер, хорист, гример* в СПД нам зарегистрировать пока не удалось. И наоборот, столь, казалось бы, устаревшее понятие как *клакер/roztľieskavač, klaka* весьма популярно как в русском, так и словацком языке политики.

A aj s tým rátajú majstri bábkari, ktorí vkladajú slová do úst politických marionet / Американские СМИ словно по команде невидимого хормейстера слаженно запели о тотальном превосходстве американской системы / Многих экспертов решительность президента заставляет думать, что он уже действует без политического суфлера. / Политические клакеры – яв-

ление тоже достаточно известное. В СССР они маскировались под понятием «по просьбам трудящихся». / Сюда же, пожалуй, можно отнести и политических клкеров, любым способом стремящихся остаться приближенными к господствующей элите / *Na mítingu napr. chýbala klaka v prvých piatich radoch, resp. neudávala tón potlesku. / Zvyšok tvorili koalíční aj opoziční roztlieskavači / nedali si ani tú prácu, aby pripravili roztlieskávačov v radoch koalíčných poslancov.*

Необходимо подчеркнуть, что довольно часто стирается грань между собственно театральной метафорой и прецедентным литературным текстом, за ней стоящим, в основном в форме прецедентного высказывания или прецедентного имени. В РПД таких скрытых и откровенных цитат, реминисценций, аллюзий, прецедентных театральных метафор нам удалось зарегистрировать несравнимо больше, нежели в СПД, к наиболее популярным относятся, например, *немая сцена / шекспировские страсти / гамлетовский вопрос / служить публике, но не поклоняться ей / ружьё на сцене, божественная комедия / горе от ума / школа злословия / каменный гость / Весь мир – театр, в нём все актёры.* Многие филологи подчёркивают литературоцентризм РПД, и исследования словацкого русиста проф. Сипко подтвердили эту мысль в полной мере, поскольку, как оказалось, «русско–словацкое сопоставление функционирования литературных реминисценций в современной русской и словацкой периодике имеет соотношение 16:1 в пользу русских литературных реминисценций» [Сипко 2003:113].

Необходимо отметить и тот факт, что в РПД театральная метафора часто более развёрнутая, с чёткой логической структурой «театрального» текста с политической подоплекой. Несмотря на популярность театра в Словакии, авторы политических текстов пока не делают попыток, аналогичных РПД, спроецировать целую политическую ситуацию в иносказательный «театральный» по форме текст. Приведём примеры в сильно сокращённом виде.

– *Это только в сказке бывает так, что марионетки без какого-либо нового кукловода, сами, избрав себе предводителем некоего «буратино», вдруг выступают и достаточно успешно против своего прежнего кукловода-деспота и побеждают его, захватывая власть в театре ... В реальности марионетке никогда не стать кукловодом. Стань он хоть президентом, все равно будет марионеткой.*

– *Русская политика есть пьеса. Она разыгрывается в разных декорациях. Русский мир есть большой зрительный зал, в котором эту пьесу смотрят ... Это не очень интересная, довольно кровавая и не самая оптимистическая пьеса ... В этой пьесе давно расписаны все реплики ... Пьеса играется в последнее время так халтурно, что никто из исполнителей уже не верит ни одному собственному слову ... Иногда кто-то с галерки кричит «Не верю!», но он просто не понимает природы театральной условности. Верить – не надо. Надо смотреть. Вопрос о том, почему зрителю не хочется посмотреть другую пьесу, неуместен. Ему не хочется смотреть никакую. Но раз уж он родился в театре – в гулком помещении, где есть*

плохой буфет, холодный темный зал и небольшая освещенная площадка – он хочет, чтобы актеры бегали по сцене и его не трогали. Он занят, потому и не вмешивается в пьесу. Здесь путём широко развёрнутой театральной метафоры подчёркивается главная черта российской истории и современности – гражданская пассивность. Подобных текстов в РПД нам удалось зафиксировать немало, для Словакии они пока не характерны.

В сфере театральной метафоры однако больше общего, чем различий. Это можно объяснить тем, что рассматриваемая сфера в мире европейской цивилизации, а особенно родственных славянских культур, весьма схожа по содержанию. Нельзя сбрасывать со счетов и совместный исторический опыт XX столетия, и одинаковые направления развития театральной традиции в наших странах уже на протяжении более двух столетий.

Полностью совпадает и прагматический потенциал российской и словацкой театральной метафоры, представляющей политическую борьбу как искусственное зрелище на потребу наивному электорату-зрителю. И в РПД, и в СПД метафора театра в основном возникает в тексте при отрицательном отношении к объекту политической сферы.

Обнаруженные нами различия между российской и словацкой политической метафорой в рассмотренной сфере касаются деталей, а не общих принципов ее организации:

- в СПД большая доля метафор, связанных с миром цирка, а несмотря на безусловную «узнаваемость» реципиентом таких театральных понятий как *hudobná úprava, komediograf, šepkár, libreto, zbormajster, masker*, широко используемыми метафорами в политическом дискурсе Словакии они пока не стали;
- в РПД значительно чаще, чем в СПД используются образы, которые можно отнести одинаково и к литературным реминисценциям;
- создатели российских политических текстов часто используют более развёрнутую театральную метафору в одном тексте, что способствует значительному усилению её оценочного воздействия.

В заключении мы можем констатировать, что рассматриваемая метафорическая модель имеет интернациональный характер, весьма популярна и в России, и в Словакии, близка по составу фреймов и слотов и по прагматическому потенциалу.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАРАНОВ, А. Н., КАРАУЛОВ, Ю. Н. (1994): *Словарь русских политических метафор*. М. ЛАКОФФ, ДЖ., ДЖОНСОН, М. (2007): *Метафоры, которыми мы живём*. М.: «ЛКИ».
- СИПКО, Й. (2003): *Этнопсихолингвистические основы русско-словацких сопоставлений*. Прешов. URL: www.pulib.sk
- ЧУДИНОВ, А. П. (2007): *Политическая лингвистика*. М.: «Флинта».

Юлия Владимировна ЗВЕРЕВА

Россия, Пермь

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ПИТАНИЕ» В ПЕРМСКИХ ГОВОРАХ КАК ИСТОЧНИК ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ¹

ABSTRACT:

The article is devoted to the study of names of the lexico-semantic group “Food” in Russian dialects of the Perm region. This group includes general names of food, names of unpalatable food, names of baked goods, names of drinks, and also lexemes naming various dishes. These names reproduce Russian national peculiarities, conditions of life, interethnic interactions in the Perm region.

KEY WORDS:

Ethnolinguistics – lexeme – lexico-semantic group – meaning – Perm region – Russian dialects.

Пермские говоры – говоры вторичного заселения, распространенные на территории Пермского края. Исследователи истории Пермского края отмечают, что территория Верхнего Прикамья русскими осваивается в XV веке, изначально на этих землях проживали финно-угорские народы (коми, удмурты, манси). Заселение Пермского края происходило в основном с Русского Севера, поэтому в основе пермских лежат севернорусские говоры (архангельские, сольвычегодские, вологодские, вятские и другие). Соседство русских с коми-пермяками обусловило появление в лексике пермских говоров большого количества коми-пермяцких по происхождению слов. Юг Пермского края начал осваиваться русскими позже, в XVII веке выходцами из разных территорий, в том числе из Средней России, поэтому говоры южного Прикамья имеют отличия от говоров севера Пермского края. Кроме того, русские на этой территории находились в другом иноязычном окружении, их соседями были татары,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (РНП 2.1.3/483, РНП 2.1.3/2175), РГНФ (проекты №№ 08-04-82404 а/У, 08-04-82408 а/У, 08-04-82410 а/У, 09-04-82402 а/У, 09-04-82403 а/У).

башкиры, ханты, марийцы [Полякова 2006: 33], и наибольшее количество заимствований в этих говорах связаны с тюркскими языками.

В пермских говорах представлено большое количество наименований, относящихся к лексико-семантической группе слов «Питание». Лексика, связанная с процессом принятия пищи, относится к числу древнейших слоев словарного состава русского языка, поэтому ее изучение представляет большой интерес. Данную тематическую группу можно разделить на следующие подгруппы: 1) общие наименования пищи, 2) названия плохо приготовленной, невкусной пищи; 3) наименования выпечных изделий; 4) лексемы, обозначающие различные кушанья; 5) наименования напитков.

В питании жителей Пермского края существенное место занимали блюда из выращиваемых здесь зерновых культур. В пермских говорах отмечается более 100 лексем, называющих мучные изделия. Так, для обозначения печеного, обычного круглого хлеба разной величины использовались слова: **алябыш** 'хлеб круглой формы', **аржанина** 'ржаной хлеб', **выкатыш** 'круглый хлеб', **каверзан** 'круглый ржаной хлебец', **листвянка** 'хлеб, испеченный на поду русской печи на капустных листьях', **мусник** 'хлебное изделие, представляющее собой тонкую пресную лепешку, на которую накладывается квашеное тесто из ржаной или ячменной муки', **пшеничник** 'хлеб из пшеничной муки', **челпан** 'круглый хлеб из ржаной муки, каравай', **черняшка** 'хлеб из ржаной муки', **ярушник** 'хлебец из пшеничной муки'. Диалектоносители противопоставляют хлеб из ржаной муки хлебу из пшеничной муки. Хлеб из ржаной муки (**аржанина**, **ржанушка**) являлся повседневной пищей: *Аржанину одну и ели раньше; не было этого, чтобы белы булочки покупать*. Пшеничный (**пшеничник**) считался праздничным: *На праздник пшеничники пекли. Пшеница-то белая, а белый хлеб только ко празднику пекли; Ярушник пекли к празднику, из белой муки. Вот на свадебный стол*.

В говорах Прикамья фиксируется большое количество лексем, обозначающих пироги и пирожки, название которых зависит от начинки: брусничник 'пирог с брусникой', гороховик 'лепешка из гороховой муки', **грибник**, **губник** 'пирог с грибами' (губы 'грибы'), **грузлёвик** 'пирог с солеными груздями', **капустник** 'пирог с капустой', **картовник** 'пирог с картофелем', **кисленик** 'пирог с начинкой из щавеля' (кисленка 'щавель'), **крупиняк** 'пирог с крупой', **луковик** 'пирог с луковой начинкой', **морковник** 'пирог с морковью', **репник** 'пирог с репой', **маковка** 'булочка с маком', **соковый пирог** 'пирог с начинкой из семени конопли', **солоник** 'пирожок солью вместо начинки', **сырник** 'пирог с творогом' (сыр 'особым образом приготовленный творог' в пермских говорах), **черёмушник** 'пирожок с черемухой или из черемуховой муки', **черничник** 'пирожок с черникой', ягодник 'пирог с ягодами'.

Диалектная лексика данной группы отражает историю жителей края. Так, в говорах отмечаются слова, называющие хлебные изделия с примесью травы: **зеленушка** 'оладья, лепешка с травой' (*Ничего нет, дак и зеленушки в ход идут, тогда есть-то нечего было, соберем травы да с тестом и замесим; Пистики с ячменем раскатают и пекут зеленушки; В войну зеленушки ели*);

патынка (*В войну-то голодно было, дак мы патынки пекли из кислянки да лебеды; Придёшь с фермы да начнёшь стряпать потрынки из кислинки.*), **травянушка** (*Хлеба-то не было, травянушки ели. Пистики ле, клевер ли истолкёшь, мучки добавишь, испекёшь – вот и травянушки*). Мучные изделия, названные диалектными лексемами **алябыши**, **алябушки**, тоже могли быть изготовлены с добавлением травы: *Алябыши делали из рубленой крапивы с ячменной крупой; Алябушки, хлеба-то не было, дак перерошшие пистики, клеверные сосульки – всё запекали.*

Жители Пермского края готовили много блюд из различных круп и муки: **дежень** 'холодное кушанье из толокна, замешанное на квасе или молоке', **зава-руха** 'каша из пшеничной или ржаной муки', **кулага** 'тестообразное кушанье из ржаной муки и солода (иногда с ягодами)', **луда** 'кушанье, приготовленное из толокна, размешанного в простокваше или квасе', **повалиха** 'каша из пшеничной или ячменной муки, заваренной кипятком', **толкушка** 'кушанье, представляющее собой толокно, разведенное квасом'. Словом же каша обозначалась не только кушанье из крупы, как в литературном языке, но блюда из сваренных овощей: **калижная каша**, **бухвенная каша** 'каша из брюквы' (калига, бухва 'брюква'), **репная каша** 'каша из репы', **картовная каша** 'картофельное пюре'.

Большое место в питании населения Пермского края занимали овощи: брюква (в говорах бухва и калига), капуста, репа, редька. Капуста использовалась для начинки пирогов, из нее варили суп без мяса, который назывался **капустница**: *Суп из капусты варят, без мяса – капустница; Мы капустницей зовем похлебку с капустой.* Капусту солили впрок и также добавляли в супы, так **кислыми пштями** назывались щи с квашеной капустой. Солили (квасили) не только капусту, но и ботву брюквы, репы, редьки. Такая ботва (**кислы**) употреблялась в качестве начинки для пирогов: *Раньше рубят верёху – рубят, режут – солят ретешны, калешны кислы. Сёдня я из кисел пироги напекла, вкусно поели.* Различные корнеплоды (репу, брюкву, свеклу) также парили в печи. Это блюдо называлось **парёнки**: *Ретюшки, брюкву ли, калегу, в русской печке как испекешь, потом режешь кусочками. В сусло потом, и на стол хлебать; Парёнки-те тожно бучкали зиму-то (много раньше саживали репу-ту), скусные очень [паренки], не хуже груш.*

С древности в Прикамье были распространены пельмени, они были удобной пищей для охотников, уходивших зимой на промысел. Сама лексема **пельмень** (в пермских говорах **пельмянъ**, **пельян**) заимствована из коми-пермяцкого языка, в котором образовано сложением двух слов: пель 'ухо' и нянь 'хлеб' («хлеб в виде уха»). Пельмени в пермском крае делали не только с мясом, но и с капустой, редькой, репой, творогом, грибами: *В выходной-то день настряпаю, бывало, пельяны капустные, мясные, твороженные, из редечки – всю неделю потом безбедно жили; Уж больно они пельяны любят с грибами.* Пельмени с грибами имеют особое обозначение в говорах – **ушки**: *Ушки как пельмяны: грибы заваришь, воду отцедишь, изрубишь, луку положишь, как ухо изладишь; Ушки делали с чёрными грибами: нарубят грибы, луку с маслом положат и в тесто, варят в той воде, где заваривали грибы.*

В Пермском крае в питании существенную роль играли грибы и ягоды, которые заготавливались отдельно, а также входили в состав разных блюд. Так, грибами начиняли пироги и пельмени, варили из них суп. В пермских говорах для обозначения супа с грибами используются слова **грибница**, **груздянка**, **губенка**, **губница** (*Теперь грибов насобирали, целую зиму будем грибовницу варить; Груздянку варили из белых груздей, как суп; лук покрошишь, сметану кладешь; Губенку так варят: грибы чистят, шляпки только, потом картошку туда сделаешь; Поела бы губницы из свежих грибов*).

Давнее соседство коми-пермяков и русских на территории Пермского края привело к заимствованию русскими некоторых кушаний у коми-пермяков, а также их названий. Чаще всего подобные наименования сохраняют то же значение, что и в языке-источнике (пельян ‘пельмень’ ← коми-перм. *пельнянь* [КПРС: 330], *челпан* ‘круглый хлеб из ржаной муки, каравай’ ← *човпан* ‘каравай’ [КПРС: 540]. Но может происходить и некоторое изменение семантики (в сторону конкретизации), например, **тупошка**, **тупоська** имеет в пермских говорах значение ‘творожная запеканка, оладья (без крупы)’ (*Надо тупоску испечь; Тупоська – она из творога; Я таки шаньги на Петров день пеку, тупошки, с творогом*). Слово является производным от коми-пермяцкого *тупось*, *тупоська* ‘булочка, плюшка’ [КПРС: 494] и родственно коми-зырянскому *тупось* ‘круглый ржаной хлеб, коврига, каравай’ [КЭСЯ: 286].

В русских говорах бывшего Коми-Пермяцкого автономного округа бытует слово **шомша** ‘блюдо из вареных пиканов с квасом’ (*Шомишу я и сейчас ем, и робята у меня тоже любят, пиканы с квасом сделаешь и вот*). Слово происходит от коми-пермяцкого *шӧма* ‘кислый’ [КПРС: 567] (из общепермского *šom ‘кислый’) и *шыд* ‘суп, щи’ [КПРС: 575] (из допермского *šuttz ‘суп, щи’). В русском языке слово претерпело фонетические изменения, а также изменило значение, что, несомненно, связано с тем, что в русском языке слово *щи* имеет ту же семантику. В русских говорах Чердынского района лексема **шомша** имеет другое значение ‘каша из пшеницы или ржи, заправленная суслом’ (*Сусло из муки, это как квас, густой, тенется, сусло с шомшой едим; Рожь напарим, шомишу сделаем, хлебаем с суслом. Густая она, как каша*;). Скорее всего, в русских говорах Чердынского района слова **шомша** закрепилось с этим значением, потому что имеет более конкретную, узкую семантику, чем русское слово *каша*.

Таким образом, в названиях кушаний отражаются культурно-бытовые особенности русских, проживающих на территории Пермского края, а также контакты носителей диалекта с представителями других национальностей. Множественность наименований одних и тех же реалий отражает стремление человека дать возможно более детальное обозначение предметам действительности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА С СОКРАЩЕНИЯМИ:

- КПРС (1985): *Коми-пермяцко-русский словарь*. М.
 КЭСЯ (1970): ЛЫТКИН, В. И., ГУЛЯЕВ, Е. С.: *Краткий этимологический словарь коми языка*. М.
 ПОЛЯКОВА, Е. Н. (2006): Формирование пермских говоров. In: Е. Н. Полякова: *Региональная лексикология и ономастика*. Пермь, 14–37.
 Словарь пермских говоров: в 2 вып. (2000–2002). Пермь.
 СРГКПО (2006): *Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа*. Пермь.
 СРНГ (1996–2006): *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–41. СПб.

Йиндржих КЕСНЕР

Чехия, Градец Кралове

К ПРОБЛЕМАТИКЕ НЕИЗМЕНЯЕМОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

Indeclinable attributes began to infiltrate into Russian and Czech in the 18th century and this process continued in the 19th and 20th centuries. These words were mostly borrowed from French. French word-order influenced their position after the substantive which they modify, especially in Russian. Many indeclinable attributes have appeared in Russian and Czech during the last decades. They are mostly also of a foreign origin, but there are many differences between the “old” and “new” indeclinable attributes.

KEY WORDS:

Russian – Czech – indeclinable attribute – foreign origin – preposition – postposition – differences between “old” and “new” borrowings.

В последние годы все чаще встречаемся в русском и чешском языках с **несклоняемым препозитивным определением**. Препозитивный компонент в словосочетаниях с таким определением иногда характеризуется как несклоняемое прилагательное, хотя в большинстве случаев имеет субстантивный характер. Речь идет о таких словосочетаниях, как: *спорт бар, джентльмен клуб, ДСБ статистика, Газпром-Сити, VIP-больница, vodka party, Wic-sa kameny, Škoda auto, Liebherr mraznička, SMS zpráva или O₂ extraliga*. Такие определения еще сравнительно недавно находились на периферии языковой системы и часто подвергались критике лингвистов (ср. [Кеснер 2007, 2008, 2009; Šmilauer 1971]).

С несклоняемыми определениями, однако, встречаемся в русском (в меньшей степени и в чешском) языке уже достаточно давно. Первые такие определения, как указывает А. Бранднер, попали в русский язык еще в 18 в., они продолжали пополнять словарный запас в 19 в., этот процесс продолжался также в двадцатом веке [Бранднер 2001]. Это такие слова, как *беж, бордо, клёш, брутто, нетто, пиколо, коми, гала, макси* и др. в словосочетаниях *туфли беж, платье бордо, брюки клёш, вес брутто, вес нет-*

то, флейта пиколо, литература коми, концерт-гала, гала-представление, брутто-прибыль или макси-юбка (ср. с чешскими *lila hedvábí, blond vlasy, pepito kabát, khaki uniforma, prima dovolená, fajn člověk*). Это слова иностранного происхождения, они не изменяются ни по падежам, ни по родам, ни по числам и не образуют степеней сравнения. В книге «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка» [Панов: 105–106] они интерпретируются как новый грамматический класс слов – **аналитические или же неизменяемые прилагательные**. Последующие академические грамматики русского языка (1970, 1980) отмечают существование неизменяемых прилагательных, и последняя из них приводит список 69 наиболее часто употребляемых таких прилагательных. Несмотря на то, что данный список не претендует на полноту, очевидно, что это относительно немногочисленная группа [РГ I: 556]. Эти слова, не имея возможности согласовываться с распространяемыми ими субстантивами, присоединены к ним при помощи примыкания. Что еще можно сказать об этих заимствованиях, **чем они отличаются от тех неизменяемых определений, которые появляются в русском и чешском языках в последнее время, и что их с ними объединяет?**

Как указывает А. Бранднер в цитируемой статье, эти слова **способны выступать и в функции определения, и в функции предиката**: кофе мокро – *Этот кофе мокро*; платье бордо – *Это платье бордо*. В написании сочетаний этих слов с существительными наблюдаются колебания: **они пишутся или раздельно, или через дефис** (брюки клёш и брюки-клёш, часы пик и часы-пик и др.). Иногда ставят дефис, когда неизменяемое прилагательное стоит в препозиции, а когда в постпозиции – нет: брутто-прибыль, нетто-баланс, но вес брутто и вес нетто, однако прилагательные, имеющие отношение к названиям народов, пишутся раздельно всегда: язык хинди, литература коми, хинди язык, коми литература.

Данные прилагательные можно **по семантическому признаку разделить на несколько групп**. Это слова, обозначающие: а) цвета: платье бордо, туфли беж, цвет хаки; б) разновидности текстильного изделия: брюки гольф, юбка мини, макси-юбка, платье декольте; в) сорта материи: рубашка пике, белье трико, ткань либерти, кофта джерси; г) указание на то, как кто-либо одет: Он был совсем дезабилье; д) продукты питания: какао-порошок, картофель фри, филе сое, томат-пюре; е) разные явления из области музыки и театра: гамма соль-мажор, соната фа-минор, флейта пиколо, опера-буфф, соло-выступление, гала-представление; ж) явления из области типографского дела: книга ин-октаво (knih a osmerkového formátu), книга ин-фолио (knih a ve foliovém formátu), рукописи факсимиле; з) названия языков и народов: язык эсперанто, язык коми, языки банту, проза хинди; и) художественные стили и направления: стиль модерн, стиль барокко, стиль ампир; к) специальные слова и названия: цена брутто, программа минимум, часы пик, вес нетто.

Некоторые из перечисленных «неизменяемых прилагательных», выступают и как существительные, напр., *анаиш* – *apaš* ‘pařížský pouliční zloděj’, *ампир*, *банту* ‘jazyková rodina původního obyvatelstva jižní a střední

Afriky', барокко, бордо (вино), волан, плиссе (в моде плиссе), гольф, джерси *žerzej* (костюм из джерси), какао, коми, клеш *široké zvonové kalhoty* (широкий клеш), майонез, манси *Mansové* (*finská národnost*), маренго ('ткань черного цвета с белыми нитями') (купить маренго), модерн, мокко (заварить мокко), неглиже, пике – *piké* 'stehová tkanina', рококо, соло, суахили, травести, урду, хинди, цунами, эсперанто. Как нам представляется, можно поставить под сомнение характеристику данных слов как неизменяемых прилагательных и в таких словосочетаниях, как *язык хинди*, *народ коми*, *стиль модерн*, *кофе мокко* и т.п. По нашему мнению, в них постпозитивный компонент следует трактовать как **приложение, т.е. субстантивное определение** в постпозиции. Считать в них постпозитивный компонент адъективом, как нам кажется, нет причины. Это случаи аналогичные таким словосочетаниям, как *журнал «Огонек»* или *космонавт Гагарин*. О приложении здесь, однако, можно говорить только в тех случаях, в которых постпозитивное существительное обозначает частное понятие по отношению к более общему понятию, обозначаемому препозитивным существительным. Ср. такие отношения в следующих словосочетаниях: *журнал* (т.е. любой журнал) – *«Огонек»* (конкретный журнал), *кофе* (любая разновидность данного напитка) – *мокко* (одна конкретная разновидность), *язык* (любой язык) – *хинди* (конкретный язык), *народ* (любой народ) – *коми* (один конкретный народ). Другой характер имеют постпозитивные компоненты в словосочетаниях *литература коми* или *проза хинди*, где указанного отношения общее – частное нет, и, следовательно, постпозитивный компонент можно считать неизменяемым прилагательным так же как и в тех случаях, когда зависимый компонент стоит в препозиции (*коми литература*, *хинди проза*). Подобные сомнения в правомерности считать несклоняемые постпозитивные слова прилагательными даже в таких сочетаниях как *цвет беж* и *цвет бордо* выражает и А. Бранднер [Бранднер 2001: 112–113].

Несклоняемые определения указанного типа в русском языке **чаще всего стоят за определяемыми ими существительными** (*стиль модерн*, *цвет хаки*, *туфли беж*, *платье бордо*, *кофе мокко*, *часы пик*, *язык хинди*, *литература коми*), в препозиции встречаются гораздо реже (*хинди язык*, *коми литература*). Неизменяемые атрибутивные слова, приводимые в качестве примеров, взяты из книги «Русская грамматика I» (1980), что свидетельствует, по крайней мере, о том, что они не являются заимствованиями последних трех десятилетий. Кроме того, среди них преобладают слова, заимствованные из романских языков, **чаще всего из французского**. Этот факт подтверждает, что влияние английского языка в тот период развития русского (и чешского) языка, когда эти слова были заимствованы, было не столь значительным, как в наше время. В постпозиции несклоняемого слова с атрибутивным значением явно сказывается влияние французского порядка слов, в котором согласованные определения, за немногочисленными исключениями, стоят как раз в постпозиции. Употребление постпозитивной неизменяемой формы характерно, прежде всего, для специальной области и книжной речи. В разговорной речи вместо нее часто употребляются склоняемые прилагательные, которые

от них в русской языковой среде образованы. Ср. такие пары как *пальто демисезон* – *демисезонное пальто*, *рубашка пике* – *пикейная рубашка*, *туфли беж* – *бежевые туфли*, *платье бордо* – *бордовое платье*, *белье трико* – *трикотажное белье*; далее: *гротеск* – *гротескный*, *модерн* – *модерный*, *минор* – *минорный*, *мажор* – *мажорный*, *а-моль* – *а-мольный*, ср. с чешскими парами *fajn* – *fajnový*, *běž* – *běžový*, *pepito* – *pepitový*, *blond* – *blondatý*, *lila* – *lilový*, *fér* – *férový*, ...).

В последнее время в русском языке появляется большое количество неизменяемых определений, которые, однако, в отличие от прежних заимствований, стоят в препозиции. Этому процессу содействует ряд причин: широкое развитие торговых отношений и связанное с ним развитие рекламы и банковских услуг разного характера, бурное развитие вычислительной техники и другой электроники, а также преобладающая ориентация на англоязычный мир.

С влиянием иностранных языков на языковую систему любого языка встречаемся на протяжении всего его развития. Славянские языки, конечно, не представляют исключения. В разные исторические периоды пополняется словарный запас и русского, и чешского языков за счет заимствований из греческого, латинского, старославянского, немецкого, французского, английского и других европейских и неевропейских языков. Мало того, иностранные языки оказывают влияние и на развитие грамматической системы, хотя этот процесс происходит не столь легко, как пополнение словаря. Если же в настоящее время можно говорить о стремлении к аналитизму и, в частности, о массовом появлении в русском и чешском языках несогласованного препозитивного определения (см. примеры в начале статьи), то можно констатировать, что мы являемся свидетелями такого процесса. О том, что в **последние годы встречаемся с принципиально новым явлением**, свидетельствует и тот факт, что те неизменяемые прилагательные, которые заимствованы до 1980 г. (а некоторые еще в 18 и 19 вв.), **были уже заимствованы как прилагательные** (и в исходных языках чаще всего и являются прилагательными), и если некоторые из них выступают и как существительные, то субстантивную функцию у них чаще всего можно считать вторичной. Ср. русские слова, приведенные выше, или чешские слова, как *ažur*, *běž*, *blond*, *bordó*, *fajn fér*, *gala*, *glazé*, *kaput*, *khaki*, *lila*, *pepito*, *prima* и др. Очевидно также, что таких слов в чешском языке гораздо меньше, чем в русском. В отличие от этого, в отношении неизменяемых препозитивных определений, которые попадают в русский и чешский языки в последнее время, по нашим предварительным подсчетам, чешский язык никак русскому не уступает, хотя последовательная квантификация – это пока только дело будущего. В отличие от прежних заимствований ядро тех определений, которые попали в русский и чешский языки в последнее время или были образованы по английскому образцу уже в русской, или чешской языковой среде, представляют **слова субстантивного характера**, и функция определения у них является вторичной (см. [Кеснер 2008]), следовательно

но, с точки зрения принадлежности этих слов к частям речи это процесс противоположный.

Появление многочисленной группы неизменяемых определений в русском и чешском языках считается составной частью процесса развития языка, одним из основных направлений которого является **стремление к аналитизму**. Оно объясняется тенденцией к краткости выражения и экономии языковых средств. Несмотря на это, далеко не во всех случаях можно считать употребление таких определений целесообразным (см. [Кеснер 2007, 2008, Kesner 2009]).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BRANDNER, A. (2002): Místo nesklonných adjektiv v mluvnickém systému současné ruštiny a češtiny. In: *Problematika výběru učiva pro vyučování ruštině v české škole, otázky jeho prezentace a nácviku v učebnicích (učebních pomůckách) a při vlastním vyučovacím procesu*. Sborník katedry slavistiky. Hradec Králové: UHK, Pdf, Gaudeamus, s. 57–65.
- KESNER, J. (2009): Spojení s prepozitivním substantivním přívlastkem cizího původu v češtině ve srovnání s ruštinou. In: *Dialog kultur V. Sborník referátů z mezinárodní konference konané v roce 50. výročí vysokoškolského učitelského vzdělávání v Hradci Králové*. Ústí n. Orlicí: Oftis, s. 104–111.
- ŠMILAUER, V. (1971): *Novočeské tvoření slov*. Praha: SPN 1971.
- БРАНДНЕР, А. (2001): Неизменяемые прилагательные иноязычного происхождения в современном русском языке. In: *Sborník prací FF Brněnské univerzity*. Roč. L, řada jazykovědná (A), č. 49. Brno: Masarykova univerzita, s. 107–118.
- Грамматика современного русского литературного языка*. (1970) М.: Наука.
- КЕСНЕР, Й. (2007): Препозитивное субстантивное определение в чешском и русском языках. In: *Dialog kultur IV. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference pořádané ve spolupráci se Slavistickou společností Franka Wollmana při FF MU v Brně a Českou asociací rusistů*. Hradec Králové 23. – 24. 1. 2007. Hradec Králové: UHK, Pdf, Katedra slavistiky. OFTIS, Ústí n. Orlicí, s. 145–149.
- КЕСНЕР, Й. (2008): Еще раз к препозитивному субстантивному определению в русском языке. In: *Rossica Olomucensia XLVI-II. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů 30.08. – 01.09. 2007*. Olomouc: Univerzita Palackého, s. 69–74.
- ПАНОВ, М. В. (ред.) (1968): Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. In: *Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование*. М.: Наука.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (1980): *Русская грамматика. Том I*. М.: Наука.

ЯНА КОЗИЛКОВА

Чехия, Брно

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УНИВЕРСИТЕТЕ ОБОРОНЫ

ABSTRACT:

The article deals with requirements for the language level of bachelor study program graduates from the University of Defence, namely in the second foreign language, specifically in Russian. The orientation and form of the examination according to the NATO – STANAG 6001 norm – SLP 1111 are analyzed in detail. Some problems relating to the preparation of beginners are mentioned as well. The examination is also compared with levels of the Common European **Framework** of Reference and other scales of language level evaluation.

KEY WORDS:

Teaching Russian in bachelor study programs – STANAG 6001 examination – requirements for SLP 1111 – language skills – CEFR.

В Университете обороны обучение двум иностранным языкам является обязательным. Основным требованием, приведенным в профиле выпускника, является достижение коммуникативной компетенции на обязательном английском языке. Вторым языком может стать французский, немецкий или русский язык. Что касается русского языка, внимание уделяется, в зависимости от вступительного уровня, как языку повседневного, так профессионального общения. Последнему, однако, обучаются только студенты, которые изучали русский язык в основной и/или в средней школе. Из-за недостаточного количества часов для обучения второму иностранному языку, переход с начального уровня на продвинутый уровень невозможен. В чешской армии с середины 90-х годов, также как и в других странах НАТО, проводятся экзамены по норме НАТО – STANAG 6001 (STANdardization AGreement). Данные экзамены являются обязательными для студентов Университета обороны в городе Брно. Уровень языковой компетенции выражается кодом, состоящим из четырех цифр, которые обозначают отдельные виды речевой деятельности в следующей последовательности: аудирование, говорение, чтение и письмо. Перед цифрами приводится сокращение SLP (Standardized Language Profile). Различаются уров-

ни с 0 до 5, с начального уровня до уровня носителя языка. Так же как в «Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка» («Компетенции»), и в норме STANAG 6001 определяется, какие знания и умения должен иметь учащийся в чтении, восприятии на слух, в письменной и устной речи на отдельных уровнях. Однако, сравнивая описания уровней владения языком по STANAG 6001 и по «Компетенциям» и таблицам самооценки знаний и умений «Европейского языкового портфеля», можно заметить, что норма STANAG 6001 дает только основную характеристику по аудированию, говорению, чтению и письму. «Компетенции» различают следующие аспекты: понимание (аудирование, чтение), говорение (диалог, монолог), письмо. На сдачу названных экзаменов направлена вузовская подготовка по иностранным языкам, в том числе и по русскому.

В нашей статье мы обратим внимание на изучение русского языка у начинающих по бакалаврской учебной программе и коснемся некоторых актуальных вопросов, связанных с обучением. Из общего числа изучающих русский язык в Университете обороны как раз 75,3 % относятся к начинающим. В настоящее время объем обучения русскому языку на Факультете экономики и менеджмента составляет 2 академических часа в неделю (90 минут), 30 часов в семестр, всего 120 часов с 3 по 6 семестр. На Факультете военных технологий обязательное изучение русского языка начнется в этом академическом году в 6 семестре в объеме всего лишь 60 академических часов. На Факультете военного здравоохранения второй язык преподают только факультативно. Это – первая проблема. Возможно ли в рамках настолько малого количества часов выполнить требование министерства обороны, т.е. достичь уровня SLP 1111 по норме НАТО у выпускников бакалаврской программы? При этом продолжительность интенсивных курсов для достижения SLP 1111 в ведомстве составляет 4 месяца (400 уроков). Одним из способов решения проблемы недостатка количества часов является участие в факультативных занятиях, на которых студентам предлагаются разнообразные упражнения для закрепления грамматики, словарного запаса, но основная часть занятий посвящена прежде всего речевым умениям – аудированию и говорению.

Мы сравнивали дескрипторы, характеризующие STANAG 6001 SLP 1111, с требованиями к отдельным уровням по «Компетенциям» и со шкалами, применяемыми в ALTE или для тестирования PKI. SLP 1111 (Level 1 – Survival) предполагает общение на элементарном уровне, значит, он соотносится скорее с уровнем A2, с уровнем Waystage, с предпороговым (базовым) уровнем. (Определение границ между отдельными уровнями является в некоторой степени субъективным.)

Прежде чем привести некоторые применяемые формы и методы обучения, помогающие нам достичь требуемого уровня, несмотря на недостаток количества часов, поговорим подробнее о содержании экзамена STANAG 6001 SLP 1111. Данный экзамен является экзаменом типа «proficiency», т.е. экзаменом способности, проверяющим уровень коммуникации на иностранном языке. Письменный тест состоит из трех частей. Аудирование (отведенное время 35

минут, количество предъявлений – 2) включает 30 коротких текстов, диалогов или монологов, к которым задается вопрос и есть возможность выбора одного из 4 вариантов. Тексты проверяют полное понимание содержания или умение извлечь основную информацию из текста. Чтение (отведенное время 35 минут), тест (опять имеет форму multiple choice, выбор одного варианта ответа из четырех) состоит из 25 текстов (короткие сообщения, надписи, объявления и т.п.) и проверяет понимание основного содержания или некоторых деталей. Письмо (отведенное время 20 минут) содержит 2 задания, напр., приглашение, записка, заполнение бланка или поздравительной открытки. Проверяется способность построения простых предложений. Устная часть длится 15 минут и состоит из 3 частей. В первой экзаменуемый рассказывает о себе и своей семье. Он отвечает также на вопросы двух экзаменаторов. Затем следует role play, т.е. диалог с экзаменатором, касающийся основных речевых ситуаций. Целью последней части так наз. IGT (information gathering task) является получение на основе вопросов информации по определенной теме от одного из экзаменаторов и передача/пересказ полученных сведений второму.

К темам, выносимым на экзамен по данному уровню, относятся: основные фразы речевого этикета; основные анкетно-биографические данные – семья, друзья; профессия, рабочее место; жилье – дом, квартира; свободное время – спорт, увлечения, хобби; питание, ресторан – заказы, привычки; путешествие – отпуск, каникулы, средства транспорта; услуги – получение информации, разговоры по телефону, размещение в гостинице, покупки; погода, время, времена года; общество – приглашение, бронирование, извинение; здоровье – прием у врача, больница. (Заметно, что данные темы почти сходны с «Компетенциями».) Студенты постепенно знакомятся со словарным запасом к названным темам, причем мы пользуемся учебниками «Радуга», «Радуга по-новому» и «Ruština nejen pro samouky». В рамках отдельных уроков проходим, разумеется, также грамматику. Большую проблему при изучении русского языка на начальном этапе представляют интерференционные явления. Многие студенты избирают русский язык из-за сходства с чешским и они часто необдуманно переносят чешские формы и способы выражения в русский язык. «Говорят по-чешски с русским произношением.» На занятиях приходится уделять внимание интерференционным ошибкам, на начальном этапе прежде всего графическим и орфографическим, а также грамматическим и лексическим. По возможности, в связи с отдельными темами и их разработкой в учебниках, мы стремимся показать студентам хотя бы основные социокультурные различия. Начиная со второго семестра учебы, мы изучаем на обязательных или факультативных занятиях названные темы в совокупности. Это устные высказывания по избранной теме, напр., монологи «Наша семья», «Моя комната», «Подарки под Рождество», но чаще всего составной частью каждого занятия являются короткие диалоги (role play) или полилоги (подготовка для IGT) «Мой отпуск», «У врача», «В ресторане» и т.п., целью которых является закрепление ключевой лексики и изученных оборотов. Внимание уделяется всем видам речевой деятельности. Мы подготовили для студентов материалы по названным темам

(лексические минимумы и тренировочные упражнения), постепенно данные материалы появляются также в учебном Интранете нашего университета. Это дает возможность студентам заниматься дома, в рамках самостоятельной работы. Упражнения разработаны в программе «Барборка». Кроме того, студентам рекомендуются сайты Рунета. (Вообще в процессе преподавания русского языка мы стараемся применять информационно-коммуникационные технологии, которые близки молодому поколению.)

С целью подготовки студентов к усвоению формата сертификационного теста STANAG 6001 SLP1111 разработаны частные и зачетные контрольные тесты в соответствии с приведенным выше форматом. Они созданы совместно с преподавателями русского языка нашего университетского языкового центра. Тесты проверяют отдельные виды речевой деятельности. Хотя приоритетной является проверка способности успешного общения на русском языке в различных ситуациях, тесты содержат, в отличие от сертификационного формата, и раздел, предназначенный для проверки знаний языковой системы – грамматики и лексики.

Из вышесказанного следует, что в течение вузовской подготовки студентов Университета обороны к экзамену STANAG 6001 мы сталкиваемся с разными проблемами, которые стремимся решить при помощи различных методов и форм обучения (прямых, наглядных, альтернативных, коммуникативно-деятельностных, использующих ICT). Кроме того, мы стараемся познакомить студентов со стратегиями осуществления речевой деятельности и с особенностями обучения аудированию, говорению, чтению и письму. Это способствует тому, что большинство студентов в состоянии выполнить требования министерства обороны, т.е. сдать успешно экзамен STANAG 6001 SLP 1111.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BARNET, V., KLIKAROVÁ, Z., TURKOVÁ, N., VACKOVÁ, J., ZOLOTOVA, G. (2003): *Ruština pro pokročilé*. Praha: Nakl. LEDA.
<http://www.csu.ru/files/fdo/Европейская%20система%20уровней%20для%20сайта.doc> <http://www.msmt.cz/mezinárodní-vztahy/společný-evropský-referenční-rámec-pro-jazyky>
<http://www.pushkin.edu.ru/index.php?m=030201a> Государственный институт русского языка А.С.Пушкина
<http://www.ujp-acr.cz>
 JELÍNEK, S., FOLPRECHTOVÁ, J., HŘÍBKOVÁ, R., ŽOFKOVÁ, H. (1996, 1997): *Raduga 1, 2*. Ruština pro střední a jazykové školy. Plzeň: FRAUS.
 JELÍNEK, S., HŘÍBKOVÁ, R., ALEXEJOVA, L.F., ŽOFKOVÁ, H. (2007): *Raduga по-новому 1, 2, 3*. Plzeň: FRAUS.
 KOZÍLKOVÁ, J. (2007): Модульная система обучения русскому языку в Университете обороны. In: *XI Конгресс МАПРЯЛ, Мир русского слова и русское слово в мире*. Т. 6(1).Sofia, 313–317.
 KOZÍLKOVÁ, J. (2007): Společný evropský referenční rámec a jeho realizace na Univerzitě obrany. In: *Sborník prací z mezinárodní konference Kompetence v cizích jazycích jako důležitá součást profilu absolventa vysoké školy*. UO Brno, s. 162–170.
 КОРЧАГИНА, Е. Л., САМУЙЛОВА, Н. И., СТЕПАНОВА, Е. М.: (отв. ред.) (2004): *Русский язык: цель и результат: Тестовый практикум: Пороговый уровень*. Изд. Русский путь.

Иржи КОРОСТЕНСКИ

Чехия, Ческе Будеевице

СОЧЕТАЕМОСТЬ АДЪЕКТИВНЫХ АНТОНИМОВ И КОГНИТИВИЗМ (чешско-русское сопоставление)

ABSTRACT:

The problem of understanding spatial relations in the language and thinking has always ranked among as well as complicated problems in linguistics. The connectivity of adjectives of space with nouns of object is organized in antonymic relations. The regularity of usage has much in common with the cognitive approach to the linguistic image of the world. The author proves the regularity of collocations of the typologic type “stisk” with the adjectives of space within one language and he does it on base of his own analysis. Czech-Russian comparison also reflects just a minimum of variations.

KEY WORDS:

Spatial relations – adjectives of space – connectivity – anonymity – cognitive approach – linguistic image of the world – nouns of subject – prototypes – regularity – collocations.

Основу отношений в области параметров составляют на уровне лексики прежде всего прилагательные размера, организованные в антонимические комплексы. Анализ сочетаемости избранных прилагательных с предметными существительными важен с нашей точки зрения и потому, что основные понятия пространства принадлежат согласно мнению лингвистов к тем немногим буквально воспринимаемым понятиям, посредством которых мы воспринимаем окружающий мир [Běličová-Křížková 1978: 128; Lakoff, Johnson 2002: 48]. Такими первичными квантификаторами пространства являются местоименные наречия, напр. **kde, kam, odkud, nahore, dole** и т.п. Конкретный языковой материал осложняется разными влияниями, причем их сила и интенсивность меняется в зависимости от включения словосочетаний в определенный контекст.

Материал, демонстрирующий разные типы словосочетаний прилагательных размера с предметными существительными разных **топологических типов**, собран из разных источников. В нашей статье анализировался материал

публицистических текстов, подкрепленный ответами информантов. Осуществлялись и выборки из чешских и русских толковых, идеографических словарей [Haller 1969, 1974, 1977; Баранов, О. С. 2006] и словарей сочетаемости [Денисов 2005]. Лишь небольшая доля использованного материала приходится на источники Интернета поисковых систем Yandex, Google и Rambler.

Прилагательные размера *глубокий* х *мелкий*, *высокий* х *низкий*, *широкий* х *узкий*, *большой* х *маленький*, *длинный* х *короткий* вместе с прилагательными 'расстояния', напр., *далекый (отдаленный)* х *близкий* были пополнены в результате проверки семантики средним членом антонимичной цепи, которая в русском языке выражена с помощью отрицательной частицы **не**. В данном случае говорим о прилагательных отрицания (*неглубокий*, *немелкий*, *невысокий*, *ненизкий*, *неширокий*, *неузкий*, *небольшой*, *немаленький*, *недлинный*, *некороткий* *недалекый*, *неблизкий*).

Топологические типы и описание пространства

Если оставить в стороне научное или мифологическое понимание пространства, то наиболее разрабатываемой моделью пространства является «стандартно-бытовое» пространство, описанное в произведениях В. Н. Топорова [1983].

Процесс вербализации регулируется общепризнанными конструктивными факторами. К ним принадлежат, как правило: визуальная перцепция пространства, его заполненность разными предметными объектами с разной пространственной ориентацией [Ильин, Игнатова 1992: 42], функциональными отношениями, которые взятые вместе создают языковую картину предметных объектов разного рода. Имеются в виду такие параметры, как размер, степень подвижности, способность выступать опорой [Кобозева 1997б]. Поэтому форма, размер и цвет предметного объекта являются главными параметрами, выявление которых вместе с описанием их функционального заряда создает в конечном итоге любое пространство.

Сам характер языка предполагает в ходе вербализации «упрощение» формальной структуры предметных объектов. Понятие (пожалуй, лучше концепт?), связанное с конкретными названиями предметных объектов, отличается определенным набором черт, комплексный характер которых отражается в их схематизации. Последняя, в свою очередь, связана с двумя отличающимися друг от друга механизмами упрощения: **идеализацией** и **абстракцией**. В процессе идеализации выделяются и подчеркиваются у конкретных представителей определенного типа объектов признаки, совокупность которых создает **схему**, в то время как абстракция «отбрасывает» и исключает ненужное с точки зрения создания схемы [Кобозева 2000: 2].

Как уже неоднократно упоминалось в литературе когнитивного направления, форма предметного объекта является лишь частью **фрейма / концепта** [Алефиренко 2006: 110], который представлен на вербальном уровне словом. 'Форма' также отличается от 'топологического типа' объекта, примерами которого могут быть, напр., 'вместилище', 'стержень', 'пластина', 'веревка' и т.п. [Кобозева 2000: 3].

Последний, как скрытая категория во многих языках, проявляется в ограничениях на употребление с именами объектов данного типа пространственных предлогов или прилагательных размера [Рахилина 1995: 59 сл.]. Интересен и тот факт, что топологический тип не полностью детерминирован формой объекта, хотя из формы предметного объекта в ходе процесса абстракции отбираются существенные для создания определенного топологического типа характеристики, напр., 'протяженность', 'округленность', 'плоскость' и т.п. Но эти два понятия нельзя смешивать. Так, напр., протяженные предметы могут быть и двухмерными (*полоса, штанина*), и трехмерными (*труба, вышка*), *поле* воспринимают и как 'пластину' (*Как выращивают газон на футбольном поле?*), и как 'вместилище' (*работать в поле; возвращаться из поля*).

В нашей статье мы будем рассматривать концепт формы в семасиологическом аспекте: от знака к концепту. Через форму данный объект относится к определенному топологическому типу (концепту): 'стержень', 'отверстие' и др., причем на сопоставляемом чешско-русском материале подвергаются исследованию сходства и различия эквивалентных прилагательных и существительных в предположительно одинаковых топологических типах концептов.

Прототипический 'стержень'

Если детально анализировать отобранный материал с учетом функционирования топологического типа, то можно прийти к следующим выводам квантификации. Весь материал можно разделить на две основные группы: **прототипические** и **непрототипические** предметные объекты. В группу прототипических названий предметных имен следует отнести: *игла* – *jehla*, *карандаш* – *tužka*, *копье* – *korí*, *кол* – *kůl*, *палка* – *hůl*, *стержень* – *tyč*, *столб* – *sloup*, *шариковая ручка* – *kuličkové pero*, *шест* – *bidlo*. Они обладают довольно однородными геометрическими характеристиками и вместе с канонической ориентацией и некоторыми когнитивными характеристиками исследуемого объекта практически полностью предопределяют сочетаемость с прилагательными размера. В зависимости от вертикально-горизонтальной ориентации меняется в данной группе лишь сочетаемость тех прилагательных, которые имеют характеристику конкретного топологического типа: *большой* – *velký*, *маленький/малый* – *malý*, *длинный* – *dlouhý*, *короткий* – *krátký*, *высокий* – *vysoký*, *низкий* – *nízký*, *глубокий* – *hluboký*, *мелкий* – *mělký*, *толстый/сильный* – *tlustý/silný*, *тонкий/слабый* – *tenký/slabý*, ср. напр., *длинный карандаш*, но не **глубокий карандаш*.

В целом прототипический стержень в чешском ('*tyč*', '*tyčinka*') и русском языках ('стержень', 'палка') отличается довольно однородной характеристикой размеров, что не проявляется и на межязыковом уровне незначительными отличиями в сочетаниях существительных данного топологического типа с прилагательными размера.

Непрототипический 'стержень'

Словосочетания в рамках топологического типа 'стержень' *длинный/dlouhý* x *короткий/krátký* типичны почти для всех исследуемых предметных существительных: *dlouhé/длинные* x *krátké/короткие* *hrábě/грабли*, *lopata/ло-*

пата, меџ/меч, puška/винтовка, činka/штанга, lžíce/ложка, smeták/щетка. Исключением являются или случаи с жесткой канонической ориентацией, или с ограниченной вариантностью указанного размера. Такой «дефектностью» среди исследуемых существительных отличается в чешском лишь *smeták* → *dlouhý smeták* / *длинная щетка*. Дальнейшее укорочение «длины» в данном случае изменило бы качество инструмента и возник бы функционально другой инструмент *smetáček/щеточка*. С ним работают лишь на корточках и подметают сор в совок. В нашей группе непрототипических «стержней» не встречаются случаи жесткой вертикальной ориентации, тем не менее наряду с горизонтальным размером можно найти специальные контексты, в которых употребление вертикального размера допустимо, ср., напр.: *Můj skoronevěřící tatínek se obrátil, když viděl kněze, který nenechal babky čistit okna chrámu s vysokými košťaty samotné, to se k němu připojil a bylo ...*; ***vysoký smeták*** s lopatkou. Ясно, что употребление словосочетаний с лексемой **высокий** связано, как правило, с переносными значениями (употреблениями) данных предметов. Нестабильность (окказиональность) подобных словосочетаний подчеркивается также отсутствием словосочетаний с антонимичной парой *nízký/низкий*.

В представленном нами наборе непрототипических предметных объектов, такие существительные, как *винтовка* – *puška*, *меч* – *meč*, *грабли* – *hrábě*, *штанга* – *činka*, *ложка* – *lžíce*, *лопата* – *lopata*, *щетка* – *kartáč*, *веник* – *koště* / *smeták*, *копье* – *kopí/oštěp* антонимическая пара *длинный/dlouhý* – *короткий/krátký* образует со всеми перечисленными существительными стабильные словосочетания. В исследуемом корпусе предметных объектов не находятся названия, обозначающие вертикальную каноническую ориентацию предметов, поэтому можно наблюдать довольно разнородную сочетаемость с антонимической парой *высокий* x *низкий* (*невысокий*) и *глубокий* x *мелкий*. Сочетаемость с указанными прилагательными сильно ограничена. В корпусе русских существительных словосочетания с прилагательными встречаются не в роли прямого измерения предметных существительных, а исключительно во вторичных и переносных значениях: ***Высокая*** *штанга* *позволяет выполнять упражнения тренирующемуся любого роста* (находящийся на большой высоте предметный объект); *ложка* *столовая* ***глубокая*** *состоит из 3-х частей: черпало, держало и соединяющаяся перемычка* (вертикальное измерение черпала). *Площадку под газон прополоть, выровнять, еще раз пройти* ***мелкими*** *граблями* (с густыми зубьями).

Чешские прилагательные размера вертикальной канонической ориентации сочетаются с существительными *копье/kopí/oštěp* (... *stojí vysoký masajský pas- tevec na jedné noze, druhou má pokrčenou v koleně jako čáp, opírá se o vysoké kopí a dívá se zamyšleně k obzoru ...*; *koště* (*zdatně jím sekundovalo 2, 9 m vysoké koště White widow, jejíž květ, ty kytky jsi měl zastříhnout, takhle z toho vyrostou vysoký smetáky* ... Прилагательные размера *широкий/široký* x *узкий/úzký*; *толстый/tlustý/silný* x *тонкий/tenký/slabý* в сочетаниях с указанной группой непрототипических стержней, без твердой канонической ориента-

ции, встречаются в регулярных словосочетаниях, причем параллелизм прилагательных *толстый/tlustý* и *широкий/široký*, *тонкий/tenký* и *узкий/úzký* в рамках одного и того же предметного объекта обозначают разные его части и придают ему особую форму. Напр., *широкое копьё* х *толстое копьё*, где первое словосочетание с прилагательным *широкий/široký* х *узкий/úzký* обозначает плоскую или многогранную колющую/секущую рабочую часть оружия и второе словосочетание с прилагательным *толстое/тонкое* обозначает древковую часть с округленной формой. Практически полный параллелизм можно наблюдать в чешских словосочетаниях, напр. ... *dlouhé a široké kopí používali Keltové, úzké kopí s protipancéřovým hrotem, ... V onom turnaji tlustým kopím i silným, ... Ti bojovníci s tenkým kopím se netváří moc přátelsky*. Синонимами здесь выступают *tlustý/silný* х *tenký/slabý*, но в их случае форма уже не определяется. Тем не менее видоизмененный род *копья*, в чешском *oštěp*, следует отнести к прототипическому ‚стержню‘. Вариантов с лексемами *tlustý/široký* х *tenký/úzký* не наблюдается, ср. напр. *muži opření o tenké dlouhé oštěpy*, так как прототипический стержень обладает однородной внутренне нечленимой формой.

Если в существительном, относящемся к топологическому типу ‚стержень‘ можно выделить функционально значимую рабочую часть, то прилагательное размера *широкий* выделяет именно ее на фоне однозначных в данном случае лексем *длинный* х *короткий*. Так в словосочетании *широкое копьё* обозначает именно размер колющей части, которая является ‚рабочей‘ по отношению к ‚служебной‘ части древка. Но с функциональной точки зрения самой широкой не всегда бывает чисто геометрическая ширина. Так, напр., под словосочетанием *широкий меч* понимается клинок, то есть та часть, которая является колющей и секущей, а не действительно самая широкая часть – *гарда*, которая создает защиту рук. Она и является с чисто геометрической точки зрения доминантой, но в языковой картине топологического типа размером «не обладает». Соответственно словосочетание *толстый меч* обозначает своеобразно округленную форму его клинка, который типичен для японского самурайского меча.

Частные выводы

На основе представленного чешско-русского материала можно утверждать, что понятийная структура прототипического ‚стержня‘ с точки зрения чешско-русского сопоставления во многом сходится, о чем свидетельствуют многочисленные совпадения словосочетаний чешских и русских прилагательных с существительными топологического типа ‚стержень‘, именно в сфере конституирующих данный топологический тип, ср., напр.: *длинный* х *недлинный* х *короткий*; *высокий* х *невысокий* х *низкий*; *толстый* х *нетолстый* х *тонкий*; *широкий* х *неширокий* х *узкий*.

Употребление всех остальных существительных, называющих стержни, в словосочетаниях с прилагательными носит с точки зрения топологического типа ‚стержень‘ лишь дополнительный характер. Отличия наблюдаются в сопоставлениях словосочетаний существительных, называющих прототипиче-

ские и непрототипические стержни, с прилагательными размера. Больше возможностей употребления данных прилагательных представляют переносные значения, что не входило в объект исследования в нашей статье.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BĚLIČOVÁ-KŘÍŽKOVÁ, H. (1978): K systému prostorových vztahů vztahů v současných slovanských jazycích. *Slavia*, 47, č.2, s. 122–144.
- HALLER, J. (1969, 1974, 1977): *Český slovník věcný a synonymický*. 1969 d. I, 1974 d. II, 1977 d. III.
- LAKOFF, G. – JOHNSON, M. (2002): *Metaforý, kterými žijeme*. Brno.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. (2006): *Язык, познание и культура. Когнитивно-семиологическая синергетика слова*. Волгоград.
- БАРАНОВ, О. С. (2006): *Идеографический словарь русского языка*. М.
- ДЕНИСОВ, П. Н. (2005): *Словарь сочетаемости слов русского языка*. М.
- ИЛЬИН, Г.М. – ИГНАТОВА, В.Н. (1992): Система «РИСУНОК ↔ ТЕКСТ». In: *Программные продукты и системы*. № 2, с. 12–14.
- КОБОЗЕВА, И. М. (19976): Представление знаний о физических объектах для систем типа «Рисунок ↔ Текст». In: *Категоризация мира: пространство и время. Материалы конференции*. Москва: МГУ., с. 117–123.
- КОБОЗЕВА, И. М. (2000): Грамматика описания пространства. In: *Языки пространств. Логический анализ языка*. М.
- РАХИЛИНА, Е. В. (1995): Семантика размера. In: *Семиотика и информатика*. Вып. 34. М., с. 58–81.
- ТОПОРОВ, В. Н. (1983): Пространство и текст. // *Текст: семантика и структура*. М.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА КОСТИНА – ДАРЬЯ КОСТИНА

Россия, Белгород

РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

ABSTRACT:

The article deals with the problem of realization of culturological potential of idioms in the process of teaching students a foreign language. The authors describe methods and techniques which extend the students' conceptions of sociocultural context in which the target language is used by native speakers. All of this allows the learner to interpret intercultural differences and adequately act in situations of intercultural communication.

KEY WORDS:

Idiom – culture – linguocultural communities – intercultural differences – sociocultural context – intercultural communication.

В настоящее время актуальным является осознание национальной специфики страны и осознание языка как феномена культуры, как культурно-исторической среды, воплощающей в себе историю, культуру, обычаи народа, что способствует более глубокому пониманию истинной природы культурного смысла, закрепленного за определенным языковым знаком. Несомненен тот факт, что знакомясь с иностранным языком, изучая его, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, приобщается к духовному богатству, хранимому языком.

Фразеология, как неотъемлемая часть и своеобразная сокровищница любого языка мира, может в значительной степени способствовать этому приобщению «именно в силу своей явной культурности, национальной и стилистической окрашенности» [Тер-Минасова 2004: 101].

Поскольку для фразеологических единиц характерна «образная мотивированность, которая напрямую связана с мировидением народа-носителя языка» [Телия 1996: 215], они открывают широкие возможности для формирования культурологической компетенции обучаемых.

Анализ научно-методической литературы показал, что до настоящего времени вопрос о возможности использования фразеологизмов в качестве материала для формирования данной компетенции недостаточно исследован, а в современных учебниках и учебных пособиях фразеологизмы недостаточно представлены. Необходим такой отбор материала, который углубляет представление обучающихся о вариативности языка в условиях его функционирования в инокультурных общностях.

Культурологическая ценность фразеологизмов складывается из трех составляющих. Во-первых, фразеологизмы отражают национальную культуру расчлененно, единицами своего состава. Некоторые из таких слов принадлежат к числу безэквивалентных. Во-вторых, фразеологизмы отражают национальную культуру нерасчлененно, комплексно, всеми своими элементами, взятыми вместе, то есть своими фразеологическими значениями. Наконец, в-третьих, фразеологизмы отражают национальную культуру своими прототипами, поскольку они описывают определенные обычаи, традиции, особенности быта и культуры, исторические события и многое другое.

В то же время иногда трудно отгадать, какому народу принадлежит то или иное выражение, однако некоторые фразеологизмы выдают народ, их создавший. А если во фразеологизм включается имя собственное, народ – создатель угадывается сразу. Например, семантически эквивалентными являются выражения «*to carry coals to Newcastle*» – *ездить в Тулу со своим самоваром* или «*when Queen Anne was alive*» – *при царе Горохе*. Понятно, что образные средства не совпадают потому, что не совпадают быт, история, культура, психология народов и т.п.

Незнание фразеологизмов может привести к непониманию между собеседниками, принадлежащими к разным лингвокультурным общностям. К примеру, для англичанина абсолютно понятны такие высказывания, как: *Jack of all trades* (мастер на все руки), *the Emerald Isle* (букв. «Изумрудный остров», Ирландия). Для представителя другой культуры эти выражения могут быть непонятны, даже если ему известны значения отдельных слов в этих словосочетаниях.

Определенную трудность вызывает группа фразеологизмов, содержащая прецедентные имена, например, фамилии: *according to Cocker* букв. «как по Коккеру»; ‘правильно’, ‘точно’, ‘по всем правилам’ (Э. Коккер, 1631–1675, автор английского учебника арифметики, широко распространенного в XVII в.); имена: *Jack Ketch* «палач» (по имени английского палача XVII в.); *a Joe Miller* ‘плоская острога’, ‘старая шутка’, ‘избитый анекдот’ (по имени актера Джозефа Миллера, 1684–1738, издавшего первый в Англии сборник шуток); *a Sally Lunn* «сладкая булочка» (по имени женщины-кондитера конца XVIII в.) и др.

Существуют различные варианты работы с фразеологизмами. Одни задания могут быть связаны с использованием фразеологизмов в качестве стимула для активизации речи студентов. Например, назовите основную черту человека, о котором говорят: *He will never set the Thames on fire*; охарактеризуйте человека, о котором можно сказать: *He that is afraid of wounds must not come near*

a battle. Другие ставят целью использование познавательной ценности фразеологизмов, извлечение из них культурологических и страноведческих сведений. В другом случае, студентам предлагается, используя фразеологические словари, определить и объяснить происхождение фразеологических единиц: *a bull in a china shop; do not put new wine into old bottles* и др.

Преимущества использования фразеологизмов для формирования произносительных и ритмико-интонационных навыков состоит в том, что, во-первых, они представляют собой образец оригинального британского фольклора и достаточно легко усваиваются студентами, а во-вторых – позволяют эффективно решать сутобо лингвистические задачи по усвоению правильного произношения за счет тех способов и средств запоминания, которые успешно использовались народом на протяжении столетий в условиях отсутствия письменности. Речь, прежде всего, идет о таких приемах запоминания, как многочисленные лексические повторы, использование рифмы, а также ритмическое оформление. Достаточно вспомнить такие известные всем пословицы, как *Nothing seek, nothing find* (Под лежащий камень вода не течет), *Neither fish, nor flesh* (Нужда ни рыба ни мясо), *No gain without pain* (Без труда не вытащишь и рыбку из пруда) и др.

Фразеологизмы также являются прекрасным иллюстративным материалом при объяснении и актуализации многих грамматических явлений. Повелительное наклонение выполняет в общении побудительную функцию и с его помощью можно выразить просьбу, совет, предложение, запрещение и предостережение, которое часто вербализуется фразеологизмами. Например: *Don't burn your bridges behind you; First think, then speak* и др.

Необходимо ответить, что использование фразеологизмов весьма эффективно для формирования лексических навыков обучаемых, хотя и требуют большой предварительной работы по их отбору, семантизации, организации адекватного восприятия в различных ситуациях, экстралингвистических и языковых контекстах. По мнению А. Н. Щукина, «отбор фразеологизмов, как и отбор лексики, происходит с учетом целей, условий, этапа обучения, видов речевой деятельности, с одной стороны, и с учетом употребительности, активности самих устойчивых выражений, с другой» [Щукин 1990: 88].

Конкретные приемы семантизации фразеологизмов во многом зависят от самого устойчивого словосочетания. Это может быть: а) перевод на родной язык, поиск адекватного выражения, при этом желательно инициировать подбор соответствующего фразеологизма на родном языке – *Make a mountain out of a molehill* – Делать из мухи слона; б) семантизация с помощью контекста – *He is so well-organized and does everything in time, he never puts off till tomorrow what he can do today*; в) с помощью синонима или ряда синонимов – *It was out of the blue (suddenly, unexpectedly)*; г) с помощью описания – *When in Rome do as the Romans do (Coming to a foreign country one should respect customs and traditions of the people)*.

Все это приводит нас к выводу, о значительном обучающем потенциале фразеологизмов, так как они заключают в себе наблюдения, накопленный

жизненный опыт, мудрость народа. Они позволяют лучше понять национальный характер людей, создавших эти фразеологизмы, и не только отражают, но зачастую и формируют определенные стереотипы поведения человека, которые ценятся или осуждаются в соответствующем социуме и соответствующей культуре. Определенные качества национального характера, так или иначе проявляются в языке, и человек с детства, осваивая лексику, идиоматику и грамматику родного языка, сам того не осознавая, учится воспринимать окружающий мир и себя в нем так, как это принято у людей, говорящих на этом языке. Английская фразеология не только отражает черты характера и поведения англичан, но и воспитывает человека в рамках национальной традиции.

Таким образом, работа с фразеологизмами позволяет расширить лексико-фразеологический запас обучаемых, внести в изучение английского языка элементы разнообразия и увлекательности, расширить культурологический кругозор учащихся и дает основание считать фразеологические единицы ценнейшим языковым материалом при обучении иностранному языку. Все это позволяет обучаемым сравнивать соизучаемые лингвокультурные общности, интерпретировать интеркультурные различия и адекватно действовать в ситуациях межкультурного общения.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ТЕЛИЯ, В. М. (1996): *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.
- ТЕР-МИНАСОВА, С. Г. (2004): *Язык и межкультурная коммуникация*. М.
- ЩУКИН, А. Н. (1990): *Методика преподавания русского языка как иностранного (для зарубежных филологов-русистов)*. М.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ КУЗНЕЦОВ

Россия, Тюмень

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ГАЗЕТА В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ: ПОЛЯРНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ОРИЕНТИРОВ

ABSTRACT:

The author, editor-in-chief of a regional parliamentary newspaper surveys 20 years of its history that provides the opportunity to confirm the hypothesis that the language of Mass Media has a tendency to become the model of a national language. In this regard verbal behavior and responsibility of a journalist is of primary importance.

KEY WORDS:

Journalistic style – parliamentary journalism – language of newspapers – headlines – factor of the addressee.

В настоящее время активно идет процесс «научного осмысления роли СМИ в современной культуре»; ученые признают, что «сегодня язык СМИ <...> принял на себя важнейшую культурологическую функцию языка-эталона», который формируется, в том числе, «творчеством журналистов» [Полонский 2009: 62]. Позволю себе высказать мнение по этому поводу одного из таких журналистов.

Современная экстралингвистическая действительность – время осознанного социального выбора, в том числе и той политики (в частности – языковой), которую реализует в своей деятельности СМИ. Редакция парламентского издания – общественно-политической газеты «Тюменские известия» («ТИ»), учредителями которой с 1999 года выступают три органа законодательной власти (Тюменская областная Дума, Дума Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Законодательное Собрание Ямало-Ненецкого автономного округа), принимает реальное участие в формировании единого информационно-культурного пространства трех субъектов Российской Федерации. Статус парламентского издания предопределил основную задачу журналистского коллектива – освещение деятельности региональных законодательных собраний. В своих материалах журналисты парламентского отдела редакции анализируют процесс разработки и принятия важнейших для населения законотворческих решений, распределения бюджетных средств, объек-

тивно отражая роль депутатского корпуса в формировании приоритетных направлений социально-экономической политики.

Так, третья полоса восьмиполосного номера «ТИ» за 21.04. 2009 «Парламентская жизнь» вместила материалы под рубриками «Юбилей» (материал А. Белова «Ямальская школа государственной политики». Лид: Торжественное заседание Законодательного собрания Ямала, посвященное 15-летию окружного парламента, состоялось 15 апреля в Салехарде <...>), «Острый вопрос» (материал А. Гореловой «Что такое “национализация” в условиях кризиса». Лид: Усиление участия государства в бизнесе: вынужденная антикризисная мера или свертывание рыночных реформ? Об этом шел разговор на заседании круглого стола, который на минувшей неделе провел комитет по собственности Государственной Думы Российской Федерации), «Актуально» (материал В. Макарова «Как найти в законе “коррупционную мину”?». Лид: Любой законопроект, разрабатываемый сегодня в регионе, может получить зеленый свет только после обязательного проведения антикоррупционной экспертизы. Таковы правила, установленные федеральным центром), «Конкурс» (информация Е. Зубковой «Моя страна – моя Россия». Лид: Организационный комитет по проведению регионального этапа Всероссийского конкурса молодежных авторских проектов «Моя страна – моя Россия» рассмотрел более трех десятков работ, поступивших в Тюменскую областную Думу с начала января нынешнего года.). Выносом полосы стала цитата из интервью с начальником правового управления Тюменской областной Думы В. Серковым: «Антикоррупционная экспертиза должна стать сплошной и касаться законов и иных нормативных правовых актов всех ветвей и уровней власти. Тогда возможностей истолковать правовую норму в корыстных целях будет значительно меньше». Дизайн полосы таков, что на ней «не затерялись» две врезки с цифрами, относящиеся к работе Ямальской Думы («1222 закона приняли депутаты Государственной Думы Ямало-Ненецкого округа за 15 лет», «66 депутатов работало в составе четырех созывов Думы») и «просто» цитата в колонке «Острого вопроса»: «Ирландия стала первой страной Европейского Союза, которая взяла под государственный контроль все ведущие банки».

Еще пример. На третьей полосе двенадцатиполосного номера «ТИ» за 29.05. 2009 выносом стали слова журналиста А. Белова «Помогать крестьянину надо не столько рублем, сколько грамотными законами» из материала под рубрикой «Приоритеты» («Тюменский крестьянин всю область накормит. Если ему помочь...» Лид: В условиях, когда запасы провизии уже не обеспечивают потребностей населения Земли, вопросы продовольственной безопасности становятся стратегическими. Об этом шла речь на очередном заседании парламентского пресс-клуба «Простые правила»). Здесь же материалы под рубриками «Законопроект» («Как по-ненецки будет “Родина”?» А. Белова. Лид: Муниципальное делопроизводство в местах компактного проживания коренного населения Ямало-Ненецкого автономного округа перейдет на двуязычную основу), «Партийная жизнь» («Эфир поделят между конку-

рентами» В. Макарова. Лид: *В минувший вторник вступил в силу Федеральный закон «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности общедоступными государственными телеканалами и радиоканалами»*), «В парламенте Югры» («О бюджете и соцзащите» и «Новый статус для факторий» Л. Богачевой – о 33-ем заседании Думы Ханты-Мансийского автономного округа и о подготовке там же закона о факториях). Самостоятельными текстами становятся размещенные на этой же газетной полосе три предложения, тематически и локально привязанные к «своим» статьям: «36 тысяч ямальцев владеют языками коренных малочисленных народов Севера», «70 процентов депутатских мест в Государственной Думе РФ принадлежит “Единой России”», «100 процентов от закупочной стоимости продукции может достигать торговая надбавка в тюменских магазинах».

Путь, избранный газетой, оказался непростым. Были опасения, что «парламентский уклон» и «чрезмерная сложность тем» неизбежно засушат газету, сделают ее неинтересной для рядового читателя. Этого не произошло, о чем свидетельствует возросший за последние годы тираж издания. Тема правового просвещения населения, информирование о принимаемых областной Думой законах, направленных на регулирование правоотношений во всех сферах жизни области, являются сегодня востребованными читательской аудиторией. Таким образом, можно утверждать, что газете удалось стать не просто средством тиражирования информации, но и посредником в диалоге между властью и народом. Думаю, что в интересе читателей к закону есть доля и журналистского труда, позволяющего качественно освещать такую сложную тему, как парламентская.

А то, что она сложная, сомнению не подлежит. Во-первых, парламентским журналистам, не имеющим юридического образования, приходится иметь дело с большим объемом документов, написанных специфическим «языком закона». Прежде чем информировать об этих документах читателя, разъяснять их смысл, журналист должен понять их сам, а это не всегда бывает легко. Во-вторых, материалы, опубликованные на страницах общественно-политической газеты, рассчитанной на массового читателя с разным уровнем подготовленности (профессионального образования, социального статуса, жизненного опыта), должны отвечать журналистским критериям качества, то есть быть на высоте в смысловом, стилевом, жанровом смысле. Проще говоря, журналистский материал должен привлечь внимание читателя, побудить дочитать текст до конца и, конечно, истолковать его в соответствии с намерениями автора.

Но есть третье обстоятельство, создающее значительные трудности журналисту, который освещает парламентскую тему. «Язык закона» изобилует громоздкими фразами, не терпящими ни малейшего их изменения, канцелярскими оборотами, непонятными широкой аудитории терминами. Однако изложение текста закона «своими словами», «простым русским языком» может быть расценено профессионалами-юристами как его некорректное толкование, как «отсебятина». Таким образом, парламентский журналист находится «меж двух огней»: в своем тексте он должен сочетать сухой «язык закона» – и образные выразительные средства, предоставляемые русским литературным язы-

ком. И журналисту ничего не остается, как в каждом конкретном случае находить их оптимальное соотношение. Обязанность понять официально-деловой текст, рассчитанный преимущественно на профессионалов, и адаптировать его для широкой аудитории, переложив на простой, образный (и этим великий и могучий!) русский язык, не исказив его смысл, заставляет парламентского журналиста быть особенно внимательным к слову.

В связи с этим представляется неслучайным, что именно на страницах парламентской газеты появилась постоянная рубрика «Кафедра», где публикуются статьи преподавателей филологического факультета Тюменского государственного университета об актуальных вопросах культуры речи в российском обществе, о жизни русского языка в современном мире. Аналитические статьи (в частности, о широком распространении жаргона, о нарушении норм ударения, об ошибках в падежах, о некорректном языке рекламы и т. д.), в которых не только констатируется явление, но и дается его профессиональное объяснение, написанные учеными, соседствуют на страницах «ТИ» с информационными материалами журналистов. Опубликованные весной, накануне ЕГЭ по русскому языку, обзоры выпускных сочинений школьников преследуют не только публицистические, но и методические цели, заставляя учителей и учеников ещё раз задуматься о качестве и письменной русской речи и, как представляется, способствуя более успешной сдаче экзамена. Ненавязчиво, разнообразя форму и содержание материалов, предоставляя слово большому числу штатных и внештатных авторов, сопровождая их тексты изящными, с добрым настроением, юмористическими рисунками, редакция «ТИ» пропагандирует культуру русской речи.

Для газеты принципиальна публикация материалов, направленных на удовлетворение «духовных и культурных запросов населения». В «Концепции творческой деятельности редакции...» заявлено: «Редакция считает, что отличительными признаками газеты должны быть ориентация на широкий круг читателей, <...> ориентация на высококачественные аналитические публикации и комментарии, привлечение к работе внештатных авторов, доступность и простота изложения...». Сформулированные цели и задачи и их реальное осуществление в практике ежедневного издания доказывает, что парламентское издание реализует свою гуманитарную миссию. «Отсветом» ее, наверное, освещены и газетные заголовки (в которых, кстати, мы принципиально не используем модные «активные графические процессы»). Пример – заголовки основных публикаций в одном только летнем номере «ТИ» (02.07. 2009): «В ожидании поезда, идущего к морю...», «Бобры возвращаются в родные уголки», «Сергей Миронов: “Чиновники – не волшебники”» (рубрика «Власть»), «Владимир Якушев: “Человеческая жизнь важнее всего!”» (рубрика «Государственный вопрос»), «Минздрав предупреждает. А курильщик на это плюет» (рубрика «Болевая точка»), «По ту сторону иллюзии» (рубрика «Культура»).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ПОЛОНСКИЙ, А. В. (2009): Язык современных СМИ: культура публичного диалога. In: *Мир русского слова*. N 1, с. 62–66.

НАТАЛЬЯ КУЗНЕЦОВА

Россия, Тюмень

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КНИЖНОЙ И РАЗГОВОРНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВЫХ СФЕР ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ

ABSTRACT:

Texts of forums in the Ru.net can be regarded as a field of interaction between colloquial and bookish spheres of the standard language. This tendency was noted by researches long before the spread of the Internet. The blend of informal communication and written discourse provides favourable conditions for revelation of this tendency.

KEY WORDS:

Written discourse – informal communication – communication language unit – bookish language unit – colloquial language unit.

Возможность общения в Интернете широких слоев российского общества (по данным социологических исследований, в середине 2008 года число пользователей Интернета в России составило около 40 миллионов человек [Дзядко 2008]) активизировала в речевой практике носителей русского языка «живую стихию» неотредактированной письменной речи [Войскунский 2001: 71]. Стилистический анализ текстов интернет-форумов – сайтов для тематически ориентированных письменных полилогов посетителей – выявляет языковой вкус пользователей Интернета, то есть принятые ими нормы и стандарты речевого поведения, культуры речи, их предпочтения при выборе языковых средств из разных подсистем литературного языка. «Наиболее очевидным» делением литературного языка исследователям представляется членение на книжную и разговорную функционально-стилевые сферы [Крысин 2003: 42], предшествующее выделению делового, научного, публицистического стилей [Виноградов 1963: 6].

Конкретное речевое произведение, создаваемое автором в письменной либо в устной форме, может содержать элементы и той, и другой функционально-

стилевой сферы, что показывают наблюдения над текстами интернет-форумов на темы бытовой повседневности (проанализировано 34 полилога (треда), включающих 864 сообщения объемом около 37 тысяч словоупотреблений; в примерах сохранена орфография и пунктуация источника). Среди разговорных языковых средств особенно частотны конструкции с незамещенными синтаксическими позициями – неполные и эллиптические предложения, часто представляющие собой ответные реплики диалога (например: *pilot.net*, *теплозвукоизоляция еще никому не вредила*. – *Abyss*, как? – *pilot.net*, *любым пористым синтетическим **утеплителем** для трубопроводов, например, **вилотермом***), изменение порядка слов относительно общелитературной нормы, заключающееся в перемещении ремы к началу высказывания (выделим ремю в следующих случаях: *на кухню я бы лучше **пробку** положил*, ср.: *положил пробку*; – *Что делать?* – ***Вентиляцию** грамотную*, ср.: *грамотную вентиляцию*), разговорные частицы (в частности, *а*, *ну*, *вот*, *же* и т.д.), субстандартная лексика (типа *впарить*, *забубенить*, *жевать* ‘говорить долго и нудно’, *крякнуть* ‘сломаться’, *муторный*; *галоженка* ‘галогеновая лампа’, *куб* ‘кубический метр как мера объема’, *сети* ‘организации, занимающиеся обслуживанием электросетей’), релятивы, создающие эффект непосредственной реакции (типа *блин*, *хе-хе*, *эх*, *увы*, *хм*, *жэээсть*). К разговорным средствам могут быть отнесены также написания, отражающие сильную редукцию слов (типа *щас*, *скока* = сколько, *тока* = только; следует при этом отметить, что подобные написания не преобладают в материале; *щас* встречается намного реже, чем *сейчас*, *скока* – намного реже, чем *сколько* и т.д.), повторение вопросительного (*А смысл???*) и восклицательного (*Давление из крана такое, что воздух из квартиры высасывает!!!*) знаков, многоточие, создающее эффект замедленной речи под влиянием разного рода эмоциональных состояний – замешательства, сожаления и т.д. (*Вот заставили меня сомневаться ... в интернете ниче не нашел.....*), и смайлики, сигнализирующие о невербальных компонентах коммуникации (мимических движениях и, реже, жестах), с использованием которых протекает устный разговорный диалог и монолог.

Наряду с разговорными единицами участники интернет-форумов используют в своей речи и разнообразные книжные языковые средства, под которыми понимаются языковые единицы, специфичные для «речи в условиях официального общения» [Стилистика 2005: 51]. В материале частотны номинализированные конструкции с девербативами и деадъективами, обозначающие действие, процесс или признак (например, *если не в **процессе** резки, то в **период** эксплуатации*; с ***условием** обеспечения высокой защиты от шума*), комбинированные и сложные словосочетания (*вмятина на пластике по ширине фомки, избавиться от дикого шума спускающейся воды в пластиковой трубе*), причастные и деепричастные обороты (например, *поднимали через блок, **закрепленный на лоджии верхнего соседа**; сверху, **обсыпав трубу песочком**, положить пенопласт*), термины и терминологические словосочетания (типа *конденсат*, *реагенты*, *дисковая пила*, *подсобное помещение*, *массовая коттеджная застройка*), общекнижная лексика (наиболее частотные

единицы – *необходимо, так как, данный, также, возможно* (в функции вводного слова), *достаточный, требоваться*).

Разговорные языковые средства в исследованных текстах интернет-форумов свободно сочетаются с книжными, зачастую в пределах одной синтаксической единицы (предложения, словосочетания), например:

- *Блин, не могу найти пластиковую фигню от электропривода трехходового клапана, чёнить подобное есть?* (книжное средство – комбинированное словосочетание, включающее термин *электропривод трехходового клапана*; разговорные – релятив *блин*, семантически опустошенное слово *фигня*; отражающее разговорное произношение написание местоимения *что-нибудь* как *чёнить*);
- *тока транспортная развязка благодаря мостам через реку и дорогам за рекой никакая* (книжные единицы – термин *транспортная развязка*, оборот с предлогом *благодаря*, разделяющий подлежащее и сказуемое; разговорная – «фонетическое» написание *тока*, отрицательное местоимение *никакая* в оценочной функции);
- *емкость может нехило рвануть из-за присутствия паров олифы* (книжная номинализованная конструкция с девербативом *из-за присутствия паров олифы*; разговорные лексемы *нехило* и *рвануть*).

Ни разговорные, ни книжные языковые средства, ни их сочетание в небольшом фрагменте текста не сопровождаются метаязыковыми комментариями, которые свидетельствовали бы о восприятии этих явлений как необычных, не соответствующих норме. Относительно большинства контекстов нет оснований считать, что та или иная стилистически окрашенная единица употреблена с целью языковой игры, иронии и т. п. – в них не усматривается особая стилиевая задача. Коммуниканты воспринимают такую «эклетику» как должное, привычное. Все это свидетельствует в пользу того, что в стилистическом «облике» текстов интернет-форумов находит отражение отмеченная еще в конце 1960-х годов и характерная для современного русского литературного языка тенденция к «массовому проникновению книжной речи в разговорную речь» [Винокур 1968: 25]. Рассматриваемые тексты соответствуют «языковому вкусу нашего времени», который в целом «характеризуется сближением традиционно-книжных средств выражения с обиходной разговорной стихией, городским просторечием, социальными и профессиональными диалектами, жаргонами и арготом» [Шмелева 2007: 813] – «речевой привычкой», особенно свойственной коммуникантам, принадлежащим к среднелитературной речевой культуре [Хорошая речь 2007: 105, 236]. Этот тип речевой культуры, по наблюдениям исследователей, характерен для большинства авторов текстов СМИ [там же: 229 сл.], что не может не оказывать влияния на языковой вкус всего общества.

Правда, сочетание книжного и разговорного в текстах СМИ и в текстах, оформляющих неофициальную межличностную коммуникацию, имеет, как представляется, разную природу. В первом случае книжная в своей основе речь

«расплывчатостью» разговорными, просторечными, жаргонными элементами, во втором – разговорная речь вбирает в себя книжные языковые средства. Последнее имеет место в текстах интернет-форумов, общение в которых является неофициальным, характеризуется, так же как разговорный диалог, нерегламентированностью, «нестрогим контролем речевого поведения, свободой индивидуальных поведенческих и речевых проявлений», «тенденцией к нивелированию вертикальной дистанции» [Борисова 2007: 45, 46]. Поэтому насыщенность текстов интернет-форумов разнообразными разговорными средствами выглядит вполне закономерной. Однако нормы речевого поведения участников интернет-форумов не препятствует включению в эти тексты разнообразных книжных единиц. При этом отметим, что мы имеем дело с «живой стихией» неотредактированной или в малой степени отредактированной автором письменной речи (о чем свидетельствует, в частности, большое число опечаток в текстах – хотя возможность перечитать и исправить текст перед публикацией у автора всегда есть). Участники интернет-форумов проявляют свои речевые навыки в значительной мере автоматически. Возможность включения в такие почти спонтанно созданные тексты книжных языковых средств, особенно номинализованных конструкций, комбинированных и сложных словосочетаний, причастных и деепричастных оборотов, терминологических сочетаний имеется у автора благодаря письменной форме речи, темп которой «значительно более медленный» по сравнению с устной [Лурия 1998: 273]. Письменная форма речи как таковая снимает ограничения, связанные с небольшой глубиной фразы, с сегментацией, «чередованием ударных и безударных звеньев», организующим устное высказывание [Лаптева 2003: 365].

Наблюдения над текстами русскоязычных интернет-форумов показывают, что они представляют собой область взаимодействия разговорной и книжной функционально-стилевых сфер литературного языка – проявления тенденции, отмеченной задолго до появления и широкого распространения Интернета. Стилистическая «контаминированность» текстов отвечает господствующему в современном российском обществе языковому вкусу. Благоприятные условия для проявления такого языкового вкуса создает сочетание разных условий коммуникации в интернет-форуме: с одной стороны, ее неофициальности, нерегламентированности, с другой – письменной формы речи.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- БОРИСОВА, И. Н. (2007): *Русский разговорный диалог: Структура и динамика*. М. ВИНОГРАДОВ, В. В. (1963): *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. М. ВИНОКУР, Т. Г. (1968): Стилистическое развитие современной русской разговорной речи. In: *Развитие функциональных стилей современного русского языка*. М., с. 12–100.
 ВОЙСКУНСКИЙ, А. Е. (2001): Метафоры Интернета. In: *Вопросы философии*. № 11. с. 64–79.
 ДЗЯДКО, Т. (2008): Вторая в Европе интернет-держава. In: *Ведомости*. 2008. 14 июля. с. 8.
 КРЫСИН, Л. П. (2003): Формы существования (подсистемы) русского национального языка. In: *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация*. М.
 ЛАПТЕВА, О. А. (2003): *Русский разговорный синтаксис*. М.
 ЛУРИЯ, А. Р. (1998): *Язык и сознание*. Ростов н/Д.
Стилистика и литературное редактирование. М., 2005.
Хорошая речь. М., 2007.
 ШМЕЛЕВА, Е. Я. (2007): Языковой вкус. In: *Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник*. М., с. 813.

ЛАРИСА АНАТОЛЬЕВНА МИХЕЕВА

Польша, Краков

РАБОТА НАД ФОРМИРОВАНИЕМ ПУНКТУАЦИОННЫХ НАВЫКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ И НЕСИНТАКСИЧЕСКИХ ТЕМ НА ПРАКТИКУМАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ABSTRACT:

This article introduces the ways to integrate the teaching of punctuation with the overall process of gaining language fluency for those studying Russian. Sample exercises are given that link the teaching of punctuation with other aspects of language acquisition.

KEY WORDS:

Punctuation – language competence – integrating teaching – exercises – writing skills.

В программе подготовки иностранных студентов-русистов пунктуация не выступает как самостоятельный объект изучения, тем не менее, пунктуационная грамотность является составляющей общей компетенции выпускника-филолога. Отсутствие исследований, касающихся взаимосвязи обучения синтаксису и пунктуации при обучении РКИ, места пунктуации в программе подготовки русиста, а также ее методики ведет к тому, что преподаватели недостаточно используют дидактический потенциал работы над формированием пунктуационных навыков.

В ситуации лимитированных учебных часов пунктуационные явления не изучаются как элементы функциональной системы языка, обучение осуществляется зачастую без учета ее специфических принципов, сводясь, в большей или меньшей степени, к обучению технике расстановки знаков в отдельных конструкциях с ориентировкой на слова-сигналы. Такой упрощенный, «дограмматический» подход, применяемый в методической практике для знакомства с элементарной пунктуацией, лишает практические занятия существенной тренировочной базы для укрепления у студентов знаний о языке и знаний языка, хотя упражнения, учитывающие структурный, смысловой

и интонационные принципы пунктуации¹, при их планомерном использовании в практике РКИ, могут быть звеньями, которые связывают и упрочивают морфологические и синтаксические умения, навыки аудирования и интонирования различных конструкций, соединяют семантико-грамматический анализ единиц речи и процесс их порождения.

Синтаксис и пунктуация. Г. И. Блинов [Блинов 1972: 107] обращает внимание преподавателей на то, что период работы над пунктуационным правилом – это период осмысления синтаксиса, его теоретических положений и практического ознакомления с разнообразными построениями, структурными единицами. Этому справедливому замечанию находится подтверждение: проводимый нами в течение пяти семестров пробный эксперимент показал, что язык студентов, закончивших III курс, на занятиях с которыми последовательно проводилась работа по пунктуации, намного правильнее и богаче синтаксическими конструкциями, чем язык студентов IV и V курсов, работы которых также анализировались в ходе эксперимента².

Последовательная работа по изучению пунктограмм³ позволяет исключать или значительно уменьшать число синтаксических недочетов в письменной речи студентов. Так, например, синтаксическим основанием пунктограммы *Запятое при обособленных определениях* является причастие или прилагательное с зависимыми словами, связанное с определяемым словом. При изучении прилагательных и причастий студенты должны усвоить их синтаксические функции в зависимости от формы – полной или краткой. Однако для польских студентов здесь кроется определенная сложность, поскольку в польском языке и в качестве именной части сказуемого, и в качестве определения выступает одна и та же форма. Под влиянием интерференции студенты при письме по-русски часто смешивают краткие и полные формы: такие ошибки встречаются почти в 90 % случаев при переводе и более чем в трети творческих работ:

*На картине **представленный** царь после убийства своего сына; Таким образом люди **слабы** психически **могут** попасть в среду людей **занимающихся преступностью**⁴.*

Конструирование предложений с распространенными определениями на основе пунктуационных схем, анализ условий действия правил обособления определений, упражнения на разграничение языковых фактов способствуют оттачиванию грамматических навыков. Пунктуационный разбор предусматривает частичный синтаксический разбор, в то время как синтаксический разбор развивает умение обнаруживать смысловой отрезок, определять его границы,

¹ Упражнения по пунктуации в существующих пособиях по синтаксису и практике языка носят, в основном, не тренировочный, а проверочный характер (расставить недостающие знаки).

² В статье приводятся случаи ошибок из этих работ.

³ Методическое понятие: система знаков препинания, обслуживающих одно синтаксическое основание (по Григорян Л. Т.).

⁴ Отмечены также пунктуационные ошибки.

структурно обосновывать постановку знака. Такая комплексная работа служит предотвращению как синтаксических, так и пунктуационных ошибок.

Правила пунктуации в *сложноподчиненных предложениях* будут лучше осознаваться студентами, если перед их введением предусмотреть серию заданий на укрепление опорных умений. При значительном проценте пунктуационных ошибок в сложноподчиненных предложениях сохраняется большое количество ошибок грамматических: в употреблении союзов и союзных слов, в установлении структурно-логических взаимосвязей главных и придаточных частей:

1. Подчеркивается, что смертная казнь не снижает уровень преступности. **Потому что** существуют террористы-самоубийцы, для которых смерть является счастьем. 2. Из числа парковых деревьев отличается рябина, **которой** ярко-красные фрукты трудолюбиво собирают и складывают птицы.

В упражнения на управление глаголов стоит включать случаи управления с формами причастий и деепричастий. В письменной речи такие словосочетания функционируют как распространенные обособленные определения и обстоятельства, на которые распространяются пунктуационные правила. Эффективны упражнения, где перестройка предложения сопровождается пунктуационной перестройкой, например, одно из однородных сказуемых-глаголов с зависимыми словами нужно заменить деепричастным оборотом: *Максим **приобщился** к классической музыке еще в детстве и впоследствии стал первой скрипкой национального оркестра. – Максим, **приобщившись** к классической музыке еще в детстве, впоследствии стал первой скрипкой национального оркестра.*

Развитие речи. Пунктуационный навык справедливо относят к *речевым*. Данное положение развивается в работах Н. С. Рождественского, А. Ф. Ломизова, Л. Т. Григорян, которая, в частности, замечает: «Обучая пунктуации, мы обучаем ... письменной речи, ее содержательной стороне» [Григорян 1982: 117]. Смысловые отрезки, на которые членят речь знаки препинания⁵, имеют свою синтаксическую природу, интонацию, логико-предметное значение, а также обладают воспроизводимостью и повторяемостью, что приравнивает их к речевым образцам, служащим опорой для построения высказывания.

Работу над некоторыми пунктограммами можно эффективно связать с определенными лексическими и грамматическими темами, усиливая, таким образом, функциональную направленность обучения языку. Например, знакомство с пунктограммой *Выделение уточняющих членов предложения* можно совместить с изучением элементов функциональной грамматики – средств выражения временных и пространственных отношений. Задания по пунктуации обеспечивают здесь, как и во многих других случаях, возможность для включения, воспроизведения, закрепления лексического и грамматического материала. Продуктивно, среди прочего, использовать ситуативные упражнения, в ко-

⁵ За единицу пунктуации мы принимаем, вслед за М. Т. Барановым, пунктуационно-смысловой отрезок.

торых уточняющие обстоятельства позволяют общающимся более точно передавать информацию:

*Составьте диалог двух приятелей, вернувшихся в Краков после каникул и решивших встретиться. Используйте соединения **обстоятельство + уточняющее обстоятельство**, не забудьте о правилах пунктуации при записи текста.*

Когда?

на следующей неделе, послезавтра, в четверг, ближе к обеду, часов сегодня, в пятницу, с утра

Когда именно?

в одиннадцать, в полседьмого, после полудня

Где?

в Старом городе, на главной площади, в парке Иордана, на набережной Вислы

Где именно?

у ратуши, в кафе, возле лодочной станции, около памятника Мицкевичу

Способствуют одновременно самостоятельному применению правил и развитию речи задания по преобразованию высказываний и по составлению предложений с опорой на ту или иную пунктуационно-синтаксическую схему. Примеры таких упражнений:

*1. Составьте предложения по образцу, обоснуйте необходимость тире в предложениях данного типа: **Царь-пушка в Кремле – произведение литейного искусства XVI века.***

*Сквер у памятника Пушкину
Конная статуя Юрия Долгорукого
Кремль
Храм Василия Блаженного
на улице Тверской*

*неотъемлемая часть архитектурного ансамбля Москвы
памятник основателю Москвы на улице Тверской
оборонительная крепость в большинстве средневековых городов
место встреч и свиданий москвичей*

2. Используя вводные слова и предложения, выражающие оценки и чувства, придайте высказываниям сначала категоричность, а затем мягкость, деликатность. Учтите, что пунктуация текстов изменится.

- Наташа, мне было неловко, когда к нам сегодня заглянул Илья. Ты не убрала свои вещи в шкаф и не вымыла посуду. Илья подумает, что здесь живут неряхи!*
- Да, не убрала. Я опаздывала на занятия. Ты должна меня понимать, ведь я работаю по ночам.*
- Нам нужно договориться, раз мы живем вместе. Я стараюсь понимать тебя, но пойми и меня. Для меня очень важно, чтобы в доме были порядок и чистота.*
- Ты права. Я постараюсь.*

Наблюдение над стилистическими аспектами. Студентам следует осознать, что постановка знаков в некоторых конструкциях напрямую зависит от стилистической отнесенности высказывания. Например, тире между подлежащим и сказуемым, выраженными существительным в именительном падеже, обычно ставится на месте нулевой связки в предложениях письменного стиля, в предложениях-характеристиках, предложениях-тождествах при логическом подчеркивании значимости частей, в то время как отсутствие тире свидетельствует о будничном по содержанию и тону характере речи. Сравни:

Алексей Николаевич заведующий кафедрой. Алексей Николаевич / – заведующий кафедрой.

При выполнении пунктуационных упражнений важно обращать внимание студентов на стилистические нормы. Экспериментальный анализ выявил, наряду с пунктуационными, значительное количество стилистико-синтаксических ошибок в предложениях с деепричастными оборотами:

Теперь мало композиторов, которые_ создавая свою музыку_ думают о том, чтобы_ слушая их музыку_ найти в ней какую-то красоту.

Интонация. Интонационный анализ содействует лучшему усвоению синтаксических, а следовательно, пунктуационных тем. Опора на речевой слух (внешний и внутренний) создает условия для выбора знака во время письма и ритмомелодического рисунка во время чтения. Не все виды интонации, сообщаемые знаками препинания, сложны для студентов-иностранцев, поскольку во многих языках интонация конца предложения, интонация при междометиях, обращениях, однородных членах является подобной. Однако наблюдение за практикой проведения диктантов показывает, что отдельные случаи приносят трудности даже преподавателям: «прочитываются» знаки, не требующие паузы или интонационного выделения, непоследовательно соблюдается интонация вводности, следствия, предупреждения, что приводит к ошибкам в употреблении знаков, в особенности, передающих смысловые отношения между частями конструкций:

Четверо ребят, наших современников, связаны общим делом, они ищут и продают трофеи времен второй мировой войны, зарабатывая тем самым неплохие деньги.

На начальных этапах овладения пунктуацией очень полезны наблюдения над тем, как в конструкциях проявляются в совокупности структурный, смысловой и интонационный принципы:

Слава спросил у куратора, когда состоится собрание по практике.

Слава спросил у куратора: «Когда состоится собрание по практике?»

Следует подчеркнуть, что развитие навыков чтения в методике РКИ пока в незначительной степени опирается на систему знаков препинания, затрагивая лишь самые основные случаи, однако несомненно то, что правильного,

осмысленного, выразительного чтения на изучаемом языке не может быть без знаний и учета пунктуации.

Лексика. Представленные в статье упражнения входят в экспериментальное методическое пособие. Кроме модулей, охватывающих работу над каждой отдельной пунктограммой, оно содержит серию модулей, обеспечивающих работу над пунктуацией на основе лексических минимумов, включенных в программу РКИ («Москва», «Петербург», «Природа», «Внутренний мир человека», «История России», «Наука», «Творчество», «Язык»). Каждый модуль содержит типовой контрольно-тренировочный тест, диктанты нескольких уровней сложности, материал для изучения вариантов пунктограмм, упражнения для повторения и закрепления пройденного, задания, соединяющие работу по пунктуации и орфографии, грамматике, переводу.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

БАРАНОВ, Т. М. (2002): *Методика преподавания русского языка*. М.

БЛИНОВ, Г. И. (1972): *Методика изучения пунктуационного правила*. М.

ГРИГОРЯН, Л. Т. (1982): *Обучение пунктуации в средней школе: Методическое исследование*. М.

ГАНА МОЛНАРОВА

Чехия, Оломоуц

ТЕРМИНОЛОГИЯ СУБСТАНДАРТА В РУССКОМ, ЧЕШСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

The article deals with the terminology of substandard in the Russian, Czech and Ukrainian languages. It is concentrated on the group of social dialects which includes terms argot, jargon, slang and professional language. Attention is devoted to the characterization of each of the terms and to the differences in the approach to this terminology in the Russian, Ukrainian and Czech linguistics.

KEY WORDS:

Substandard – nonstandard – social dialect – argot – jargon – slang – professional language – general slang – interjargon – interslang.

К основным понятиям нелитературного языка можно отнести термины *социальный диалект*, *территориальный диалект*, *просторечие*, *бранная* и *обscene лексика*. Первый из них, т. е. *социальный диалект*, или *социолект*, представляет собой в рамках субстандарта группу нонстандарта. Она включает в себя такие пласты языка как арго, тайные языки, жаргон, сленг и профессиональные языки. Поскольку среди лингвистов существуют разные взгляды на терминологию социолектов, то мы посвящаем нашу статью именно этой группе нелитературного языка.

Термин **социолект** является частью более общего термина **диалект** – разновидность (вариант) данного языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, связанных тесной территориальной, профессиональной или социальной общностью и находящихся в постоянном и непосредственном языковом контакте. **Социолект** как язык определенной социальной группы отличается от общенародного языка преимущественно лексикой, фразеологией и семантическими доминантами. Социальные диалекты никогда не являются единственной формой языка говорящих, но служат только дополнительным средством коммуникации определенной социальной или профессиональной группы. Своей характеристикой социолекты

отличаются от остальных понятий субстандарта, которые используются самыми разными слоями общества.

Арго – этим термином иногда обозначают язык людей из определенной социальной или профессиональной среды (напр., спортсменов, солдат и т. п.), однако *арго* чаще понимается в узком смысле как язык исключенных слоев общества (напр., воров, нищих, убийцев и т. п.). Важную роль в арго играет функция утаения, поэтому к нему, как правило, относят также **тайные языки** древних ремесленников-отходников, бродячих музыкантов и т. п.

Арго тесно связано с другими социолектами. Многие арготизмы проникают за время своего существования в другие социальные группы (напр., в язык солдат, студентов и др.). Часто потом они переходят дальше, в разговорный, а некоторые даже в литературный язык. Слова, которые со временем стали общеизвестными и потеряли таким образом свою утаивающую функцию, заменяются новыми арготизмами. Подобный процесс происходил и происходит также с выражениями, которые служат арготистам не для тайной, а для повседневной коммуникации (больше об арго см. [Molnarová 2009]).

Профессиональные языки свойственны представителям определенных профессий и промыслов. Профессионализмы возникают из-за необходимости специализированно назвать то или иное понятие, которое либо отсутствует в общенародной речи, либо не имеет своего терминологического обозначения. По сравнению с жаргонизмами или сленгизмами, профессионализмы благодаря своему номинативному характеру довольно стабильны и относительно долговечны. С целью быстро и однозначно договориться связана и малая синонимичность профессионализмов [Mokienko, Walter 2004].

Так же, как и арго, профессиональные языки не имеют в рамках субстандарта резко определенные границы и связаны с остальными социолектами. Иногда возникает вопрос, относится ли то или другое выражение к профессиональным языкам или сленгу группы, связанной по интересам (это может касаться, напр., языка охотников). Иногда сложно также отличить профессионализм от термина. Проблема появляется, как правило, тогда, когда у данной отрасли нет кодифицированной терминологии.

Некоторые лингвисты называют профессиональные языки также термином *профессиональный жаргон* или *жаргон*, другие их считают сленгом в широком понимании.

Сленг – в широком понимании считается языком людей, объединенных общностью интересов или профессией (во втором случае он включает в себя также профессионализмы, тем самым он равняется термину *профессиональный язык*), в узком смысле – это только язык групп людей с общими интересами. Сленг в узком понимании, в отличие от профессиональных языков, порожден не потребностью в наименовании новых специализированных понятий, а потребностью экспрессивной перекодировки уже известных понятий и явлений, их оценке и переоценке. Таким образом возникают большие ряды стилистически сниженных синонимов [Mokienko, Walter 2004]. Огромное количество синонимов в сленговой лексике (как и в арготической и жаргонной) является ре-

результатом языковой игры, с которой мы, наоборот, редко встречаемся у профессиональных языков. Динамичные и быстро сменяющиеся лексемы и фраземы сленга обусловлены динамикой общественно-политической жизни и подчинением языковой моде.

Жаргон, как правило, считается синонимом *сленга*, а также *арго* или *профессиональных языков*. В чешской лингвистике этот термин, благодаря исторической ориентации на немецкую традицию, используется редко, в отличие, например, от русской лингвистики, которая исходила из французской традиции. Некоторые лингвисты подходят к жаргону как к термину, который, с одной стороны, граничит с аргом, а с другой – со сленгом. В сравнении с аргом, у жаргона и сленга более открытый характер; если определить границу также между жаргоном и сленгом, разницу можно видеть именно в степени их открытости. Л. Ставицька, например, указывает, что жаргон является полуоткрытой лексико-фразеологической подсистемой нелитературного языка, в то время как сленг – практически открытой лексико-фразеологической подсистемой нелитературного языка [Ставицька 2005: 42].

Сейчас еще вернемся к термину *сленг*. Этим термином называют общеизвестные и часто употребляемые выражения, которые заимствованы из отдельных социолектов и с которыми мы встречаемся, кроме разговорной речи, также в художественной литературе и в СМИ. Этот сленг, называемый также термином **общий сленг** (или **общий жаргон**) относительно устойчив в рамках определенного времени и генетически очень разнороден (ср. дефиницию Хомякова [Хомяков 1974: 76]). Характерно также то, что важную роль в процессе формирования и развития общего сленга играет молодежный сленг, который проникает во внутрисемейную коммуникацию и СМИ [Кудрявцева 2004: 40]. Специалисты по русскому субстандарту В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина используют вместо термина *общий сленг* термин **жаргонизированная разговорная речь** и пометой *жрр* отмечают все соответствующие слова в своем «Большом словаре русского жаргона» [Мокиенко, Никитина 2000]. Этот термин использует также, напр., Леся Ставицька, которая занимается украинским субстандартом. Причина в том, что, «когда мы встречаемся с жаргонизмами (сленгизмами) не в словаре, а в живом языке, дискурсе, это не жаргонный, а только жаргонизированный язык; это – отдельные включения сленгизмов на фоне нейтральной или фамиллярной лексики» [Ставицька 2005: 45].

Социолектная лексика, из которой жаргонизированная разговорная речь (общий сленг) черпает слова, обозначается термином **интержаргон (интерсоциолект)**, Ярослав Губачек использует термин **interslang** [Hubáček 2003]. «Интерсоциолектными», или интержаргонными, считаются слова, которые встречаются, по крайней мере, в двух социолектах. Слово теряет свою социальную и профессиональную замкнутость и попадает в интерсоциолектную лексику, где накапливается лексика из разных источников; это слово становится связующим звеном между старыми и новыми социолектами» [Ставицька 2005: 50; Скворцов 1977: 35–36]. Взаимное проникновение социолектов раз-

ных групп происходит тем интенсивнее, чем больше у них общего в образе жизни, мышлении и в интересах.

Вышеприведенная характеристика социолектов доказывает, что отдельные виды социолектов между собой связаны, а границы между ними размыты. Поэтому и не существует одинаковых взглядов на терминологию социолектов. Так, например, сводный словарь славянских лингвистических терминов [SSLT 1977–1979] показывает, что термины *сленг*, *жаргон* и *арго* в одних языках являются синонимами, а в других расходятся или один из терминов отсутствует. Со времени издания словаря в лингвистических взглядах в этом отношении произошли определенные изменения, однако неоднородность в понимании терминологии социолектов как в международном сравнительном плане, так и в рамках отдельных стран, все еще сохраняется. Понятия *арго*, *жаргон* и *сленг* взаимопересекаются. Фактом остается то, что в рамках социолектов существуют группы с различным характером, но установить между ними точную границу и категорически отделить их друг от друга невозможно.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- HUBÁČEK, J. (2003): *Výběrový slovník českých slangů*. Ostrava: OU, Filozofická fakulta, spis č. 146/2003.
- МОКИЕНКО, В., WALTER, H. (2004): Славянские социолекты в прошлом и настоящем. In: *Српски језик* 9/1-2, IX. Beograd, c. 5–44.
- MOLNAROVÁ, H. (2009): Spisovná čeština a nespisovné útvary českého jazyka. In: *Slovník nespisovné češtiny*. 3. vydání. Praha: MAXDORF (в печати; термин издания: ноябрь 2009).
- SSLT (1977, 1979): *Slovník slovanské lingvistické terminologie*. Díl I, II. Praha: Academia.
- КУДРЯВЦЕВА, Л. О.: Формування загального сленгу в російській мові і відображення цього процесу в різних лінгвістичних джерелах. In: *Наукові записки Київського Національного Університету імені Тараса Шевченка*, т. 13. Київ 2004.
- МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г. (2000): *Большой словарь русского жаргона*. СПб: Норинт.
- СКВОРЦОВ, Л. И. (1977): Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии. In: *Литературная норма и просторечие*. М., с. 29–76.
- СТАВИЦЬКА, Л. (2005): *Арго, жаргон, сленг. Соціальна диференціація української мови*. Київ: Критика.
- ХОМЯКОВ, В. (1974): *Структурно-семантические и социально-стилистические особенности английского экспрессивного просторечия*. Вологда.

ЛЮБА МРОВЕЦОВА

Чехия, Острава

НАИМЕНОВАНИЯ НОВЫХ ПРОФЕССИЙ И ПОЗИЦИЙ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ (в сопоставительном русско-чешском плане)

ABSTRACT:

The aim of this article is to analyze the names of new professions that have appeared on the Czech and Russian job markets in connection with the economical transformations of the two countries. The lexical material was obtained from classified adds in present Czech and Russian economical periodicals as well as from internet sources. The linguistic analysis focuses on the aspects of lexicology, word formation, and word origin. Similarities and differences in both languages are discussed.

KEY WORDS:

Lexical material – names of new professions – job markets – economical transformation – economical periodicals – similarities and differences.

Социально-экономические преобразования, происходящие в России и в Чешской Республике с конца XX в., изменили значительно ситуацию на рынке труда. Появилось большое количество новых профессий, связанных, главным образом, с рыночной инфраструктурой, с новыми функциями работников в рамках должностей и с внедрением новых IT-технологий.

В настоящей статье попытаемся классифицировать, анализировать и сопоставить в русско-чешском плане номинации некоторых наиболее востребованных и актуальных профессий, позиций и должностей в таких сферах рыночной экономики, как кадровая структура фирмы, коммерция и область информационных технологий.

Классификация номинаций новых профессий проводится с трех точек зрения:

- А) с точки зрения лексико-тематических групп наименований профессий,
- Б) с точки зрения их словообразовательной структуры,
- В) с точки зрения их происхождения.

Основным источником лексического материала для анализа послужил размер небольшой, но в то же время по частоте употребления значимый кор-

пус – 80 номинаций новых, активно использующихся в обоих сопоставляемых языках профессий, извлеченных из чешских и русских сайтов о работе и из объявлений о вакансиях в электронных газетах и журналах. Разумеется, мы отчетливо понимаем, что наша классификация, сделанная на основе анализа лишь 80 новых номинаций, не может претендовать на окончательный характер: она нуждается в уточнении и должна стать предметом дальнейших семантических и словообразовательных исследований.

А) С точки зрения **лексико-тематических групп** были выделены:

Таб. 1) Профессии, позиции и должности в кадровой структуре фирмы

русский язык	чешский язык	английский / латинский
ассистент	<i>asistent/ka</i>	<i>assistant</i>
аудитор	<i>auditor</i>	<i>auditor</i>
бизнес-консультант	<i>business consultant obchodní poradce</i>	<i>business consultant</i>
бухгалтер	<i>účetní</i>	<i>accountant, clerk</i>
директор	<i>ředitel/ka</i>	<i>director</i>
заведующий (отделом)	<i>vedoucí (oddělení)</i>	<i>Head of Department</i>
копирайтер , копирайтер	<i>copywriter, reklamní textař</i>	<i>copywriter</i>
криэйтор , криейтор, креатор креативный директор компании	<i>o</i>	<i>o</i>
менеджер офис-менеджер	<i>manažer/ka</i>	<i>manager</i>
маркетолог	<i>marketolog</i>	<i>o (od market)</i>
логистик менеджер по логистике м. по таможне и транспорту	<i>logistik, disponent, nákupčí, dispečer/ka</i>	<i>logistic manager</i>
промоутер поддерживающий, содействующий	<i>promotér/ka, pořadatel</i>	<i>promoter</i>
рецепионист , ресепшен, сотрудник на приеме клиентов по телефону	<i>recepční</i>	<i>reception clerk</i>
референт	<i>referent/ka</i>	от лат. <i>referes</i>
специалист по ...	<i>odborník, specialista</i>	<i>specialist</i>
спичрайтер , текстовик, речеписец , составитель текстов речей	<i>speech-writer, pisatel projevů</i>	<i>speech-writer</i>
имиджмейкер , имиджмейкер	<i>Image Maker, imagemaker stará se o vzhled významné osobnosti</i>	<i>image maker</i>
супервайзер , «надсмотрщик», «надзирающий»	<i>supervisor kontrolor</i>	<i>supervisor</i>
секретарь-референт	<i>sekretář/ka, referent/ka</i>	<i>secretary</i>
экономист	<i>ekonom/ka</i>	<i>economist</i>

Таб. 2) Профессии и позиции в сфере коммерции

название в русском языке	название в чешском языке
агент по недвижимости, риэлтер	realitní agent, realtor
брокер-трейдер	obchodník s cennými papíry
брокер-менеджер	broker manager, obchodník na trhu s akciemi
бизнес-девелопер, Business Developer	Business Developer, strategický nákupčí
дилер, посредник	dealer, zprostředkovatel
директор по продажам	ředitel/ka prodeje
джоббер	jobber, obchodník na burze, burzovní spekulant
коммерческий директор	obchodní ředitel/ka
маклер, посредник	makléř/ka, zprostředkovatel obchodů, dohodce
менеджер по закупкам	manažer/ka nákupu
мерчендайзер, специалист, занимающийся рекламной поддержкой товара	„merchandiser“, doplňovač, výrobce/dovozce zajišťuje, že zboží je na správném místě, ve správný čas, za správnou cenu
продавец-консультант	prodejní poradce
провизор	provizor, dealer, který doporučuje služby FORPSI a zprostředkovává objednávky, využívá z nich provize.
региональный менеджер	regionální manažer/ka, oblastní manažer/ka
руководитель отдела продаж	vedoucí oddělení prodeje
Sales manager, менеджер по продажам	sales manager, manažer/ka prodeje
сейлзмен, продавец	salesman, prodavač
Shop Assistant, шоп-ассистент	shop-assistant, prodejní asistent/ka
фандрайзер	fundraiser/ka specialista zajišťující finance podle potřeb organizace (většinou neziskových)
трейдер, биржевой трейдер	obchodník , obchodník na burze, makléř

Таб3) Профессии и позиции в области IT-технологий (IT-профессии)

название в русском языке	название в чешском языке
администратор	administrátor/ka
блоггер	blogger
девелопер	vývojář (řídících systémů)
документалист	dokumentarista/tka
график	grafik/čka
кодер	kodér/ka
программист/разработчик	programátor/ka
тестер/тестировщик	tester/ka (testuje počítače)
IT-администратор	IT administrátor, Administrátor IS
IT-проджект-менеджер	IT project manager
IT-специалист	IT specialista
SW Developer	SW Developer, člověk, který vyvíjí software
веб-мастер	web-master, webmaster

<i>web-кодеp</i> , веб-кодеp	<i>HTML kodér/ka</i> , <i>Webdeveloper/ka</i>
<i>web-дизайнеp</i> , <i>WEB-дизайнеp</i> , веб-дизайнеp	<i>web designer</i> , <i>web dizajnér</i> , <i>webdesignér</i> <i>webdesigner</i>
<i>web-программист</i>	<i>web programátor/ka</i>
<i>web-продюсеp</i>	<i>web producent/ka</i>
<i>web-копирайтеp</i>	<i>Web copywriter/ka</i>
веб-технолог	o
пейдж-оператор	<i>DTP operátor/ka</i>
инженеp-системотехник	<i>systémový inženýr/technik/ička</i>
системный администратоp, аналитик	<i>systémový administrátor</i> , <i>analytik/ička</i>
системный архитектоp, инженеp	<i>systémový architekt/ka</i> , <i>inženýr/ka</i>
сетевой администратоp	<i>databázový/síťový administrátor/ka</i>
специалист по информационным ресурсам, с. по информационным системам	<i>informační specialista</i> , <i>specialista na informační systémy</i>
специалист по цифровой технике	<i>specialista na číselnou (číslicovou) techniku</i>
специалист по компьютерному дизайну	<i>počítačový grafik</i>
специалист технической поддержки	<i>technik/ička PC - správce/kyně sítě</i>
менеджер по компьютерным сетям	<i>manager/manažer sítě</i>
менеджер по маркетингу и продажам в сфере ИТ	<i>Key Account Manager</i> , <i>marketingový manager</i> , <i>marketingový manažer prodeje IT služeb</i>
менеджер информационных систем	<i>informační manažer</i>
администратоp баз данных	<i>administrátor databázi</i>
оптимизатоp сайта, SEO-оптимизатоp ранк-мастеp <i>Search Engine Optimization (SEO)</i>	<i>vyhledávač</i> , <i>SEO optimizátor</i> , <i>seo-optimizátor</i> <i>Search Engine Optimization (SEO)</i>

Б) С точки зрения **словообразовательной структуры** выделены:

1. однословные (однокомпонентные) номинации;
2. многословные (многокомпонентные или составные) номинации.

1. Сравнение русских и чешских **однокомпонентных номинаций** актуальных профессий во всех трех тематических подгруппах показало, что в обоих языках появляются чаще всего **интернациональные** наименования профессий (латинского/английского происхождения), образованные в обоих языках продуктивными интернациональными суффиксами **-ep// -er/-ér; -op//or; -ант// -ant; -ент// -ent**. Суффикс **-ep// -er** (*дилер/dealer*, *брокер/broker*) заимствован из английского языка и присоединяется к субстантивным основам, которые по своему происхождению английские [Rudincová 85: 2000]. Очевидно, что в чешском языке гораздо чаще употребляются рядом с интернационализмами чешские наименования с чешскими суффиксами **-tel/-č/-ce/-ec/-čí/-ník/-ák-ář** и др. (*ředitel*, *prodavač*, *dovozce*, *obchodník*, *vývojář* atd.) В отличие от русского языка в чешском языке образуется номинация профессии женского пола при помощи суффикса **-ka**, например: *analytik/ička*, *asistent/ka*, *manažer/ka*, *referent/ka*, *promotér/ka* и др. В русском языке встречаются парные названия профессий (с суффиксами **-ша** и **-иха**) только в разговорной речи, например: *бухгалтерша*, *инженерша*, *секретарша* и др.

2. В основе **многокомпонентных номинаций**, обозначающих наименования новых профессий, лежат следующие модели:

а) В русском языке продуктивна модель: существительное в именительном падеже + **по** + существительное в дательном падеже (N prep N), которой в чешском языке отвечает во многих случаях модель: прилагательное + существительное в именительном падеже (Adj.+N), напр., *менеджер по персоналу/personální manažer*, *менеджер по маркетингу/marketingový manažer*, *marketingový manager* и др.

б) В русском языке составные слова (англицизмы), в чешском языке многокомпонентные эквиваленты (чешского или английского происхождения), напр., *офис-менеджер/office manager*, *vedoucí kanceláře*; *брокер-трейдер/obchodník s cennými papíry*; *бизнес-консультант/obchodní poradce* и др. Однако в обоих языках существует сходная модель номинаций: имя прилагательное + существительное (Adj. + N), напр., *финансовый менеджер/finanční manažer/ka*; *туристический агент/cestovní agent*; *рекламный агент/reklamní agent*; *коммерческий агент/obchodní agent* и др.

в) Особенно много новых профессий в обоих языках представляют собой разновидности профессии «менеджер». Менеджер является должностным лицом фирмы и входит в средний или высший руководящий состав. Однословная номинация является семантически полисемной; **человек, руководящий чем-то**, только в словосочетании с другими компонентами возникает номинация с конкретным значением, напр., *менеджер по персоналу/personální manažer/ka*, *менеджер по рекламе/manažer reklamních kampaní (reklamní manažer)*, *финансовый менеджер/finanční manažer*, *бренд-менеджер/brand manager*, *топ-менеджер/top manager/ka*, *экаунт-менеджер/Account Manager* и др.

г) Приведенные в Табл. 3 примеры показывают, что большинство номинаций **ИТ-профессий** возникает в обоих языках синтаксическими отношениями, так наз. **синтаксические неологизмы** или **устойчивые словосочетания**.

д) В этой тематической группе встречаются в обоих языках в номинациях профессий **аббревиатуры**, типичные для английского экономического субъязыка. Основным видом аббревиатур являются инициально-буквенные образования, которые обозначают либо самостоятельные профессии как, напр., *CEO (Chief Executive Officer)*, *CFO (Chief Financial Officer)*, *VAR (value-added reseller)*, либо они являются составной частью многокомпонентного наименования как, напр., *ИТ/ИТ проект-менеджер* и др. Следует отметить, что в текстах на русском языке многие из перечисленных аббревиатур используются в том же графическом варианте (на латинице). В последние годы в деловой прессе обсуждаются возможности их замены аббревиатурами, соответствующих переводных терминологических словосочетаний, например: *ЛП (логистический провайдер)* или *ПЛУ (провайдер логистических услуг)* вместо *LSP (Logistic Service Provider)* [Логистика в России, 2002, No 11].

В) С точки зрения **происхождения наименований** выделены:

1. заимствованные слова – англицизмы, интернационализмы;
2. исконно русские и чешские (собственнорусские, собственночешские).

Большинство названий новых профессий в приведенных сферах рыночной экономики является заимствованными словами – **интернационализмами** и **англицизмами**. В чешском языке в отличие от русского существуют параллельно с интернационализмом или англицизмом его чешские варианты за исключением сферы информатики. В сфере преобладают в обоих языках англицизмы и интернационализмы.

В объявлениях, предлагающих вакантные места, часто встречаются многокомпонентные англицизмы, требующие определенный уровень опыта и знаний кандидата, напр.: **Senior project manager; Senior programmer; Junior programmer**.

В заключение отметим, что самым продуктивным в анализируемых структурах рыночной экономики оказался синтаксический способ образования номинаций новых профессий. Необходимо еще подчеркнуть факт, что пока нет устоявшихся стандартов и во многих новых названиях профессий и позиций появляется наличие нескольких вариантов названий, напр., **агент по трансферту/трансфертный агент/трансферт-агент/агент-трансфер; ресейлер/реселлер/риселлер** (другие примеры в вышеприведенных таблицах).

Использованные источники:

vakant.ru
www.career.ru
www.job.ru
www.itkariera.cz
jobDNES.idnes.cz
www.jobmaster.cz
 электронная версия газеты «Работа сегодня»
 электронная версия журнала «Эксперт»

Использованная литература:

DOKULIL, M., HORÁLEK, K., HŮRKOVÁ, J. KNAPKOVÁ, M. (1986): *Mluvnice češtiny*.
 GAZDA, J. (2002): *Dynamika a internacionalizace slovní zásoby současné ruštiny*. Brno: MU.
 MROVĚCOVÁ, L. (2005): Produktivní internacionální afixy v ruštině a češtině sféry obchodu a podnikání. In: J. Gazda: (ed.): *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky (2)*. Brno: Ústav slavistiky FF MU, s. 70–77.
 RUDINCOVÁ, B.: *Typy pojmenování v současné ruštině*. Ostrava 2000.
 ЗЕМСКАЯ, Е. А. (1996): Активные процессы современного словообразования. In: *Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995)*. М.

Лилия НАЗАРЕНКО

Чехия, Устье-на-Лабѣ

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ РОССИЙСКИХ И ЧЕШСКИХ ПОЛИТИКОВ

ABSTRACT:

The system of metaphorical models is an important part of a national language picture of the world, national mentality. It is closely connected with history and culture of the people, the political situation. In the article the basic metaphorical models of Russian and Czech political discourse and their pragmatic potential are considered. Metaphorical models “the policy is a war”, “the policy is a theatre”, “the policy is a competition” are the most active in both the political discourses.

KEY WORDS:

Metaphor – metaphorical model – political discourse – pragmatics.

Язык политиков является составной частью политической культуры общества. Слово – важнейшее орудие, с помощью которого политики воздействуют на граждан, а язык является важнейшим инструментом политической пропаганды, контролирующей и формирующей общественное мнение. Поэтому язык политиков подвергается пристальному вниманию не только со стороны политологов и социологов, но и лингвистов. Особый интерес представляет лингвокультурологический анализ политического дискурса, так как он представляет собой «путь, по которому мы проникаем в ментальность нации» [Маслова 2001: 3]. Культурологическая маркированность политического дискурса создается системой языковых средств, отобранных под влиянием факторов этнокультурного порядка. Одним из таких средств является языковая метафора. Высокая степень метафорической насыщенности характерна для всех жанров политической коммуникации, будь то парламентские или предвыборные дебаты, официальные выступления или интервью политических лидеров. Не случайно некоторые лингвисты говорят о том, что в современном обществе политика как война за власть в определенном смысле трансформировалась в «войну метафор» [Баранов, Караулов 1994: 12].

Система метафорических моделей – это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей и культурой народа, общественно-политической ситуацией. Метафора всегда бинарна, так как в ее основе лежит взаимодействие в сознании носителей языка двух понятийных сфер. Тот объект, характеристики которого переносятся на другой объект, называется источником (поскольку он служит исходной точкой метафоризации), или метафорической моделью. Предмет или ситуация, которые образно интерпретируются с помощью метафорической модели, принято называть целью или объектом метафорического осмысления [Чудинов 2003: 23].

При сравнении политической метафорики России и Чехии находим как общие, так и отличные черты. Среди метафорических моделей российского политического дискурса самыми распространенными являются модели «*политика – война*», «*политика – театр*» и «*политика – состязание*». В высокой продуктивности модели «*политика – война*» лингвисты видят одно из проявлений милитаризации сознания человека в советском обществе. Советская идеология продуцировала «концептуальный милитаризм» [Баранов, Караулов 1991], который соответствовал ее теории классовой борьбы и реализовался во внутренней и внешней политике государства. В первые десятилетия советской власти военная метафора заполнила все общественное коммуникативное пространство: выступления партийных и государственных деятелей, газетные и публицистические тексты. По некоторым подсчетам, в речах Сталина военные метафоры составляли до 90 % [Виноградов 1994: 46]. Достаточно широкое использование военной метафорики характерно и для современного российского парламентского речевого обихода. В выступлениях депутатов Государственной думы часто встречаются следующие метафорические обороты: *атака на демократию, находиться под огнем критики, выйти из окопов, работать на два фронта, война законов, крестовый поход против бюрократии, торпедировать объективные экономические законы, открытая диверсия, информационная блокада* и др.

Метафорическая модель «*политика – война*» весьма активна и в чешском политическом дискурсе. Это обусловлено, прежде всего, напряженностью политической борьбы между партиями, стремлением политических субъектов занять ведущие позиции, достичь своих амбициозных целей. Например: *V předvolebních zápasech je pak tento postoj kompenzován silnější a drsnější rétorikou, hloubením těžko překročitelných příkopů a bariér vůči ostatním a personifikací politického souboje*; „*Určitě nebudu nutit paní ministryni Třeštíkovou k nějakým harakiri*“, – prohlásil M. Topolánek; *Nesložíme-li dnes zbraně hromadného ničení národní pospolitosti, nedosáhneme ničeho; připravují puč v sociální demokracii; útok na šéfa Paroubka*.

Не приходится сомневаться в том, что «метафорический милитаризм» оказывает воздействие на сознание субъектов политической коммуникации и ориентирует их не на поиски согласия, а на борьбу и конфронтацию.

Политическая жизнь в современной России постоянно метафорически осмысливается как зрелищное представление различных видов и жанров. Метафорическая модель «политика – театр», в отличие от военной метафоры, акцентирует не жесткое противоборство, а лицедейство участников политической жизни, наличие тайных режиссеров и сценариев в политической жизни страны, лживость предвыборных обещаний. Например: *Предвыборный спектакль – в полном разгаре. Артисты, то есть кандидаты всех мастей, сбиваются в труппы, ездят по всей стране, гастрوليруют; Региональные выборы носят характер репетиций накануне всероссийских.* Театр как понятийная сфера создает широкие возможности для реализации эмоционального заряда метафоры. Этому способствует структурированность театрального мира как модели метафоры, достаточное знакомство с ним большинства носителей языка и естественный интерес людей к зрелищным искусствам. Прагматический потенциал этой метафорической модели определяется концептуальными векторами неискренности, фальшивости и искусственности в словах и действиях субъектов политической коммуникации.

Подобный прагматический потенциал несут метафоры сферы «театр» и в чешском политическом дискурсе: *Ministr zahraničí nemá přícházet z okraje politické scény; Ale teď už se hraje druhá věta symfonie. A já ji nemohu hrát stejným stylem jako tu větu první; My nejsme folklorní soubor, kde se všichni drží za ruce a společně pějí; ... tento politický klaun.*

Высокой продуктивностью отличается метафорическая модель «политика – это спортивное состязание». В России и Чехии президентские и парламентские выборы метафорически часто представляются как спортивные состязания: *Борьба во втором туре развернется между политическими тяжело-весами; После выборов НДР оказался в глубоком нокауте; politika začíná připomínat střetnutí nesmiřitelných fanoušků fotbalových klubů; Už sedm měsíců nemáme vládu, která by měla důvěru Poslanecké sněmovny, což je rekord, kterým se chlubit nemůžeme.* Для избирательной кампании, как и для спорта, характерны концептуальные векторы соперничества, стремления одержать победу любой ценой, разделение на «свою команду» и «чужую команду». Особенно часто политические выборы метафорически осмысливаются как соревнования на скорость, преодоление предвыборной дистанции: *Соотношение сил на старте предвыборного марафона особенных сенсаций не обещает; Возглавил список фаворитов предвыборной гонки; volební závody; volební dostihy; jsem v tom tahu na bránu, jak vypočítat ty reformy a jak vyřešit tu kritickou situaci.*

К периферии метафорической модели «политика – это спортивное состязание» можно отнести спортивные и азартные игры. Ср.: *Карта коммунистов бита; разыгрываться будут самые разные карты.* По нашим наблюдениям, в чешском политическом дискурсе чаще, чем в русском, используется метафорическая модель «политика – это игра (азартная)»: *Já zatím nenavrhuji ČSSD odchod do opozice, navrhuji jiné rozdělení karet předčasnými volbami; Jenomže se mu nechtělo jít do riskantní hry; Nepřistupuji na hry Jiřího Paroubka; To je vlastní Paroubkova hra; Politika je něco jako šachová partie; Jiří Paroubek bezesporu*

zvládnul zahájení, nyní je ve střední hře, tam udělal několik chyb a počkáme si na koncovku.

Другими продуктивными метафорическими моделями, являющимися общими в политическом дискурсе чешского и русского языков, являются модели «политика – строительство», «политика – машина, механизм», «политика – движение» и др. Политическая сфера предстает как огромный сложный механизм, состоящий из мотора, рычагов, осей, винтиков и т. п.: *механизмы решения проблем; государственная система дает сбои в своей работе; рычаги власти.* Среди активно используемых в российском политическом дискурсе метафор, относящихся к модели «политика – машина, механизм», особой популярностью пользуются понятия, связанные с образом железной дороги, когда государство, его экономика, государственный аппарат сравниваются с подвижным составом: *Надо этот локомотив, который уже разогнал-ся, толкать в гору, можно сказать, даже плечами; экономика переводится на другой путь; Государственная машина должна асфальт укладывать, а не в асфальт закатывать.* В этой понятийной сфере находится и широко распространенная в русском политическом дискурсе метафора *стрелочник*, например: *найти стрелочника, наказать стрелочника* (в значении *наказать крайнего, т. е. человека, находящегося на низшей ступени иерархической лестницы и наименее защищенного от произвола вышестоящих*). Такая метафора, имеющая ярко выраженные отрицательные коннотации, в чешском материале не зафиксирована.

Сравнивая проанализированные русские и чешские политические тексты, можно отметить, что в российском политическом дискурсе доминирует военная метафора (до 30 %). Для чешской же метафорики характерна, прежде всего, обращенность к бытовым реалиям (около 40 % метафор), например: *Nelámejme nad politikou a politiky hůl; ODS dokázala zamést pod koberec kauzy; Třese se pod Mirkem Topolánkem předsednická židle; že jsem ji (vládu) donesl na stříbrném tácu; ta varianta skutečně na stole není; snaží se přilít olej do ohně probíhající diskuse ve vedení ODS; tady bude dost koryt pro obě strany; taková kritika, ať už je oprávněná nebo neoprávněná, je jakýsi odvodný kanál agrese; No a když v tom Papínově hrnci nemáte nic, z čeho by mohla unikat pára, tak je logické, že ten hrnec pod přetlakem může prasknout.*

Высоким прагматическим потенциалом в текстах политиков обладает прием развертывания базовой метафорической модели, т. е. детализированное описание некоего объекта метафорического осмысления. Развернутое описание, реализуемое в тексте, нередко строится по принципу «метафорической матрешки»: метафоры более высокого уровня (предложение, текст) включают метафоры более низкого уровня (слова и словосочетания). Ср., например, высказывание бывшего премьер-министра Чехии М. Земана: *„Do každé vládní strany vám nalezou kariéristické pijavice. A ty pijavice z těla té strany odpadnou v situaci, kdy je ta strana v opozici. Podobně jako za vlády ODS byla celá řada pijavic v ODS. A ty pijavice se za vlády ČSSD přeprasily, to znamená, že našly k*

nám. Nu a z tohoto důvodu bych opoziční roli nepokládal za zákonnou, ba právě naopak.“

Анализ показал, что политическими лидерами России и Чехии используются образные языковые средства самого широкого диапазона, относящиеся как к разговорному, так и к высокому стилю. Все они обладают прагматическими интенциями, связанными с политической борьбой за власть. Прежде всего, это положительная самопрезентация, создание определенного имиджа оратора, стремление к дискредитации политического противника. В проанализированных метафорах текстов российских и чешских политиков по-разному проявляются универсальные и национально-специфические факторы, свойственные большинству языковых форм. Поскольку метафора является универсальным механизмом познания и осмысления мира, в ней преобладают универсальные компоненты семантики.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАРАНОВ, А. Н., КАРАУЛОВ, Ю. Н. (1991): *Русская политическая метафора: Материалы к словарю*. М.
БАРАНОВ, А. Н., КАРАУЛОВ, Ю. Н. (1994): *Словарь русских политических метафор*. М.
ВИНОГРАДОВ, С. И. (1994): Выразительные средства в парламентской речи. In: *Русская речь*, №1, с. 43–48.
МАСЛОВА, В. А. (2001): *Лингвокультурология*. Москва: Академия.
ЧУДИНОВ, А. П. (2003): *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*. Екатеринбург.

ЗДЕНЬКА НЕДОМОВА

Чехия, Острава

НЕСКЛОНЯЕМЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ПОЛОСАХ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

ABSTRACT:

In the paper the analysis of indeclinable loan-words is carried out, the examples are taken from present time Russian newspapers. In Russian compounding, abbreviation and complex noun formation are frequently used. In this respect, a deviation of Russian from inflexion and increase of analytic and agglutinative elements are observed.

KEY WORDS:

Contemporary Russian – analytism – Russian newspapers – indeclinable loan-words – loan-words of English origin – apositional compounding – equivalents in Czech – comparative analysis.

«В последние десятилетия появился ряд лингвистических работ, посвященных изучению состояния русского языка в конце XX – начале XXI столетия и происходящих в этот период изменений [...]. Авторы этих работ исследуют новшества в лексике русского языка [...], в частности многочисленные иноязычные заимствования, по преимуществу – американизмы, в семантике, словообразовании, грамматике ...» [Крысин 2008: 13]

Одним из наиболее заметных проявлений тенденции к аналитизму в современной морфологической системе русского языка является также резкое увеличение числа сложных лексических единиц – **составных наименований аппозитивного типа**, в которых принимают участие так наз. аналитические прилагательные иноязычного происхождения, стоящие в препозиции и возникшие на базе несклоняемых слов (типа *интернет-продажа*, *бизнес-класс*, *панк-фестиваль* и др.). В научной литературе наших дней подчеркивается именно универсальность такой модели, представляющей собой сочетание двух существительных с формально невыраженной грамматической связью, где первый субстантив служит определением второго.

С конца XX века в русском языке стали интенсивно появляться, по образцу английского языка, многие такие **препозитивные определительные элементы**. В материале нашей выборки русской прессы появились интернациональные словообразовательные элементы, т. е. корневые морфемы разного происхождения (как, например, **климат**-контроль, **премьер**-министр, **пресс**-центр, **секс**-символ, **эконом**-класс, **экспресс**-диагностика и др.). Среди них высокой частотой употребления отличались неизменяемые префиксоиды корневого типа, заимствованные из **английского языка** и связанные с разными тематическими областями. В дальнейшем постараемся проанализировать конкретный языковой материал, полученный в процессе сплошной выборки газет и распределить его в отдельные тематические области.

Объект анализа представляют заимствованные англоязычные элементы, которые в сочетании с нарастающей их самостоятельностью можно воспринимать как своего рода **аналитические прилагательные**, которые в сочетании с существительными выполняют функцию несклоняемых определителей. В русском языке для них характерна свободная сочетаемость как с исконными, так и с иноязычными словами и морфемами, что видно и по нашему материалу, пестрому с точки зрения своего значения.

1. Тематику **экономика, маркетинг и реклама** в нашем материале представляют сложносоставные наименования с неизменяемым начальным компонентом *бренд-, пиар-* (*бренд-менеджер; пиар-агентство*). Б. Рудинцова в своем исследовании [Рудинцова 1998] пришла к выводу, что в коммерческих текстах чаще всего встречаются именно выражения с первым компонентом *бизнес-*, также в нашем материале единиц такого типа очень много (ср. *бизнес-академия, бизнес-класс, бизнес-леди, бизнес-сообщество, бизнес-среда, бизнес-тусовка, бизнес-школа, бизнес-элита*), сюда можно отнести также аналитические конструкции с *офис-* (*офис-дом*) и *прайм-тайм* (*интервью в прайм-тайм*).

2. Область **компьютерной техники** встречалась в текстах масс-медиа в составных наименованиях с неизменяемыми элементами: *веб-, ИТ-* (*веб-сайт; ИТ-работник*). В нашей выборке широко представлены слова с префиксоидом *интернет-* (*интернет-портал, интернет-среда, интернет-форум; интернет-магазин, интернет-продажа; интернет-конкурс, интернет-знакомство*). По данным Е. В. Мариновой, префиксоид *интернет-* может применяться в качестве аналитического прилагательного в сочетании даже с **тридцатью существительными** (как, напр., *адрес, альбом, дневник, жанр, журнал, индустрия, карточка, программа, реклама, рынок, услуга* и др.) из-за «удобства произношения, или для краткости» [Маринова 2008: 228]. Причины автор видит в том, что производное от существительного прилагательное *интернетовский/интернетский* может быть «неблагозвучным и тяжкословесным» для носителей русского языка.

3. В рассматриваемом нами материале в дальнейшем выступает тема **физкультуры и спорта**. Систему упражнений для достижения спортивной формы и стройности выражает *фитнес-* (*фитнес-клуб и фитнес-центр*). Область спорта появляется и в *фарм-* (*фарм-клуб*); *спарринг-* (*спарринг-партнер*);

допинг- (допинг-тест), а также в плей-офф (решающие матчи плей-офф [МЭ 2008, 89: 5]; впервые попал в плей-офф [МК 2008, 18: 52]) или тайм-аут в переносном значении для перерыва в деятельности (Тэтчер взяла тайм-аут [МК 2008, 18: 47]; возьмите тайм-аут, спокойно закройте глаза и уйдите в свою комнату [Зд 2008, 4: 30]).

4. Семантику **моды** и создания моделей и коллекций передает в материале нашей выборки, например, префиксоид *фешн- (фешн-гуру)*. Зарегистрированные нами неологизмы с компонентом *шоп-, шопинг- (шоп-фитнес, шопинг-терапия, шопинг-ходьба)* только на первый взгляд связаны с покупками и торговлей. Но, на самом деле, они представляют модную разновидность **фитнеса**, изобретенную в США и Канаде, которая становится популярной и среди британцев. Суть метода заключается в хождении быстрой походкой по торговым центрам, в поднимании по лестницам и «в *тернии футов веса, а не фунтов стерлингов с кредитной карточки*» [МЭ 2008, 89: 6].

5. В проанализированном нами языковом материале встретилось довольно много лексических единиц, связанных с современной **музыкой** и ее стилями и направлениями: *глэм-, панк-, поп-, рок-, фолк- (глэм-рок; выступали на панк-фестивале; Николь Кидман сыграет поп-певицу; рок-концерт; отличаться от фолк-шоу)* или **кулинарией** *фаст-, черри- (не покупать картофель фри в фаст-фуде; паста с копченой курицей и черри-томатами [МК 2008, 18: 18])*.

Эквивалентами описываемых русских наименований в **чешском языке** могут выступать:

- чешские атрибутивные сочетания типа (*webové stránky, internetový obchod; podnikatelské prostředí, podnikatelská elita, kancelářská budova, hlavní reklamní čas; dopingový test, tréninkový partner; punkový festival, popová zpěvačka, rockový koncert; rychlé občerstvení*);
- чешские словосочетания (*akademie pro podnikatele; známost z internetu*);
- однословные эквиваленты в чешском языке (*podnikatelka*);
- лишь частично адаптированные английские составные наименования (*brand manažér; fitness centrum; cherry rajčata*);
- неологизмы в оригинальном написании, т.е. с нулевой адаптацией в чешском языке (*brend manager; sparingpartner, play-off, time-out*).

Из всего вышесказанного вытекает, что составные наименования аппозитивного типа **более характерны для русского языка**, чем для чешского. Так как в чешском языке преобладает принцип флективности, с их употреблением встречаемся лишь в редких случаях.

Перечень всех зарегистрированных нами англоязычных морфемных элементов, выполняющих функцию аналитических прилагательных в современной прессе, полностью соответствует гипотезе Й. Газды об их **нарастающем числе в современном русском языке** «по мере вхождения в русскую лексику новых слов, заимствованных из других языков» [Gazda. 2002: 96].

Рассматриваемые слова-морфемы, вокруг которых группируются серии составных наименований аппозитивного типа с заимствованными компонента-

ми, появляются сначала в **сфере профессионального общения**. Откуда эти неологические образования вводятся посредством масс-медиа в более широкий речевой обиход, но они все-таки остаются **стилистически маркированными**.

Высокая частотность их применения в современном русском языке связана с тем, что они являются **средством языковой экономии**: они способны сжато и точно выразить семантику, обозначающих ими фактов и явлений.

Степень активности отдельных неологизмов данного типа в русском и чешском языках зависит, конечно, от многих факторов (как, напр., ценность данных слов для обоих языков, актуальность обозначаемых ими понятий, ассимилированность, прочность их связей с системой языков-получателя).

Использованные источники:

- [Зд] – Здоровье для всех 2008, 4
[КП] – Комсомольская правда в Северной Европе 2008, 17
[МК] – Московский комсомолец – Эстония 2008, 18
[МЭ] – Молодёжь Эстонии 2008, 89

Использованная литература:

- GAZDA, J. (2002): *Dynamika a internacionalizace slovní zásoby současné ruštiny*. Brno: Masarykova univerzita, 121 s.
RUDINCOVÁ, B. (1998): Составные наименования в современном русском языке (на материале языка прессы их экономической и коммерческой сферы). In.: *Porovnávací opis statiky a dynamiky súčasného ruského jazyka z teoretického a praktického hľadiska. Zborník materiálov z medzinárodnej konferencie*. Bratislava: STIMUL, s. 129–133.
ГРАУДИНА, Л. К., ИЦКОВИЧ, В. А., КАТЛИНСКАЯ, Л. П. (2004): *Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов*. М.: Изд. Астрель, 555 с.
МАРИНОВА, Е. В. (2008): *Иноязычные слова в русской речи конца XX-начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования*. М.: Изд. ЭЛПИС, 493 с.
КРЫСЫН, Л. П. (отв. ред.) (2008): *Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков*. М., 709 с.

МАРИНА РАДЧЕНКО

Хорватия, Задар

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕКСТАХ ИНТЕРНЕТ- ФОРУМОВ

ABSTRACT:

The article analyses various types of foreign elements (loan words, mainly English, of various structure and of research area, foreign prefixes, foreign graphic elements) used in texts presented on Russian spoken Internet web-forums. Implementation of foreign origin morphemes in formation processes of new words is discussed as well.

KEY WORDS:

Russian language – Internet – web-forum – foreign words – Latin alphabet – foreign prefixes – word formation – affixation – composition – word play – occasional words.

Одним из наиболее показательных явлений, характерных для нынешнего состояния русского языка, является активизация процесса заимствования иноязычных элементов (в первую очередь из английского языка). Наблюдается проникновение иноязычной лексики в разные области человеческой деятельности и в разные варианты общенародного языка – литературный язык (как книжный, так и разговорный) и субстандарт (жаргоны). Иноязычное влияние проявляется не только на уровне лексики, но и в других языковых сферах (графика, словообразование). Иноязычные элементы широко распространены в текстах интернет-коммуникации, в том числе на форумах, являющихся в настоящее время одной из наиболее популярных форм виртуального общения. Деятельность форума заключается в создании пользователями тем в предлагаемых разделах и с последующим обсуждением внутри этих тем. В данной работе рассматриваются особенности функционирования иноязычных элементов в текстах, создаваемых на так наз. общих форумах, где участникам предоставляется возможность обсуждать широкий круг вопросов, относящихся к различным сферам современной жизни. Материалом для наблюдений послужили записи на следующих форумах: Форум Санкт-Петербурга [<http://spbtalk.ru/>], Нева-Форум [<http://nevaforum.ru/>] и PiterTalk.Ru [<http://forum.pitertalk.ru/>].

В «электронной» речи посетителей форумов активно используется сетевой жаргон, а особенно часто употребляются лексемы английского происхождения, обозначающие специфику общения на форуме: *топикстартер* – ‘пользователь форума, открывший новую тему’ (от англ. *topic starter*), *тред* – ‘последовательность ответов на сообщение, то есть «ветвь обсуждения»’ (от англ. *thread* – ‘нить’), *оффтопик* (*оффтопик*, *оффтоп*) – ‘любое сетевое сообщение, выходящее за рамки заранее установленной темы общения’ (от англ. *off topic* – ‘не по теме’), *флуд* – ‘бессмысленные сообщения на форумах или же многократное повторение однотипных сообщений’ (от англ. *flood* – ‘наводнение’), *флейм* – ‘жаркие или эмоциональные споры с нарушением правил форума, «словесная война»’ (от англ. *flame* – ‘огонь, пламя’), *бан* – ‘запрещение пользователю форума публиковать свои сообщения (за нарушение правил форума)’ (от англ. *ban* – ‘запрещать’, ‘запрещение’) и др. Это графически (орфографически) и грамматически освоенные слова, от которых в русском языке образованы многочисленные производные: Господа **флудеры** и госпожи **флудерши**, а давайте поговорим о сплетнях... **Нафлудили** десять страниц! Опять в теме **флудильню** устроили. Предупреждал же: не **флеймить**! **Топикстартер** уже решил свою проблему. **Забанили** его вчера на месяц ... **Оффтоп** из разных тем будет сливаться сюда. Не будем **оффтопить**.

Новые или малоупотребительные иноязычные слова часто встречаются в темах, посвященных обсуждению вопросов, касающихся политики, идеологии, экономики, а также моды, музыки и спорта: Американцы вообще любят **брэйнвош**, это их стиль. Ваши слова – бездушная пропаганда **прокиллойса**, сравнивающего эмбриона с паразитом. Никто мне не подсказал, где в городе хорошие места для закупок еды и покупок одежды, так что **лайфхакинг** не получится. **Бодифлекс**, кто пробовал? Занимаюсь **кайтингом** и **вейкбордингом**. Семантика таких слов может быть неизвестна большинству носителей языка, о чем свидетельствуют сообщения посетителей форума: Кто такой **мерчендайзер**? Минутный стыд спросить, вечный стыд не знать ... (название темы в разделе «Работа, карьера») или Стесняюсь спросить: а что такое **джамперы**? А **кайтинг** это что? В некоторых случаях иноязычное слово сопровождается пояснениями автора: Пользуюсь услугой **Колбэк** (обратный звонок) почти два месяца.

Наряду с лексемами, заимствованными русским языком с целью удовлетворения потребности в наименовании новых реалий, в текстах интернет-форумов нередко употребляются иноязычные слова, представляющие собой вторичные номинации предметов или понятий, для обозначения которых в русском языке уже имеются однословные наименования: Вот такая **ситуэйшен** ... Девушки, смешно смотреть, как вы здесь с умным видом ищите себе оправдание, почему вас, таких белых и пушистых, жизнь по столу **фейсом** водит. Помогите vybrать **презент** для мужа! Разговаривала с учителем дочки, та уверяет, что на уроках все хорошо, отношения с одноклассниками тоже **гуд**... **Хэлп!** Виснет компьютер! Посетители форумов часто используют этикетные формулы иноя-

зычного происхождения (приветствия, прощания и т.п.): *хай, бай, сорри/сори* 'виноват, простите', *сэнкс/сенкс* 'спасибо', *вэлкам/велкам* 'добро пожаловать' и т. п.

При существующей активности процессов заимствования современная языковая ситуация характеризуется письменной нестабильностью лексем иноязычного происхождения, выражающейся в одновременном функционировании на письме графических вариантов слов, например: *Фильм скучный, экшена нет в принципе... Отличная история, подобный экшн был у всех.*

Нередко иноязычные слова приводятся в графически неадаптированном (неосвоенном) виде с сохранением исконного графического облика. Это могут быть названия различных зарубежных фирм и торговых марок, технических устройств, приспособлений, слова из мира моды и т. п.: *Land Cruiser покупать не собираюсь. Счастливые владельцы телефонов Nokia, расскажите о достоинствах и недостатках этого производителя! Давно мечтаю приобрести оригинальную сумочку Gucci.* Однако во многих случаях подобные иноязычные представлены с помощью русского алфавита с приблизительным сохранением звукового облика: *У моей сестры холодильник Бош. Пользуюсь косметикой Диор, довольна. Купила тушь Мейбеллин и пудру Живанши.*

В текстах интернет-коммуникации встречаются и англоязычные вкрапления на уровне словосочетания или предложения: *Ура! Меня отпустили с работы! O my lucky day! Я всегда говорила: If you want something done do it yourself! То бишь, хочешь что-то сделать – сделай это сам... Up to you, собственно, что думать и как... Must have этой осенью* (название темы в разделе «Мода»). Английские словосочетания и предложения также могут передаваться в тексте русской графикой: *Ложусь спать, и тут начинается такой психоделик экспириэнс. Пытаюсь уснуть, но мой мозг генерирует поток всяческих визуальных образов... Последнее сообщение вообще но коментс! У меня такой же вопрос: Ху из им?* Основная причина употребления иноязычных вкраплений заключается в желании коммуникантов привлечь внимание к своему сообщению, придать ему особую выразительность. Экспрессивно звучащие единицы создаются и в результате побуквенной передачи иноязычия с целью создания варианта полностью освоенного в литературном языке заимствования (ср. *месседж* – *мессага*, *менеджер* – *манагер*, *компьютер* – *компутер* и др.): *Прочитал мою мессагу? На работе ремонт, и манагеры в нашей комнате сидят ... Пришел тут ко мне знакомый посоветоваться насчет покупки компютера ...* Подобные употребления обычно представляют собой проявление языковой игры.

Игровое начало на данном этапе развития интернет-коммуникации является наиболее креативным процессом в плане словообразования. Игра как составляющая компьютерного общения влияет на формирование языковой системы в Интернете, на поведение общающихся в Сети и создаваемые ими тексты. Современная русская речь проявляет большую терпимость к иноязычным заимствованиям, что подтверждается ростом количества окказионализмов с иноязычными компонентами, в том числе и новообразований, включающих в свой состав морфемы, оформленные по законам русской и иноязычной

графики. Таково, например, шутовское новообразование **любовь-light** – ‘влюбленность’, образованное путем присоединения к исконно русскому слову английского прилагательного *light* в значении ‘легкий (о пище)’ (ср. *Coca-Cola Light*): *Так я о влюбленности и говорил! Я и обозначил ее любовь-light!*

В некодифицированной речи участников коммуникации на форуме встречаются гибридные дериваты, в которых с русскими формантами соединяются графически не освоенные аббревиатуры, напр., *MLM* (англ. *Multi-Level Marketing* – ‘многоуровневый маркетинг’) и *CD-RW* (англ. *Compact Disc ReWritable* – ‘компакт-диск с многократной записью’): *Предложение без всякой предварительной информации прийти куда-то, где вам все расскажут и покажут – типичный прием MLMщиков и сектантов. Пользуетесь ли Вы еще CD-RW-шками?* Графически неадаптированные иноязычные элементы функционируют и в составе сложных слов в виде одного из корней: *На основании собственного опыта привожу небольшой обзор использованных мной GPS-приемников.* Отмечены также случаи присоединения русских флексий к иноязычному слову, сохраняющему написание латиницей: *Гиды – это самые обычные freelancerЫ!*

На окказиональное словотворчество участников коммуникации на форумах оказывают влияние не только иноязычные элементы английского происхождения. Активизация процесса именной префиксации привела к повышению продуктивности заимствованных препозитивных морфем. В исследованном материале широко представлены окказиональные новообразования с префиксами *гипер-, мега-, сверх-, супер-, ультра-*, которые обладают значением интенсивности, обозначают нечто, превосходящее обычные размеры, обычную меру: *Твоя супертупость и суперупертость поражают! Мега-ремонт я делать не собираюсь. Ехать в Крым на поезде – это ультраскучно!* Экспрессивность окказионального слова усиливается, когда оно образуется неузואльным способом, например, одновременным присоединением нескольких префиксов к производящей основе: *Иной раз серенький мышончок намного привлекательнее и милее супермегаультракрасавиц с растущими от ушей ногами. Веселый поселок – вполне нормальный район, а и всякие супергипермегамаркеты недалеко.*

В заключение отметим, что активное употребление иноязычных элементов в электронной сетевой коммуникации, в том числе на русскоязычных интернет-форумах, связано с глобальной тенденцией интернационализации современных языков. Иноязычные слова различной структуры и семантики, преимущественно заимствованные из английского языка, а также иноязычные префиксы и графические элементы особенно широко используются в тех сферах, которые рассчитаны на языковую игру и языковую креативность.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВАЛГИНА, Н. С. (2001): *Активные процессы в современном русском языке*. М.
 КРЫСИН, Л. П. (1996): Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни. In: *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. М., с. 142–161.
 КРЫСИН, Л. П. (2007): Об интернационализации фонда словообразовательных морфем. In: *Современное русское языкознание и лингводидактика. Вып. 2. Сборник научных трудов, посвященный 85-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского*. М., с. 69–72.

ИРИНА ИВАНОВНА РУСИНОВА

Россия, Пермь

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «БОЛЕЗНЬ, ПРИЧИНЕННАЯ МАГИЧЕСКИМ СПОСОБОМ» (по данным пермских говоров)¹

ABSTRACT:

The article deals with analysis of dialect vocabulary of the Perm Region, reflecting ancient views about damage to health with use of magic means. The magic dialect vocabulary denotes harmful and good influence, their subjects and objects. The magic semantic field of Perm dialects includes a great number of words frequently used in the regional language.

KEY WORDS:

Magic – magic vocabulary – semantic field – Russian Perm Region dialects.

Изучение семантической системы языка, ее функционирование – одна из важнейших, первостепенных задач языкознания. Исследование семантической системы языка производится посредством выделения отдельных семантических полей различного объема: от лексико-семантических групп в пределах одной части речи и расширенных лексико-семантических полей, объединяющих семантически сходные слова разных знаменательных частей речи, до межуровневых семантических полей [Гайсина 1981: 3].

Наше исследование посвящено описанию небольшого участка семантического поля «Болезнь» диалектной лексической системы северной части Пермского края. В основу работы положены материалы «Словаря говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области» (далее – АС), картотеки «Словаря чердынских говоров» (далее – КСЧГ).

Обращение к пермскому диалектному материалу для демонстрации словарного состава диалектного языка в немалой степени обусловлено его хорошей сохранностью. Пермские северные говоры, представляя собой вторичное об-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке АБЦП РНП № 2.1.3/2175, № 2.1.3/483, грантов РГНФ №№ 08-04-82404 а/У, 08-04-82408 а/У, 08-04-82410 а/У, 09-04-82402 а/У, 09-04-82403 а/У

разование, возникшее на базе синтезирования элементов различных севернорусских и среднерусских говоров, складывались и развились в самобытную систему, сохранив многие архаичные языковые явления, в том числе прямо или косвенно связанные с древнейшими культурными представлениями и аксиологическими аспектами бытия.

Лексика народной медицины дает весьма значительный материал для исследования особенностей духовной культуры жителей региона. Обращает на себя внимание наличие в северных говорах большого пласта лексики, отражающей древние магические представления о болезни. Эти воззрения, по мнению Э. Б. Тайлора, зародились на самой низшей из известных ступеней цивилизации. Начиная от этого уровня, ее (магию – авт.) можно проследить и выше, так как многие приемы и навыки дикарей и дальше продолжают сохранять свое место без существенных изменений [Тайлор 1989: 92].

Так, жители деревень Пермского края верят в существование колдунов, людей обладающих сверхъестественными знаниями и возможностями, верят в то, что колдун может причинить вред, прежде всего здоровью человека или домашнего животного. В лексике говоров эти воззрения нашли свое отражение. В них многочисленны глаголы со значением ‘причинить заболевание с помощью колдовства’ (**ис-, за-, о-, при-, с)колдовать, изурочить, (ис-, по-, с-)портить, озевать, (с-)глазить**. *У ё, говорят, что тихо помешательство, говорят, что её испорчено, испортили её* [АС 1990: 25]. *Она меня приколдовала. У меня заболело всё; Вот ты сидишь, и на тебя зевнут. Придёшь домой – и то заболит, и друго заболит. Изурочат, значит; Вы уж к ним не ходите. Спортят они девку-то, черта посадят; Таня Квашнина, с чёрным глазами она. Она любит детей, всё ласкает. Уйдёт она – ребёнок ревёт. Она не знает, что она глазит* [КСЧГ].

В соответствии с этими древнейшими представлениями, болезнь виделась результатом внедрения колдуном в нутро человека нечистой силы (чертей, бесей), которые и вызывали болезненное состояние. В говорах зафиксировано несколько слов, обозначающих эти состояния. Во-первых, это слово **кила**, называющее опухоль, возникающую в результате магического воздействия одного человека на другого. *От тяжести бывает грыжа, а килу садят; Кила выходит в пах, а грыжа в пуп; Кила вот, она болит. На-ко вот с кулак шишка растет, мяккая*. Слово **кила**, по данным словаря, входит в ряд устойчивых сочетаний. ♦ **Садить (поставить, привязать и т.п.) килу** в значении ‘вызывать (вызвать) у кого-л. такую болезнь с помощью колдовства’. *Раньше это были колдуны, садили друг другу килы-то; Отец не знал, а хвастал. Мужик посадил (ему) в рот килу; Раньше были еретники, колдуны. Они насадят килу, наговорят, напортят человеку; Килу привязывают к скотине и к человеку; Навредит человек другому, он ему килу поставит* [АС 1990: 41].

Зафиксированы в пермских северных говорах и однокоренные образования, обозначающие человека, страдающего киллой, грыжей. С **килой**. **Килова-той** называется человек; *Свекор же скоропостижно умер. Он килун был* [АС 1990: 42].

Можно назвать слова другого корневого гнезда, отразившие в своей семантике магические представления о болезни. **Икота, икотка** 'нервное заболевание, вызванное колдовством (встречается обычно у женщин), часто сопровождающееся чревовещанием'. *Вот она говорит, у ей икота. Страшно прямо: косотат её всяко, ломат. Сама себе не рада, кричит; Икота только у женщин бывает* [АС 1990: 21]. *Икотки и называются. Каким-то не своим голосом заговорят, каким-то как будто внутренним каким-то голосом. Вот это вот вроде как испортили человека* [КСЧГ].

Слова **икота, икотка** являются в говорах многозначными. Они могут обозначать нечистого духа, поселяющегося в человеке и вызывающего такое заболевание. *Она сама-то не говорит, а это в ней икота говорит. Икота из желудка говорит – молодчик Ваня себя называет. В старухе сидит. Она (старуха) только рот раскрывает; Икота разговаривает человеческим голосом. Могут обозначать человека, страдающего такой болезнью. На Ваю к этой икоте я ходил; Смолоду старухи были икоты* [АС 1990: 21]. *Икотки и называются. Каким-то не своим голосом заговорят, каким-то как будто внутренним каким-то голосом. Вот это вот вроде как испортили человека* [КСЧГ]. Существуют и другие лексические единицы с указанным корнем. **Икотиться** 'страдать болезнью – икотой'. *Каку-то икоту ей пустил, икотится она. Икотный* 'страдающий болезнью – икотой'. *У нас в деревне вообще нет никаких икотных* [АС 1990: 21]. **Икотник** 'колдун'. *Старика икотника одного не взяли на свадьбу, вот он сани-то и приморозил свадьбе-то* [КСЧГ]. ♦ **Икоту посадить, пустить** 'колдовством вызвать в ком-л. такое заболевание'. *Какой-то мужик в Сыпучах посадил икоту-то ей; У нас на Вае один колдун икоту ей пустил.*

Много в пермских говорах лексем, называющих людей, обладающих сверхъестественными возможностями. Обращает на себя внимание группа однокоренных названий с корнем *зн-*: **Знаткий, знаткой**, в знач. сущ. *Если знаткие, которые много знают – знахарки; Колдуны-де много слов знают, знаткой человек. Знахарица. У её бабушка знахарица хорошая. Потерялась корова, она говорит: иё повешали* [АС 1984: 34]. **Знатливый**, в знач. сущ. *Он не знатливый, а он лекарь. Он только лечит, делает хорошее дело.* [КСЧГ]. **Знатный**, в знач. сущ. *Она всё знатная. Её ко скоту, к народу возили* [КСЧГ]. **Знаток**. *Был у нас тут Ваня Демид. Дак он вот тоже был отправлен. Его кто-то отправил, знаток. И он всё ходил по лесам* [КСЧГ]. **Знающий**, в знач. сущ. *Знающий может болезнь на вас нагнать, испортить* [КСЧГ].

Особой магической силой для древних людей обладало слово, «которое могло как принести спасение, так и навлечь несчастье, болезнь, испортить охоту, помешать пахоте или получению хорошего урожая» [Маковский 1996: 15]. Эти представления о могучем воздействии слова нашли отражение в названиях тех, кто излечивает магическим способом – путём произнесения магических текстов (заговоров и т.п.). **Словник** 'человек, который занимается лечением заговорами'. *Он словник. Людей лечит, заговаривает. Словница, словеница.* Женск. к словник. **Словнича** *лечит, бабушка стара; У нас тутoka словнича была,*

старуха. Она сказала, что девке порча посажена в ухо [АС 2003: 97]. А слова лечебные я не знаю. У словениц надо спросить, кто слова знает [КСЧГ]. **Слов-ищица**. Коренная словищица. Ну, так я с зубом ревела. А в Амборе коренная словищица к зубам. Стала говорить – я вся испозевалась [КСЧГ].

В словарных статьях Акчимского словаря не нашла отражения исходная лексема слова (*урошние слова, бесинские слова*) в значении 'тексты магического характера', которая широко представлена в других пермских говорах. Об этом свидетельствуют лексические материалы, собранные для создаваемого в Пермском государственном университете «Словаря чердынских говоров». *Колдуны были раньше ... Имели они какие-то слова. Скажет слова – и командует над человеком и над скотиной; Тогда он [колдун] велел ей в пасть собаке лезть. Девка домой вернулась в два часа ночи и сразу впала в морок. Отец девку сильно бил, потом над ней двенадцать книжочек прочитал, чтобы бесинские слова она забыла*; [КСЧГ]. Чаще всего эта лексема выступает в составе устойчивых сочетаний *знать слова, говорить (сказать) слова, дать (давать) слова, брать слова*.

Некоторые из данных сочетаний подаёт К. Н. Прокошева во «Фразеологическом словаре пермских говоров». **Дать (давать) слова**. Сделать заговор от какой-л. болезни. *Дала она мне слова, и сразу зуб болеть перестал* [Прокошева 2002: 99]. Можно привести и примеры из КСЧГ. *Которые урошние слова знают, снимают килу; Клавой зовут. Не колдунья, а лечит. Слова у неё берут. Сама была с головой – помогало; Дак где-ко слова дают, какие-то урошние слова. Часто зубы заговаривают; Я вот тоже один раз, маленькая ещё, мучалась зубами. Дядя мне слов наговорил в первый день. На второй перестала мучаться зубами. А он мне квас дал на дорогу. Так и в туесок тоже слова сказал. Так и отпустило*.

Встречаются в пермских говорах и другие лексические единицы магического характера, образованные от слов со значением речи: **Шептарь**. В больничу не бывала, к шептарям ходила. К шоптуньям её водили, лечили. **Шептунья**. Какие-то бабушки были шоптуньи. В Бигичах одна шопцёт, всё от порцёв лечит. **Шептуха**. Лекарка – которая лечит, шоптуха – которая шепчет, чё-ко заговариват, знахарка [КСЧГ].

Как видно из обзора небольшого участка лексики семантического поля «Болезнь» северной части русских говоров Пермского края, словарный состав отражает магические представления жителей края о болезни. Эти представления уходят своими корнями в глубокую древность, в первобытное состояние человеческого общества, когда люди обладали мифологическим мышлением, самой древней формой общественного сознания.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ГАЙСИНА, Р. М. (1981): *Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке*. Саратов.
- МАКОВСКИЙ, М. М. (1996): *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов*. М.,
- ПРОКОШЕВА, К. Н. (2002): *Фразеологический словарь пермских говоров*. Пермь.
- Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Вып. 1-5. Пермь. 1984–2003 – АС.
- ТАЙЛОР, Э. Б. (1989): *Первобытная культура*. М.

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СНИГИРЕВ

Россия, Екатеринбург

ФЕНОМЕН ДМИТРИЯ GOBLINA ПУЧКОВА: ПРОБЛЕМА АВТОРСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

ABSTRACT:

The paper is devoted to the phenomenon of Dmitry Goblin Puchkov that has made his own author's translations of the world's famous film adaptations of books, e.g. The Lord of the Ring film adaptation by Peter Jackson, or Matrix, South Park etc. D. Goblin Puchkov elaborates his own nomenclature of terminology: the right translation, alternative translation, funny translation, official translation, polyphonic translation, translated within half an hour, the tenth film for the day.

KEY WORDS:

Dmitry Goblin Puchkov – translation – alternative translation – adaptation – author's translation – the right translation – funny translation – mass culture – The Lord of the Ring.

Дмитрий Goblin Пучков на данный момент является одним из самых раскрученных творческих «брендов» в сфере российской масс-культуры в целом и сферы перевода в частности. Начав, как и многие, с переводов зарубежных фильмов (правда, несколько позже того же знаменитого Володарского или Михалева), Д. Goblin Пучков сделал «альтернативный», юмористический перевод первой части трилогии Питера Джексона «Властелин колец», после чего достаточно «интеллектуальный» фильм посмотрела почти вся страна. После чего автор закрепил успех и стал активно сотрудничать со многими телевизионными каналами, переводя уже не только фильмы, но и сериалы («Клан Сопрано», «Южный парк» и т. д.). Но не только DVD с узнаваемым логотипом и надписью «В переводе Гоблина», но и книги, компьютерные игры и сайт www.opreg.ru давно стали неотъемлемой частью отечественной масс-культуры. При этом большинство того, что создается или самим Дмитрием Goblinom Пучковым или выходит из его творческой студии «Божья искра» является вторичными жанрами – переводы фильмов, написание текстов к компьютерным играм, тексты «по мотивам» («Братва и кольцо»), или же «разговорам на заданную тему» («Мужские разговоры за жизнь», «За державу обидно»).

Во всех проявлениях своего творчества Д. Goblin Пучков постоянно обращается к номинации того, чем он занимается. Прежде всего, он употребляет термины, связанные с переводами в своей работе: так, один из героев фильма «в смешном переводе» говорит другому: «Привези только что-то очень смешное, но только в переводе Гоблина» («Две сорванные башни»), в книгах (издательство Астрель-СПб не без ведома автора подзаголовком дает: «Книги в смешном переводе Гоблина»). На «пиратских» дисках, которые распространяются повсеместно постоянно присутствуют надписи, определяющие автора и жанр: «В правильном переводе Гоблина», «В альтернативном переводе от Гоблина» и т.д. Даже на своем сайте на www.oper.ru он выделил особую ветвь дискуссии «Вопросы Gobliny про переводы фильмов», где каждый желающий может задать вопрос и получить ответ в той или иной форме (отметим, что на данный момент эта ветвь насчитывает 42 страницы, что достаточно много такого вида диалога).

В авторскую понятийную парадигму, связанную с жанром «перевода», входит достаточно много терминов, каждый из которых имеет свое особое значение. Перечислим основные из них: «правильный перевод» («правильный перевод от Гоблина»), «смешной перевод» («Альтернативный перевод», «Смешной перевод от Гоблина», «Книги в смешном переводе Гоблина»), «Пересказ» («Авторский перевод», «Переведено за полчаса», «Десятый фильм за день», «Переведено в подвале общаги под одеялом»), «Профессиональный перевод» («Дубляж», «Полный дубляж», «Многоголосый перевод», «Официальный перевод»).

Рассмотрим в обратной последовательности данные авторские термины и их смысловое наполнение.

«Профессиональный перевод» для Д. Goblina Пучкова имеет двойное значение. С одной стороны, это переводы Михалева, Горчакова, Володарского («За все, что ими было сделано тогда, отношусь с уважением. С переводами этих людей я посмотрел лучшие фильмы из тех, что довелось видеть» <http://oper.ru/torture/print.php?t=1045689061>, здесь и далее – ссылки по данной странице – А. С.), с другой – переводы, осуществляемые профессиональными студиями. И если в первом случае оценка положительная, хотя с небольшими оговорками («Однако сейчас на дворе совсем другие времена. И планка качества стоит на совсем другой высоте»), то во втором исключительно отрицательная, автор проводит даже сравнение с песней группы Nirvana, из которой изъят голос Курта Кобейна и заменен на голос Филиппа Киркорова. Одной из важнейших претензий к такого рода переводам Д. Goblina Пучкова в том, что в них нет адекватного перевода ненормативной лексики («А правда, что пьяные матросы изъясняются как на светском рауте?» спрашивает один из героев «Двух сорванных башен»), в то время как сам он настаивает на полном переводе данного рода лексики.

«Пересказ» является по мнению Д. Goblina Пучкова результатом своеобразия российского кинорынка, когда «человек одевал наушники, включал видеодиск, смотрел фильм и по ходу дела переводил ... в результате получает не пе-

ревод, а приблизительный пересказ», кроме того играет роль качество копии (обычно это так называемая «экранка»), большое количество переводимых фильмов в день и так далее. Прибегая опять к экспрессивной оценке, Д. Goblin Пучков имитирует речь такого переводчика: «Копия была – отстой, ни фига не разобрать, плюс ребята в комнате бухали, я сам два стакана принял», но все равно три фильма перевел».

«Смешной перевод» является авторской находкой Д. Goblina Пучкова и вскоре породил множество эпигонов (самый известный – «Терминатор» в переводе «Хоббита» и «Ночной базар» в «Дозора», перевод которого «с русского на русский» сделал коллега Сергея Лукьяненко, писатель и сценарист Александр Бачило). Первым таковым переводом стала работа с первой частью трилогии «Властелин колец» (режиссер Питер Джексон), которая стала называться «Братва и кольцо». Произведение, полностью пародирующее тот или иной текст целиком – не редкость, и на текст Дж. Р. Р. Толкина таковые неоднократно писались (самое известное – «Тошнит от колец» Д. Кении и Г. К. Бэрда). По замыслу Д. Goblina Пучкова это был «стеб над кривыми переводами доморощенных «переводчиков» и дебилами, которые обожают кривые «авторские переводы». Народ решил, что это «смешной перевод». И произведение немедленно зажило своей собственной жизнью, вне зависимости от моих желаний». Впоследствии автор закрепил и повторил этот успех, не только переработав все три части «Властелина колец», но и другие «культовые фильмы» – «Матрицу» и первую часть «Звездных войн», а затем издал в виде книг свои переводы «Властелина колец».

«Правильный перевод» для Д. Goblina Пучкова – очень важное понятие, он даже попытался определить, почему перевод должен быть именно таким, и дать его определение. Для начала он определяет свою роль как переводчика: «Я считаю, что фильм снимает режиссер по задумке сценариста. А задача переводчика – переводить, а не строить из себя цензора»; «Закадровый перевод в один голос считаю наименьшим злом. Он позволяет сохранить оригинальные голоса актеров, а это очень важно для правильного восприятия фильма». А затем уже дает свое определение того, чем он занимается: «Правильный перевод – это перевод за кадром в один голос. А лучший закадровый перевод – это такой, который перестаешь замечать через пять минут после начала просмотра». Кроме того, переводчик не должен ничего пропускать при своей работе – в том числе и пресловутую «ненормативную лексику», необходимость которой в некоторых фильмах Д. Goblin Пучков отстаивает постоянно, указывая на его стилиобразующую («Криминальное чтиво», «От заката до рассвета») или сюжетообразующую функцию (полнометражный «Южный Парк»).

Таким образом, мы видим, как выстраивая парадигму терминов, связанных с переводами, Д. Goblin Пучков дает возможность всем, кто знакомится с его творчеством сделать однозначный вывод. А именно вывод о том, что именно тот тип перевода, – «Правильный перевод» – которым занимается он, является наиболее верным и, допустим тавтологию, «правильным». Но насколько данная проблема на самом деле связана с эстетической позицией автора? Тип

творческой личности Д. Goblina Пучкова, направленный прежде всего на само-рекламу (о чем говорят, например, выбор фотографий для книг – скажем, для издания «Братвы и кольца», «Двух сорванных башен» и «Возвращения бом-жа» автор снялся в немецкой каске времен Первой Мировой Войны и тельняшке), дает возможность предположить, что эстетическая позиция тут является скорее поводом, чем причиной терминологического спора. Необходимо учитывать и то, что автор переводит достаточно популярные у среднестатистического зрителя жанры – боевики, триллеры, фантастику, комедии, полнометражные мультфильмы и сам признается, что некоторые другие жанры ему недоступны («Шекспира переводить не способен – ни познаний соответствующих, ни требуемых умений нет»). Следовательно, проблема жанрового самоопределения для Д. Goblina Пучкова является своеобразным рекламным ходом, подводящим зрителей (читателей) к однозначному выводу о том, что фильмы необходимо смотреть именно в его, Д. Goblina Пучкова, «правильном переводе».

Людмила Соучкова

Чехия, Прага

АНГЛИЦИЗМЫ В ОБЛАСТИ КИНО И ТЕАТРА В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ¹

ABSTRACT:

The article concentrates on the influence of English on Russian and Czech in the cinema and theatre terminology. It analyses the difference in usage of loan words in Russian and Czech. It describes the usage of serious and yellow press newspapers and journals. Also, research was carried out analyzing how different age groups in both countries understand the meaning of English loan words related to cinema and theatre.

KEY WORDS:

Influence of English in Russian and Czech – loan words related to cinema and theatre.

Англицизмам в русском и чешском языках уделяется довольно много внимания, однако мы не сталкивались с работами, которые бы специально сосредотачивались на англицизмах в языке кино и театра. В то же время в рецензиях, посвященных кино и театру, англицизмы встречаются в большом количестве, прежде всего в русском языке. Нас интересовало, какие существуют различия в использовании англицизмов в области кино и театра в русском и чешском языках, насколько носители обоих языков понимают значение данных слов и есть ли различия в употреблении англицизмов в зависимости от характера источников (например, в специализированных журналах и журналах для широкой аудитории).

В течение нескольких лет исследования мы столкнулись с достаточно большим количеством слов, заимствованных из английского языка. Многие слова встречаются в обоих языках, однако количество англицизмов, обнаруженных в русских источниках, немного больше. Некоторые из этих слов общеупотребительны, другие используются только в специальных сферах, поэтому далее приводится краткое объяснение менее известных слов. Слова *авторский* (чаще

¹ Příspěvek vznikl v rámci grantového projektu GA AV ČR reg. č. A900920703 Komplexní konfrontační popis slovní zásoby ruštiny a češtiny s přihlédnutím k její dynamice.

всего в выражении *авторское кино*), *арт*, *артовый*, *арт(-)хауз*, *арт(-)хауз-ный*, в чешском языке *art*, *artový*, употребляются как антонимы словам *мейнстрим*, *мейнстримовский*, в чешском *mainstream*, *mainstreamový*. *Авторское* или *арт кино* – это серьезное, некоммерческое кино. Слово *мейнстрим* обозначает популярные фильмы для широкой аудитории. Раннее заимствование *мультипликация* постепенно вытесняется относительно новым термином *анимация*. Оба слова образуют ряд производных слов и иногда используются в одном и том же тексте с целью избежать повторов, а иногда в силу некорректного словоупотребления (*анимационная мультииндустрия*). Слово *блокбастер*, в чешском *blockbuster*, изначально употреблялось в значении *боевик*, а в настоящее время обозначает высокобюджетный (чаще всего голливудский) фильм или популярный и высокодоходный фильм. *Бокс-офис* в русском языке иногда употребляется в значении кассовых сборов – для примера приведем одно предложение: *Первое место в топ-десятке национального бокс-офиса занимают фильмы национального производства. Инсайдер*, в чешском языке *insider* – член какой-нибудь группы людей, имеющей доступ к информации, которая недоступна широкой публике. *Мастер-класс* в русском языке употребляется не только в области кинематографии, а в целом обозначает урок мастера, который делится своим опытом (безотносительно того, в какой конкретно области). *Мокументари*, в чешском языке *mockumentary* (из английского – *to mock* «издеваться» + *documentary* – «документальный фильм») – это псевдодокументальный фильм, которому присущи претензия на документальность, фальсификация и мистификация. *Мультиплекс*, в чешском языке *multiplex* или *multikino* – в одном из нескольких своих значений используется для обозначения кинотеатра с большим количеством кинозалов и параллельными показами разных фильмов. *Питчинг*, в чешском языке *pitching* – это представление фильма на начальном этапе производства продюсерам, которые могут заинтересоваться и поддержать дальнейшее производство (обычно проходит, напр., в рамках фестивалей). *Постпродакшн*, в чешском языке *postprodukce* – это обработка материала после съемок фильма, напр., монтаж, озвучивание, компьютерные эффекты и т.д. *Прайм-тайм*, в чешском языке *prime-time* – используется для обозначения периода, в течение которого было зарегистрировано или предполагается наибольшее количество телезрителей. *Приквел*, *сиквел*, (*квадривел*), в чешском языке *prequel*, *sequel*: *приквел* излагает предысторию событий другого фильма, *сиквел* и т.д. – это наоборот кинопродолжение сюжетной линии успешного фильма. *Ситком*, в чешском языке *sitcom* – ситуационная комедия, телевизионный комедийный сериал. *Слэшер*, в чешском языке *slasher*, из английского *to slash* – «рубить, резать» – поджанр фильма ужасов. *Спойлер*, в чешском языке *spoiler*, из английского *to spoil* – «испортить» – информация, раскрывающая сюжетные подробности фильма, который потом уже не стоит смотреть. *Сториборд*, в чешском языке *storyboard* – раскадровка художником, например, рекламного ролика, чтобы стало понятно, как он будет сниматься. *Таймслот*, из английского *timeslot* – «ячейка времени» – фиксированный интервал времени, кото-

рый может быть занят строго одной передачей; в чешском языке в этом значении не употребляется. *Трейлер*, в чешском языке *trailer* – небольшой видеоролик, состоящий из кратких и обычно наиболее зрелищных фрагментов фильма, используемый для анонсирования или рекламы этого фильма. В чешском языке иногда – однако реже – употребляется еще и слово *teaser*, с похожим значением; *teaser* (из английского *to tease* – «дразнить») более короткий, чем *трейлер*. *Флэшбэк*, в чешском языке *flashback* – объяснительное отклонение от повествования в прошлое. *Шорт-лист* – узкий список кандидатов, употребляется не только в кинематографии; в чешском языке употребляется реже. *Экшн* – синоним русского слова *боевик*; в чешском языке используется сочетание *akční film*. В чешском языке встречаются, например, еще слова *kinorip* – копия фильма, снятая нелегально при показе в кинотеатре и нелегально распространяемая (в русском языке встречается, но редко) или *double/dubl* – запасной член штаба.

Кратко охарактеризуем процессы, которым подвергаются заимствованные слова в русском и чешском языках. Слова образуют целые **ряды производных слов**, чаще всего возникают **имена прилагательные**: анимация – анимационный, артхауз – арт – артовый – артхаузный, блокбастер – блокбастерный, кастинг – рекастинг – кастинговый, мейнстрим – мейнстримовский, мультипликация – мультипликационный, синефиль – синефильский, клип – клипмейкер – клипмейкерство – клиповой, продюсер – продюсерский – продюсерство – продюсирование – продюсировать.

Реже возникают другие новообразования, например, наречия – *Мрачная*, почти монохромная, иногда реалистически подробная, иногда **по-комиксному** утрированная картинка затягивает и завораживает [Коммерсант 13.06.09], – или причастия – *На странице ремейкизированной «Пятницы, 13-е» солидное обновление – новые кадры, постеры, обои и трейлер в эппловской кодировке* [сайт filmz.ru 19.1.09].

Слова подчиняются существующим парадигмам, **склоняются и спрягаются**: *экшном, рейтинг, CD-rom'ов, ratingů, thrillerů, voice-overů, insideři*.

Можно встретиться с примерами **универбизации**: *akčníák – akční film, animák – animovaný film*. Оба слова принадлежат к нелитературному языку.

Проявляется **анализм**, типичный для английского языка. В русском языке он замечался уже раньше у частей составных слов типа *кино-* и *теле-*, в настоящее время существует много выражений с морфемами *арт-* (*арт-мейнстрим, арт-кино*) и *фильм-* (*фильм-фэнтези, трэш-фильм*) и много других. Конструкции со словом *art* появляются и в чешском языке, для которого анализм менее типичен: *Asi už tušíte, že Ocas ještěřky je art film*.

Часто появляются **варианты альтернативного написания**, например *ремейк – римейк*, написание через дефис и без дефиса, например *арт(-)хауз, арт(-)директор*.

В чешском языке в написании некоторых слов остаются двойные буквы: *thriller*.

Часто наблюдается соединение латиницы с кириллицей: в рамках одного слова, как, например, *off-Канн*, *CD-rom'ов* или в рамках предложения: *С формальной точки зрения фильм Дэвида Кроненберга – ремейк ничтожного **B-movie** Курта Нойманна (1958) об ученом, поставившем на себе опыт по телепортации и невзначай поменявшемся генами с залетевшей в лабораторное пространство мухой.*

Иногда встречается **тавтология** – вероятно, из-за неполного понимания значения иностранных слов: **анимационная мультиндустрия, постеры-афиши с героинями в оглушительном панкоидном прикиде.**

Можно привести примеры **игры слов**: *Сочи в **SHORTax**; хочу тем не менее о бедном мейнстриме заговорить слово* («О бедном гусаре замолвите слово» – название фильма).

Источниками примеров послужили русские и чешские журналы о кино и театре. В общем можно сказать, что в обоих языках в текстах, касающихся театра, намного меньше англицизмов, чем в текстах о кино. В кинематографии влияние английского языка намного выразительнее; язык театра более консервативный и не нуждается в новых выражениях.

В чешском языке англицизмы употребляются намного реже, чем в русском. Они практически не встречаются в научных журналах (кроме терминов и заимствований, которые уже прочно вошли в язык и их использование оправдано; даже в таких случаях часто приводятся объяснительные примечания). В популярных журналах для молодежи встречается намного больше англицизмов, причем даже в тех случаях, где можно найти подходящее чешское слово и существуют сомнения в способности читателя понять значение данного слова.

В русском языке не существует больших различий между языком научных и популярных журналов: даже в научных журналах англицизмы используются очень часто и без объяснений.

Для того, чтобы определить, насколько носители языка понимают значение недавних заимствований, был проведен небольшой опрос. Мы попросили респондентов объяснить значение нескольких слов в анкете. Этот опрос не претендует на высокую объективность, однако результаты довольно интересны. Среди возрастной группы 20–30 лет у русских респондентов практически не наблюдалось сомнений, ответы были удивительно подробные и правильные. В той же возрастной группе у чехов была отмечена большая разница в ответах. Лишь немногие знали значение всех или хотя бы большинства слов. Среди русских респондентов было мало взрослых, но и здесь ответы чехов и русских сильно отличались: определения, данные чешскими респондентами, отличались высокой степенью неточности (напр., *продюсер – тот, кто занимается кино*). При этом нами не была отмечена какая-либо зависимость между характером ответов чешских респондентов и их возрастными, профессионально-образовательными характеристиками или знанием/незнанием ими английского языка.

Среди школьников у нас было мало русских респондентов, однако достаточно много чехов для того, чтобы определить, понимают ли они язык популяр-

ных журналов, предназначенных для молодежи. Результаты довольно удивительные, так как чешские школьники, у которых можно было бы предполагать достаточно хорошее знание английского языка, знали очень мало слов, даже тех, которые широко употребляются, не говоря уже о выражениях, взятых из журналов, предназначенных специально для этой возрастной группы. На основе этого можно судить, что авторы чешских молодежных журналов широко используют англицизмы преимущественно из соображений моды и престижа.

Можно предположить, что чехи не так хорошо понимают значение англицизмов, потому что в чешских текстах их намного меньше (по крайней мере, в научных журналах). Это может быть связано также с тем, что русский язык более охотно принимает заимствованные слова. В обоих языках в области кино и театра используется достаточно большое количество англицизмов, которые постепенно подчиняются системам русского и чешского языков.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- BELENTSCHIKOW, R. (ed.) (1999): *Новые пути изучения словообразования славянских языков*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- RANGELOVÁ, A., Tichá, Z. (eds.) (2003): *Internacionalizmy v nové slovní zásobě*. Praha: Ústav pro jazyk český AV.
- OHNEISER, I. (ed.) (2003): *Slowotwórstwo Nominacja*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- ВАЛГИНА, Н. С.: *Активные процессы в современном русском языке*. «Логос», М. 2003.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А. (1992): *Словообразование как деятельность*. М.: «Наука».
- ЗЕМСКАЯ, Е. А. (ed.) (1996): *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. М.: «Языки русской культуры».

ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ ТИЩЕНКО

Украина, Ровно; Польша, Лублин

РИТУАЛЬНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ФОЛЬКЛОРНОМ ДИСКУРСЕ (на материале формул пожеланий украинского, польского и русского песенного фольклора)

ABSTRACT:

The article focuses on the curse formulae in the Ukrainian, Polish and Russian family life and partly ritual folklore represented in songs. Their pragmatic and semantic potential, functional and syntactic organisation, motivational spheres and symbolic allomotives in correlation with the actional side of the folklore scenario and its agents are being described. The statements of this kind contain elements of archaic ritual actions and ideas in the contrasted linguistic cultures.

KEY WORDS:

Malediction – motivational structure – expressive – illocution – allomotive – folklore scenario – ritual act – stereotype.

Обстоятельный анализ вербального кода культуры, и в частности элементов ритуальной речи (пожеланий, проклятий, заклинаний и т. п.), осуществляется в этнолингвистике с позиции разных подходов: их рассматривают как свернутые тексты в составе микрообрядов, образующие вместе с акциональными и предметными компонентами важную часть «народной полуфразеологии» (Н. И. Толстой), генетически связанные с ритуальными действиями ситуативные высказывания, отражающие стереотипы ритуально-этикетного поведения (Е. Березович, Л. Виноградова, А. Худзик, А. Энгелькинг и др). Однако в традиционном народном песенном фольклоре формулы пожеланий в украинском, польском и русском языках как со структурно-типологической и жанровой (денотативное поле, мотивы, символика предметов, их трансформация в разных контекстах и акциональных сценариях, или алломотивах, по С. Неключову), так и с прагматической (по коммуникативной направленности в связи с теорией речевых актов, элементами внутренней и внешней прагматики единиц и их функционально-синтаксической организации) и собствен-

но этнологической (связь с магическими обрядами, обрядовыми действиями, обычаями) точек зрения не были, как представляется, предметом пристального внимания исследователей.

Отметим, что фольклорные пожелания-экспрессивы представляют собой актуализированные клишированные реакции оценочного типа с варьированием лексического состава, отражающие функцию адресанта высказывания, его иллокутивную силу (намерение, содержание, причину, результат совершения) в повседневно-бытовой, этикетной или обрядовой сферах.

Коммуникативное намерение адресанта фольклорного текста выражается в специфической пропозитивно-актантной структуре оптативных формул, в состав которых входят глаголы с ирреальной семантикой модальности, формирующих внешнюю прагматику магических директивных актов: *я хочу (= я желаю) + (отрицательна интенция) + система дейктических актуализаторов ты – вы – он – они*. Внешний контекст злопожелания содержит императив с общим значением деструкции, разрушения, нанесения вреда, отделения, отчуждения, отдаления или защиты от опасности – *бодай тебе, богдай, щоб, а щоб ти, хай тобі, нехай твоєму (твій); bodaj, bogdaj, bodejeś, niech, żeby, ażeby* + семантический актант с общим значением 'зло'. Внешнепрагматическую функцию в фольклорном дискурсе выполняют также *партисипанты* (участники акционального фольклорного сценария), его *адресанты* (на кого направлено пожелание), *каузаторы* (почему желают что-то), соответствующие модели: *кто – кому – и за что*. Так, например, в украинском семейно-бытовом фольклоре структурно-семантические модели пожеланий можно представить следующим образом: *акция* <ухаживание, влюбленность, свидание, обручение>, <вмешательство родителей, врагов, посторонних>, <разлука влюбленных>, <неразделенная любовь>, <несчастливая любовь>, <неравный брак>, <обольщение девушки>; их субъектом-отправителем выступают <жена>, <девушка, родившая внебрачного ребенка>, <влюбленная девушка>, *адресатом* – <разлучники>, <неверный муж>, <муж пьяница>, <сплетники>, <сестра любимого> и т.п.; иллокуция и содержание высказывания – <остаться старой девой>, <не жениться>, <сойти с ума>, <наказание высших сил и демонов>, <наказание природных космогонических сил>, <неудачная встреча, неблагоприятное время>, <преждевременная смерть>, <насильственная смерть, не по возрасту> и т.п. Так, неудачно обрученная девушка в ответ казаку произносит: *Було б, козаче, не заручати, Ходила б я між ті дівчати. Хто заручив, щоб кат замучив, Хто руку дав, щоб кат руку одтяв* [УПдол.: 469], в украинских петривчаных песнях золовка желает невестке неудач, неурожая за измену: *А зовичка стала плакати ридати і на невісточку враждувати: Щоб тобі, невісточко, Бог не вгодив, У чистому полі і хліб не вродив, Як ти мене, молоденьку, зрадила І мою русу косу ізбавила* [Милорадович 1897: 84]; в полесском семейно-бытовом фольклоре девушка, не желая идти замуж за нелюбимого, произносит: *А я того нелюбого да й зрода не любила, Бодай того, нелюбого туча-хмара убіла* [МФП: 264] или же девушка, не дождавшись любимого, проклинает его меньшую сестру за то, что по-

следняя создает препятствия на его пути (прячет седло от коня, не передает просьбу о намеченной встрече, свидании и т.п.): *Бодай тая сестра сивой ко-сой тресла, Що она ті не казала, Бо я цілу ночку не спала, Тебе визирала* [УПдол.: 414]. Мотив утраты косы обнаруживаем в польских колядках: новогодний дзяд, которого девушки безосновательно обвиняют в воровстве кудели, шуточно отвечает: *A bodajże wam warkocz upadł, Jak ja Vam kądziel ukradł...* [Kotula 1969: 110]. В польских краковьяках обращаются с пожеланием болезней хозяйке, которая обвиняет парня в воровстве ключей: *A bodaj jej pępek upadł, kiedy ja i klucze ukradł* [Конорка 1974: 35].

В традиционном польском песенном фольклоре, связанном с любовным сценарием, представлены сходные мотивы и образы: <измена парня>, <неравный брак>, <неразделенная любовь>; денотативной сферой таких высказываний выступают пожелания несчастья, неудачи, бедности, смерти: *Żeby ci Pan Bóg szczęścia nie dał, Żebyś po świecie chleba żebrał, Oj chleba żebrał, z kijem chodził, Za mnie sierotę coś mnie zwodził* [Adamowski 1994: 61], *Bodaj cię hultaju słońce nie świeciło, Kiedyś mnie nie kochał, zwodzić mnie nie było, Bodaj cię zabiły piorunowe strzały, Bodaj cię nieszczęścia za mnie spotkały; Oj, łoże, łoże ty ciemnoczerwone ... Kto na tobie będzie spał: A jak będzie stary spał, To bodaj on stąd nie wstał ...* [Adamowski 1994: 84]. В структуре и семантике подобных отрицательно окрашенных экспрессивов адресатом злопожеланий выступает также мать возлюбленного, которая, хочет выдать девушку замуж за нелюбимого или староро: *Bogdaj głębiej piekła gorzała Matka, co mię za chłopą dała, Niescesna ja teraz* [Hernas 1965: 31]. Отметим, что адресатом пожеланий в польском и в украинском песенном фольклоре, кроме лиц и одушевленных предметов, могут выступать природные объекты и артефакты, которые, как правило, сочетаются с глаголами со значением деструкции, разрушения, уничтожения (насылаание враждебных сил, стихий, непогоды): укр. *Бодай тая могиленька водою запала, Що я на ній усю нічку ночовала – уличку втеряла* [УПдол.: 403], *Бодай сіно огнем сіло, а коса зломилась, Ой я б тоді, дівчинонька, нічим не журилась* [УПдол.: 420], *Ой горе, горе! сухий дубе! Та на тебе, дубе, мороз/пожар буде!* [Милорадович 1897: 88]; польск. *Bodaj ty, dziewczyno, maliniaku zjadła, coś (= żeś) ty Janichowi do serduszka wpadła* [SGP I: 246], *Bodaj to bagno przepadło Com się ja nachodził do najmilszej rano* [SGP I: 249], *Bodajże ta woda, bodajże zmalala, cobym cię Janicku, pierwszej увидziała* [SGP I: 145].

Образно-смысловым центром русских перформативных высказываний шуточного типа в свадебных песнях являются наименования болезней, их локализация в теле человека; такие злые намерения направлены на свата-разлучника, который, как известно, в фольклоре выступает представителем чужих: *Как тому ли свату сватничку, Тому ли чужу чужанину <...> – Три бы чирья ему в голову, А четвертый-то в бороду, А пятый-то под горлышко, Вместо красного солнышка, А шестой-то под пяту. С горы бы ему скатиться, Голове бы у него сломиться! Комуху-то (лихорадку) ему трясучую, Трясучую да злючую, Чтоб трясла да потряхивала, До потолка притряхивала, На печи-то бы да под шубами, Под семью-то под тулупами* [МЭБТКостр: 62]. Пожелание

несчастья и болезней детям находим в русских авсеновых песнях, в которых колядники, изгнанные хозяином со двора, восклицают: *На двор тебе чертей, на огород тебе червей, а на махоньких твоих ребят куриную слепоту!* [Русские обычаи 2002: 47]. В некоторых польских свадебных и любовных песнях девушка сетует на портных, обращаясь к ним с шутливым пожеланием, поскольку они пошили слишком тесную одежду, которая порвалась: *Pojadę ja do Krakowa po materiję, Od Krakowa do krawczyków co ją uszyją. Bodaj krawcy wykapali, co ciasno szyją; Paluszkim se wylomala, oczkam sobie wypłakala sznórujący* [Żegota 1973: 114]. В указанном контексте глагол *wykapali* представляет собой метафору смерти, связанную с магической практикой поставления свечи в церкви. В связи с этим уместно вспомнить засвидетельствованный белорусским этнографом Ч. Петкевичем древний магический ритуал: чтобы проклясть кого-либо, надо перед воткнутым или вкопанным в землю осиновым колом зажечь восковую свечу с гнетом, сделанным со шнура вешальника, и, держа эту свечку так, чтоб от топящегося воска она потухла, сказать: «*Щоб ты так патух, як гэтая свечка*» [Pietkiewicz 1938: 219]. Остатки таких представлений находим в вербализованных устойчивых оборотах украинского и польского языков с пейоративной аксиологической модальностью, мотивационной доминантой которых выступает метафорический акциональный предикат – действие *капання*. Ср. польск. – *Ażebyś skapiał marnie, Skapiemy marnie jak żydowsko świca, Bodajbyś skapiał jak pies na powrozie* [NKPP III: 204], укр. *абись сі скапав як свічка, бодай-с скапау* «щоб ти змарнувався, зійшов на ніщо, як похилена свічка», *бодай ти скапав, як свічка на виликдинь перед образами! Скапало його богацтво, як свічка* [ГРНП 3: 143]. В некоторых семейно-обрядовых песенных контекстах представлены роли участников при их взаимном проклинании (*прокляття-диалоги*), связанные с любовным сценарием (*вода* или ее питье, *колодезь* выступают в фольклоре символом эротических переживаний). Так, мотив <девушка-сирота моет ноги в Дунае/колодце и нечаянно мутит воду>, проезжающий мимо казак хочет напоить своего коня и желает: <не вырасти и выйти замуж маленькой>, <овдоветь>, <оставить сиротой детей>. Девушка в ответ желает («она сильно йому відгадала») насильственной смерти: <не жениться>, <утонуть>, аллюмотивы – <превратиться в волка>, <стать могилой>, <чтоб конь превратился в гору/купину/явор>, <седло стало долиной>, а нагайка, очевидно, по признаку внешнего сходства – в змею; указанные мотивы в нарративном повествовании варьируются: *бодай твій кониченько води не напився, на синьому морі утопився, бодай ти, козаче, втопився* <з коня вбився>, <бодай не дочекав>, <щоб кінь серед моря явором став>, а нагаєчка – *гадиню* <чортинкою> [Милорадович 1897: 92].

Таким образом, анализ сферы референции и мотивационной структуры пожеланий в песенном фольклоре дает возможность раскрыть механизм взаимодействия семантической структуры экспрессивов, их прагматического потенциала с элементами вербальной магии, в контексте которой осуществляется их текстовая мотивация.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ADAMOWSKI, J. (1994): *Tam na Podlasiu. Pieśni ludowe z gminy Borki i ich wykonawcy*. Lublin.
- KONOPKA, J. (1974): *Pieśni ludu krakowskiego. Wydanie fototypiczne pierwodruku z 1840*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.
- KOTULA, F. (1969): *Folklor słowny osobliwy Jasowiaków, Rzeszowiaków i Podgórczan*. Lublin.
- HERNAS, Cz. (1965): *W kalinowym lesie. Antologia polskiej pieśni ludowej ze zbiorów polskich XVIII w.* T. II. Warszawa.
- NKPP (1969–1978): J. Krzyżanowski, S. Swirko (red.): *Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich*. T.1–4. Warszawa.
- PIETKIEWICZ, Cz. (1938): *Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego. Materiały etnograficzne*. Warszawa.
- SGP (1903): *Słownik gwar polskich, ułożył Jan Karłowicz*. T.1–6. Kraków.
- ŻEGOTA, P. (1973): *Pieśni ludu polskiego (wydanie fototypiczne pierwodruku z 1838 r. pod red. H.Kapeluś)*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.
- ГРНП (2007): *Галицько-руські народні приповідки. Зібрав, упорядкував і пояснив др. І. Франко*. Львів. Т.3.
- КОПЫЛОВА, А.В. (сост.) (2002): *Русские обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия*. М.
- МИЛОРАДОВИЧ, В. П. (1897): *Народные обряды и песни Лубенского уезда Полтавской губернии, записанные в 1888-1895 г.* Харьков.
- МФП (1995): *Музичний фольклор з Полісся у записах Ф. Колесси та К. Мошинського*. К.
- МЭБТКостр. (2004): *Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Костромская и Тверская губернии*. Т 1. Спб.
- УПДол. (1973): *Українські пісні, записані З. Доленгою-Ходаковським у 1814-1819 рр.* К.

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА ТРОФИМОВА

Россия, Тюмень

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДЕЛОВОЙ ТЕКСТ XVIII ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ ФИЛОЛОГА-РУСИСТА

ABSTRACT:

The author offers her technique of the linguistic analysis of a tachygraphic document that can decrease the cultural distance between the author of the text and its reader. The interest to regional official documents that is topical in recent Russian studies aims at the revival of the categorized functional stylistic history of the Russian language.

KEY WORDS:

The history of the Russian language – linguistic source studies – regional – tachygraphy – document – text – discourse – technique of analysis.

Региональный компонент в содержании учебных планов специальности и направления «Филология» занимает достаточно скромное место, тем более его диахронический аспект. Однако изучение местной деловой письменности, хорошо сохранившейся в провинциальных архивах России, не только в научном, но и в учебно-методическом отношении, кроме всего прочего, выводит на проблемы патриотического воспитания, способствует формированию устойчивого интереса и любви к «малой» и «большой» родине. Деловые тексты XVIII века занимают значительное место в хранилищах Государственного архива Тюменской области, на экскурсии в который обязательно ходят студенты 2-го курса филологического факультета ТюмГУ.

Деловой язык «скреплял» громадные российские просторы, постепенно обретая статус государственного благодаря деятельности столичного государственного аппарата, направленной на формирование, закрепление и навязывание регионам единых языковых норм. Но он формировался и «на местах», благодаря трудам канцелярских служащих, которые, стремясь упорядочить языковую стихию устной, в том числе и диалектной, речи, «оттачивали» грамматические конструкции и искали точные слова для выражения мысли. Так, во взаимодействии стандарта, идущего из столицы, и провинциальной тради-

ции сформировалась та разновидность современного русского языка, которая сегодня, получив название официально-деловой стиль, входит в литературный язык. Однако положение конкретного делового текста, особенно в исторической ретроспективе, может быть и на периферии литературного языка. К таковым, по всей вероятности, относятся все региональные скорописные деловые тексты.

При исследовании памятников деловой письменности традиционно актуальны региональные проблемы «лингвистического краеведения». Однако накопленный материал дает выход к сопоставительным исследованиям, выводящим как к «паспортизированной» истории национального языка, так и к проблематике российской государственности, реализующей себя в целостной системе документооборота, которая поддерживает центростремительные и препятствует центробежным тенденциям в развитии российских регионов. Следовательно, внимание к каждому региону и к каждому временному срезу (информация о которых сохранилась порой в единственном типе «адекватных времени и месту» источников – в деловых документах) является определяющим для создания функционально-стилевой истории русского языка: «Опора на уже выполненные частные и общие описания деловых текстов донационального периода и времени формирования его новых норм в XVIII веке – это, на наш взгляд, сегодня самый продуктивный путь установления стилистического и текстологического своеобразия делового языка переломного этапа, каким было для русского национального языка в целом бурное XVIII столетие» [Глинкина 2002: 70].

Актуальность текстового аспекта в исследованиях документа обусловлена тем, что проблема восприятия информации, заключенной в источнике, оказывается чрезвычайно многомерной (не забудем о различии информационного и культурного фона «автора» документа и изучающего документ исследователя). Поэтому сама выработка текстовых принципов анализа и классификации документов, которые позволяют вычлениить в тексте документа общие жанровые и индивидуальные его черты, важна и в практической деятельности лингвиста, историка, работника архива, и в теоретическом осмыслении истории документооборота. Проведенное с текстологических позиций исследование демонстрирует не только единство, но и различие формуляров документов, производное от коммуникативных намерений сторон, вовлеченных во взаимодействие в результате той или иной сложившейся в реальной действительности ситуации, что позволяет выделить жанрообразующие черты документов [Трофимова 2002; Голованова 2008]. Доступ к многим источникам, и сегодня остающимся неизвестными в фондах архивов, ограничен для исследователей, не имеющих специальной лингвистической подготовки для чтения рукописных документов. Именно поэтому осуществленное лингвистом исследование открывает доступ к бесценным источникам истории и культуры, вводя их в научный оборот для специалистов многих отраслей знания и, следовательно, «участвуя в формировании информационной среды» [Королев 1999: 225].

Методика «дискурсного» анализа памятников местной деловой письменности заключается в следующем: 1) применяя принципы лингвистического анализа текста к документу, воспринимаемому и как отдельный законченный, цельный связный текст, и как фрагмент «сверхтекста» (в отношении к жанровому образцу), и как элемент документооборота, определить лингвистические средства представления информации, актуальной на момент создания документа; 2) выявить коммуникативные намерения участников ситуации делового общения и особенности их тактики, влияющие на лексический отбор и синтаксический строй документа; 3) при анализе конкретных документов воссоздать их «сценарии», зависящие от реальных ситуаций, социальных ролей и отношений коммуникантов; 4) проведя наблюдения над графикой, орфографией, лексикой и грамматикой документов, определить их обусловленность экстралингвистическими причинами.

В качестве примера приведем текст сообщения о краже пожитков, датированного 1787 годом [ГАТО. Ф. И-3. Оп.1. Д.647. Л.93, 93 об., 99]; в нем традиционно для скорописи не различаются прописные и строчные буквы, есть выносные буквы, преимущественно слитно пишутся служебные и знаменательные слова (знак черты фиксирует конец строки оригинала): *ис тюменской нижней расправы ктюме/нскимъ городническимъ деламъ / сообще^ние / присообщеніи отоны^х городнических делъ присланы <...>* Поуровневый анализ графики, орфографии и грамматики текста опустим (см., например: [Трофимова 2005; 2007]). В формулярном аспекте выделяем, во-первых, начальный протокол (содержащий имена адресанта и адресата – названия двух присутствующих мест Тюмени, а также вынесенное на отдельную строку самоназвание документа), во-вторых, конечный протокол (включающий в себя дату и удостоверяющий документ, придающие ему правовую силу подписи). При публикации ниже укажем номер предикативной части, выделим средства связи, звездочкой – слово, предопределяющее присловную связь придаточной части: *При сообщении от оных городнических дел прислана Тюменского уездного казначейства сторожа Сергея Передина жена Палагея Максимова* в краже у женки Марфы Тюлковой пожитков (1), **которая** у городнических дел допросом показывала* (2), **что** покража у женки Тюлковой пожитков учинена по бытию её, Перединою, в доме у мещанина Якова Головкова* для паренья в бане (3), **где** и та Тюлкова была (4), **куда** пришедши её, Тюлковой, сестра Авдотья Агафонова дочь и о той покраже объявила (5), **почему** из дому мещанина Головкова ушли в дом к женке Тюлковой* (6), **куда** пришедши (7), во оном сидит мать её, Тюлковой (8), **а что жъ** у неё, Перединою, стакан хрустальной опознан (9), **то** оной был казначей Рычкова (10); **но** по тому допросу показанные люди, женки Тюлковой мать, сестра и мещанин Головков, не спрошены (11), **также** о стакане с казначей Рычкова объяснения не взято (12), **какого ж** женка Передина состояния (13), **с** живущих поблизости её соседей повального обыску не взято* **ж** (14); **того ради** по указу ея императорского величества в Тюменской нижней расправе ОПРЕДЕЛЕНО к тюменским городническим сим сообщить и требовать* (15), **чтоб** благо-*

волено было против показания сторожевской жены Передины показанных от неё людей допросить (16), **также** с казначея Рычкова о стакане взять изъяснение (17), **для чего** учиненной у городнических дел ей допрос при семь обращается (18), **а какого** женка Передина состояния (19), с живущих поблизости её соседей взять под присягою повальной обыск* (20), **которой**, так равно и допросы, и с казначея Рычкова изъяснение прислать в здешнюю расправу... (21).

Текст состоит из 4 частей: А – каузальной (коммуникативная интенция – передача информации, Б – оценочной (адресант комментирует бездеятельность городнических дел в связи с содержанием допроса), В – прагматической (интенция – изъяснение воли адресанта, выраженное сочетанием *определено сообщить* (что выполнено посредством части А) и *требовать*, Г – содержание воли (требования) адресанта.

Схематически синтаксические связи могут быть представлены так:

А	<p>[1 Палагея Максимова*] ; которая [2 показала*] → а что ж [9], то [10] что [3 в доме ... Головкова*] где куда [4] [5] почему [6 в дом... Тюлковой*] куда [7] ↓ [8]</p>
Б	<p>но [11], также [12], ж [14 не взято*]; какого [13]</p>
В	<p>того ради [15 ОПРЕДЕЛЕНО... требовать*]</p>
Г	<p>чтоб [16] также [17], а [20 обыск*] какого ко- [19] то- для чего рой [18] [21]</p>

Как представляется, анализ синтаксической структуры текста позволяет исследователю разобраться и в сути взаимоотношений людей как реальных персонажей истории, и в отражении этих взаимоотношений в документах, и в специфике документооборота, которые кажутся чрезвычайно запутанными при первом прочтении источника. Становится понятным документ, узнавае-

мыми – ориентиры на местности (как правило, реки, овраги, слободы, каменные церкви, церковные приходы), «оживают» действующие лица, обнаруживаются однофамильцы (или даже родственники?) – и история, запечатленная в тексте, становится для студента-филолога не книжной схемой, а реальной жизнью.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ГЛИНКИНА, Л. А. (2002): О языке провинциальной канцелярии на одной из восточных окраин России XVIII века. In: *Аванесовские чтения. Тезисы докладов*. М., с. 68–71.
- ГОЛОВАНОВА, О. И. (2008): *Тюменские следственные дела 1782–1796 гг. в аспекте лингвотекстологического и источниковедческого анализа*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень 2008.
- КОРОЛЕВ, Г. И. (1999): Источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, археография и экология. In: *Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения*. М., с. 224–226.
- ТРОФИМОВА, О. В. (2002): *Тюменские рукописные деловые тексты 1762–1796 гг. в аспектах лингвистики и документоведения: Лингвистический анализ текста*. Тюмень 2002.
- ТРОФИМОВА, О. В. (2005): Категориальный анализ текста рукописного документа XVIII века. In: *Проблемы филологии в синхронии и диахронии*. Челябинск, с. 20–30.
- ТРОФИМОВА, О. В. (2007): Рукописный деловой текст и его «автор»: следы взаимодействия (на материале допросов из фондов Государственного архива Тюменской области). In: *«Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»*. СПб., с. 355–368.

БОЖЕНА ФРАНКОВСКА-КОЗАК

Польша, Щецин

ЗООНИМЫ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ПОЛЬШИ

ABSTRACT:

Transonymisation (i.e. transfer of an already existing proper name from one word class to another) concerns the following names: antroponyms, toponyms, ethnonyms, hydronyms, chrematonyms. Most frequently we find official and unofficial antroponyms functioning as zoonyms, with the crucial role being played by the emotional factor reflecting local likes and dislikes. A horse, a cow or a sheep bears the Christian name or a surname of a neighbour, relative or the animal's ex-owner. Such names have an expressive function: *Walka* (a pig) "it's the host's Christian name – Waldemar", *Zośka* (a cow) "we named her so in order to make our aunt Zośka angry", *Sonia* (a cow) "our neighbour's name", *Maniucha* (a cow) "comes from the name Maria".

KEY WORDS:

Onomastics – zoonyms – transonymisation.

Предметом анализа в настоящей статье являются имена собственные животных, употребляемые в речи жителей Северно-западной Польши. Лексический материал для исследования собирался с 1998 года по 2002 год.

Было собрано методом опросов приблизительно 2000 тысячи названий животных. Собранный лексический материал был сопоставлен с вопросником для исследования народной зоонимии в Польше (на славянском фоне) Стефана Вархола [Warchoń 1993], что составило возможность показать новые тенденции в образовании зоонимов.

Целью исследования является характеристика основных направлений в номинации животных, а также определение факторов, лежащих в основе выбора зоонима в процессе номинации.

Принимаем во внимание следующее определение зоонима: это имя собственное того или иного животного, т.е. номинативная единица. Для образования имён собственных животных используются разные номинативные способы: трансонимизация, онимизация, деривация [Kosyl 1994: 441]. В данном материале обратим внимание на один из этих способов, т.е. трансонимизацию. Трансонимизация относится к таким зоонимам, в основе которых выступают

иные имена собственные, т.е. названия перенесённые, не образованные опрашиваемыми. Они называют животное без отношения к его внешнему виду или чертам характера.

Исследуемый материал составляют следующие группы:

- 1) антропонимы в функции зоонимов;
- 2) зоонимы, мотивированные названиями животных [Frankowka-Kozak 2003: 186–196];
- 3) этнонимы в функции зоонимов;
- 4) хрематонимы в функции зоонимов.

1. Антропонимы в функции зоонимов

Это самая значительная примерами группа зоонимов. Они подразделяются на две основные группы: подлинных героев и вымышленных героев.

А) подлинные герои

ADA, морская свинка; «Потому что мне её дала тётя Ада, <Ada>,
BALBINA, морская свинка; «Мы прозвали так в школе учительницу», <Balbinka>,
BASIA, собака; «Тётя родила дочку Басю», <Basia>,
BETHOWEN, собака; «Я люблю музыку Бетховена», <Bethowen>,
BONIEK, собака; «Я люблю футбол, а в футбол прекрасно играл З. Бонек», <Boniek>,
BONIFACY, морская свинка; «Так зовут моего дядю, а он мне её дал», <Bonifacy>,
JULKA, морская свинка; «Так зовут нашу учительницу», <Julka>,
KACPER, морская свинка; «Мальчика, который продал мне свинку, зовут Кацпер», <Kacper>,
KAJA, морская свинка; «Мою подружку зовут Мая, я немного изменила», <Kaja>,
KALI, собака; «Так прозвали моего одноклассника», <Kali>,
KAROL, черепаха; «Моё имя начинается на букву К, а сестру зовут Кароля», <Karol>,
KAROL, собака; «Мне нравится парень из седьмого класса, его так зовут», <Karol>,
KASIA, собака; «Я люблю дочку соседки, прелесную Касю», <Kasia>,
KIM, кошка; «Мне очень нравится певица Ким Уайльд», <Kim>.

Б) Вымышленные герои

BANJAMIN, кошка «Он похож на героя мультфильма», <Banjamin>,
BRANDO, собака; «Я смотрела фильм, откуда это имя», <Brando>,
BRENDA, собака; «От имени героини сериала Беверли», <Brenda>,
RAMBO, собака; «От фильма с тем же названием», <Rambo>,
RAMBO, собака; «Мне нравится актёр Рамбо», <Rambo>,
ROBI, собака; «Мне понравилась книжка Робинзон», <Robi>,
ROCKY, собака; «Я несколько раз смотрел фильм про Роки», <Rocky>,
ROKI, собака; «Я смотрел фильм и так выдумал», <Roki>.

SYZYF, собака; «Мы проходили в школе мифы и мне понравился Сызыф», <Syzyf>,

TIMUR, собака; «Так звали мальчика в фильме», <Timur>.

2. Зоонимы, мотивированные названиями животных

Зоонимы подразделяются на две основные группы: подлинные зоонимы и вымышленные зоонимы.

А) подлинные зоонимы

KUBA, хомяк; «Семейная традиция. Собаку и прошлого хомяка тоже звали Куба», <Kuba>,

KUBUŚ, хомяк; «У всех детей из дома были хомки с кличкой Кубусь», <Kubuś>,

KUBUŚ, хомяк; «Хомяк получил это имя в память по недавно умершему попугаю с этим именем», <Kubuś>.

Б) Вымышленные зоонимы

FILIP, хомяк; «Кузнечик по имени Филипп из мультфильма *Пчелка Мая*», <Filip>,

FILIP, хомяк; «Филипп герой фильма *Пчелка Мая*», <Filip>,

GONZO, крыса; «От имени одного из героев *Mannet шоу*», <Gonzo>,

GUCIO, попугай; «Герой Гуце из мультфильма *Пчелка Мая*», <Gucio>,

GUMIŚ, крыса; «Герой из мультфильма *Мишка Гамми*», <Gumiś>,

NEKTOR, крыса; «От имени крысы из мультфильма *Приключения мишки Колярголя*», <Nektor>,

NEKTOR, крыса; «Имя было взято из мультфильма *Приключения мишки Колярголя*», <Nektor>,

KULFON, хомяк; «Герой программы *Паровозик*», <Kulfon>,

ŁASUCH, хомяк; «От имени одного из героев мультфильма *Смерфы – Лакомки*», <Łasuch>.

3. Этнонимы в функции зоонимов

К ним относим, напр.:

CYGAN, собака; «Потому, что он к нам приبلудился», <Cygan>,

CYGAN, собака; «Потому, что это бродяга», <Cygan>,

MURZYN, собака; «Потому, что он чёрный», <Murzyn>,

MURZYN, собака; «Потому, что у него чёрная шерсть», <Murzyn>.

4. Хремотонимы в функции зоонимов

К данной группе причисляем названия фирм, магазинов, продуктов питания, стиральных порошков, телевизионных программ, напр.:

AJAX, крыса; «Я под впечатлением рекламы *Работа с Аксом – чистый отдых*», <Ajax>,

BALBINA, хомяк; «Я люблю ходить в магазин *Бальбина*», <Balbina>,

CHIPS, хомяк; «Название взято из рекламы», <Chips>,

COCOLINO, собака; «Я люблю рекламу, в которой хвалят это средство», <Cocolino>,

DOSIA, собака; «Мне нравится Дося из рекламы порошка», <Dosia>, MILKA, собака; «Из рекламы шоколада», <Milka>, MDM, попугай; «Телевизионная программа МбМ», <MdM>, SNACK, хомяк; «Любимое лакомство хомяка – снаки», <Snack>, SNICKERS, хомяк; «Название взято из рекламы», <Snickers>, TAAR, крыса; «Название рок-группы», <Taar> WIZIR, мышь; «Из рекламы стирального порошка» <Wizir>

Зоонимы, возникшие вследствие трансонимизации составляют около 40 % исследовательного назывательного материала. В группе зоонимов, перенесённых из других имён собственных, наиболее численными были зоонимы, образованные от: вымышленных зоонимов (BAX, CEZAR, KLAKIER), подлинных антропонимов (CEZAR, MEL, KAJA), вымышленных антропонимов (AKSEL, ATOS, GARGAMEL), подлинных зоонимов (ARON, SONIA, DŽINKS), этнонимов (MURZYN, CYGAN, ARAB), топонимов (JURATA).

Сравнивая собранный материал с вопросником для исследования народной зоонимии в Польше, приходим к выводу, что часть названий животных (30 %), собранных у группы самых взрослых опрошиваемых в Северно-западной Польше, продолжает номинативные тенденции. Зато среди учеников начальных и средних школ наблюдаются новые мотивации названий животных, т.е. от хремонимов, принятых с телевизионных реклам (Апель, Милка, Сникерс), от названий героев фильмов и актёров (Рамбо – герой фильма; Мель – Мель Гипсон, актёр), а также известных личностей масс-медия (Кая – пев).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- FRANKOWSKA-KOZAK, B. (2003): Nominacji w tworzeniu kynonimów. In: K. Iwan – E. Komorowska – A. Rella – J. Żywczak (eds): *Dialog kultur w nowej Europie. Historia. Literatura. Język*. Szczecin, s. 186–196.
- KOSYL, Cz.: Chremonimy. In: J. Bartmiński (ed.): *Encyklopedia kultury polskiej XX wieku*. T. 2. *Współczesny język polski*. Wrocław, s. 441.
- WARCHOŁ, S. (1993): *Kwestionariusz do badania zoonimii ludowej w Polsce (na tle słowiańskim)*. Lublin.

ГАНА ЦИВЕЛОВА

Чехия, Оломоуц

ИНФИНИТИВ В ФУНКЦИИ ВВОДНОГО ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЧЕШСКИМ

ABSTRACT:

The below text deals with description of usage of infinitives in the function of parenthesis and their translation potential.

KEY WORDS:

Infinitive – parenthesis – translation – contrastive Russian-Czech perspective – semantic and syntactic descriptions.

В качестве цели данной статьи можно назвать стремление отметить более широкое употребление инфинитива в русском языке и на конкретных примерах показать различия между употреблением инфинитива в синтаксической позиции вводных выражений в русском языке и исследовать возможности перевода этих выражений на чешский.

Во-первых, коротко характеризуем инфинитив вообще. **Инфинитив** – это неопределенная форма глагола, минимально нагруженная грамматическими значениями. Это исходная форма глагольной парадигмы, называющая какой-либо процесс, действие, состояние и т. п., которая не указывает на производителя действия. Он просто называет процесс безотносительно к лицу, числу, времени, наклонению, к реальности или ирреальности. Из глагольных категорий инфинитив выражает только вид, залог и способ глагольного действия. Инфинитив полностью сохраняет глагольное управление. В предложении он может выступать как основной член предложения, как составная часть предиката, второстепенный член предложения, дополнение, определение или обстоятельство. Исходя из изложенного, можно заметить, что инфинитив выражает лексическое значение в наиболее чистом виде и представляет собой удобную словарную форму глагола.

Кроме того, инфинитив может представлять собой **вводное слово** или быть составной частью **вводного выражения**. Вводные выражения лишены синтаксических связей с другими словами в предложении и, следовательно, не являются членами предложения. Посредством этих выражений осуществляется модальная, экспрессивная и эмоциональная оценка сообщения.

Вводные выражения используются в русском языке чаще, чем в чешском. Говорящий может в своем высказывании занимать определенную субъективную позицию, а именно этому служат вводные слова, выражающие отношение говорящего к высказыванию, разные замечания и оценки высказанного.

Вводные слова и выражения делятся на несколько семантических групп (по классификациям Балажа, Адамца, Флидровой и Жажи):

а) вводные выражения, указывающие на степень достоверности сообщаемого (так наз. модальность достоверности): *бесспорно, вероятно, действительно, конечно, может быть, допустим*;

б) вводные слова и сочетания, выражающие эмоциональную оценку действия с точки зрения желательности, привычности или естественности, удовольствия или осуждения говорящего: *к счастью, к сожалению, понятно, естественно, к нашему удивлению, кажется*;

в) вводные выражения со значением призыва, с целью усилить внимание читателя или собеседника: *поверьте, согласитесь, извините, понимаешь, знаешь*;

г) указание на порядок следования мыслей, последовательность изложения и связь мыслей. Эти выражения расставляют композиционно-смысловые акценты в предложении: *во-первых, во-вторых, прежде всего, наконец, стало быть, тем не менее, кстати*;

Кроме того, с помощью вводных слов выражается также:

д) оценка способа выражения мыслей: *короче говоря, другими словами, честно говоря, собственно, признаться, если сказать правду, если можно так выразиться, с позволения сказать, лучше сказать*;

е) степень обычности или необычности сообщаемого: *бывает, как правило, по обыкновению, случается*;

ж) указание на источник информации, на мнение, высказываемое другим лицом: *говорят, дескать, по мнению, по словам*.

Вводные элементы обычно выделяются в произношении паузами, им присуща интонация вводности, сказывающаяся в понижении голоса и более быстром, чем основная часть предложения, темпе произнесения. В письменной речи в русском языке они выделяются запятыми, в отличие от чешского, где это бывает только в определенных случаях. В чешском языке выделяются запятыми (тире или скобками) сочетания слов или предложения, не связанные синтаксическими отношениями с остальной частью высказывания: *V této věci, jak se zdá, nemáme jasno*. Вводные выражения, чаще всего однословные типа *prosím, myslím, doufám, bohužel*, запятыми не выделяются. Напр.: *Zašlete mi prosím objednané zboží*. (хотя, если их выделить, это не будет считаться ошибкой).

По классификации Балажа, в основном можно выделить именной тип, глагольный тип и наречный тип. Сосредоточимся на вводных словах и словосочетаниях, соотносящихся с глаголом. Балаж выделяет две подгруппы: те выражения, которые соотносятся с личными глагольными формами, и те, которые соотносятся с инфинитивом (однословные, как напр.: *признаться, знать, видать* или словосочетания *может быть, можно сказать, как знать, так сказать, надо полагать, надо думать, нечего сказать, с позволения сказать, к примеру сказать*). Несмотря на то, что эти вводные выражения составляют небольшую группу, в исследованных текстах можно было найти некоторые примеры.

Интересно исследовать, как русские вводные выражения переводятся на чешский язык. Так, в следующем примере, выражающем степень достоверности сообщаемого, вместо модального глагола в сочетании с инфинитивом *может быть* в чешском переводчик использовал частицу *snad*, но выражение можно также перевести как *možná (že), třeba*. Таким образом, для социальной психологии, как, может быть, ни для какой другой науки, актуально одновременное решение двух задач. / *Pro sociální psychologii jako snad pro žádnou jinou vědu je aktuální řešení dvou úkolů.*

Явным доказательством более широкого употребления вводных выражений в русском языке является факт, что при переводе на чешский их иногда просто опускают. Это видно из следующего примера: 1. Анализ содержательных моментов того и другого явления, можно сказать, не обеспечен методически. / *Analýza obsahových momentů není metodicky zabezpečena*. В чешском переводе вводное выражение просто отсутствует, т. е. имеет нулевой эквивалент в чешском языке.

Но в центре нашего внимания находятся, прежде всего, выражения *признаться, знать, как знать, видать, так сказать*, которые трудны с точки зрения транслатологической практики. Вводное слово *признаться*, выражающее формулировку мысли, можно перевести как *abych řekl pravdu, upřímně řečeno, abych se přiznal*. Признаться, в последнее время я ожидал от тебя какой-нибудь глупости. / *Abych se přiznal, čekal jsem od tebe v poslední době nějakou hloupost.*

Более значительное количество возможностей перевода существует для разговорного выражения *знать*. Чешскими эквивалентами могут служить чешские частицы *patrně, zřejmě, asi*, наречие *pravděpodobně*, вставное предложение *jak je vidět, podle všeho*. 1. Знать, солнышко утомлено: за горы прячется оно. / *Jak je vidět, sluníčko se unavilo: schovává se za hory*; или *Podle všeho je sluníčko unavené: schovává se za hory*. 2. Ай, моска! знать, она сильна, что лает на слона. / *Ten mopslík je asi silný, když štěká na slona*. Резким и разговорным является употребление вводного слова *видать*, указывающего на степень достоверности сообщаемого, переводом которого в чешском языке является частица *asi, zřejmě*, глагол *zdá se*, или вводное предложение *jak je vidět*. Щенок, видать, из породистых. / *Zdá se, že štěně je čistokrevné. / Štěně je asi čistokrevné*, и в этом случае выражение *видать* можно перевести также как: *Vypadá to, že štěně je čistokrevné*.

По нашему мнению, довольно ограниченное количество возможностей перевода существует для выражения как *znát*, где ему, скорее всего, отвечает чешское *kdoví*. По его словам, КГБ прочно сел ему на хвост, и как *znát*, чем бы все закончилось, если бы в конце 80-х Чигиринский не эмигрировал в Испанию, а затем в Западную Германию. / *Podle jeho slov na něj KGB tvrdě dohlíželo, a kdoví, jak by to dopadlo, kdyby na konci 80. let Čigirinský neemigroval do Španělska, a potom do Západního Německa.*

Русское вводное выражение *так сказать* и его чешский эквивалент *tak říkají* являются сочетаниями наречия с глагольной формой: в русском – с инфинитивом, а в чешском – с одной формой деепричастия. Кроме того, при переводе встречается также вводное предложение *abych tak řekl*, глагол *řekněme*, или частица *takřka*. Даже следующий пример показывает, как нам кажется, что в большинстве случаев существует больше, чем только один правильный перевод. Пример: «В самом деле, в русском языке можно найти не только, так сказать, «лишние» слова, то есть такие, которые по-разному обозначают одно и то же явление» на чешский язык можно перевести следующим образом: „*V ruském jazyce můžeme skutečně najít nejen, řekněme/abych tak řekl/tak říkají, „zbytečná“ slova, tedy taková, která různě označují jedno a totéž*“ (хотя „*řekněme*“ подходит в данном случае больше всего).

Итак, проведя наблюдения над видами вводных выражений с использованием инфинитива и особенностями их перевода на чешский язык, мы можем отметить некоторые особенности, имеющие закономерный, т. е. системный характер. Во-первых, очевидно, что в вводных выражениях русского языка инфинитив употребляется гораздо чаще, чем в чешском. Можно предположить, что это связано со значительной ролью инфинитива в русском языке вообще, и его большой долей в системе вводных конструкций русского языка в частности.

Во-вторых, употребление вводных выражений для русского языка вообще более характерно, чем для чешского, который стремится к передаче более целостной, синтетической информации. Это можно объяснить стремлением русскоговорящего к эксплицитности выражения субъективной позиции, стремлением дать более точную оценку мысли, ситуации, действию. Как нам кажется, причины различий в этой области между чешским и русским языками носят экстралингвистический характер и могут быть связаны с ментальными особенностями носителей этих двух языков.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ADAMEC, P., HRABĚ, V., JIRÁČEK, J., MILOSLAVSKIJ, I. G., ŽAŽA, S. (1996, 1997): *Morfologie ruštiny 1*, 2. Brno: Masarykova univerzita.
 FLÍDROVÁ, H., ŽAŽA, S. (2005): *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Olomouc: UP.
 HODULÁKOVÁ, G. (1999): *Вводные слова в научном стиле в сопоставительном чешско-русском плане*. Дипломная работа. Оломоуц.
 KUBÍK, M. a kol. (1983): *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским*. Praha: SPN.
 SÁDLÍKOVÁ, M. a kol. (2005): *Velký česko-ruský slovník*. Voznice: Leda.
 БАЛАЖ, Г. (1989): *Современный русский язык в сопоставлении со словацким*. Морфология. Братислава.
 ПИЛАТОВА, Й. (1997): *Русские вводные слова глагольного происхождения и их перевод на чешский язык*. Семинарская работа. Оломоуц.
 УШАКОВ, Д. Н. (1935): *Толковый словарь русского языка. Том I*. Москва: Советская энциклопедия.

ХЕЛЬГА ШУЛЬЦЕ-НОЙФЕЛЬД

Германия, Берлин

РАССМОТРЕНИЕ АКТА ПРИВЕТСТВИЯ В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ

ABSTRACT:

Globalisation increases the occurrence of intercultural communication situations, each of them usually framed by a “salutation” and a “parting”. Even due to mere knowledge insufficiency of language pragmatics or interferences, choosing these short greeting speech acts inadequately (with respect to the interlocutor’s conventional expectations) may have a negative influence on the course of communication or even result in its complete failure. This paper gives a comprehensive overview of functions and classifications of greetings with a special focus on its interaction with the strongly culture-dependent concept of politeness.

KEY WORDS:

Intercultural communication – speech act – politeness – etiquette – greeting – salutation – parting – interference effects.

Речевой акт приветствия, с его компонентами «приветствие как таковое» и «прощание», играет значительную роль для начала и дальнейшего продолжения коммуникации. Выбор формы прощания и приветствия может оказывать большое влияние на начальное развитие общения и на готовность собеседников к последующим вступлениям в контакт: Выбор «правильной» формы приветствия (прощания) в определенной ситуации является важным элементом для успешного установления контакта и для возможности дальнейшего общения; выбор неверной или неподходящей для определенной ситуации формы, напротив, может вызвать негативную реакцию со стороны собеседника и привести тем самым к коммуникативному недоразумению, коммуникативному конфликту или даже к полному коммуникативному сбою. Недостаточное знание языка или же культурно-языковые интерференции даже у опытных носителей языка могут с самого начала оказывать негативное влияние на предстоящее общение. Тематический комплекс «приветствие» заслуживает тем самым – не в последнюю очередь на фоне всеобщей глобализации и связанным с ней увеличением количества межкультурных контактов – особого внимания.

Речевой акт приветствия является актом, направленным на собеседника, в ходе которого говорящий сигнализирует своему партнеру по акту коммуникации либо открытие контакта (при помощи приветствий), либо его закрытие (при помощи прощаний) (ср. [Uhlisch 1997: 59]). Приветствие маркирует фазу начала коммуникации и регулирует переход от речевого бездействия к речевому взаимодействию собеседников. При этом приветствие сигнализирует коммуникативную готовность говорящего. Прощание является сигналом завершения коммуникации и регулирует переход от речевого взаимодействия к речевому бездействию. При этом прощание обычно может рассматриваться как выражение интереса говорящего к дальнейшим контактам с адресатом (ср. [Pisarek 1995: 93]). Приветствие и прощание находятся в тесных взаимоотношениях друг с другом, являясь естественным обрамлением коммуникации.

Как приветствия, так и прощания являются социосемантически наполненными: они несут в себе атмосферу доброжелательности. Их особая социосемантическая наполненность постоянно находит подтверждение в повседневном человеческом общении: неупотребление инициальных приветствий в определенных коммуникативных ситуациях со стороны говорящего или опущение реактивных приветствий со стороны адресата (как намеренное или ненамеренное нанесение оскорбления) может привести к негативной коммуникативной напряженности, недоразумению или же к полному прекращению общения. Тем самым коммуникативное значение социальной наполненности приветствий становится особенно ясным при их неупотреблении (ср. также [Гловинская 1993: 209]).

Естественной потребностью человека как существа социального является вступление в контакт и поддержка контакта с его окружающими. Удовлетворению этой потребности способствует прежде всего речевой акт приветствия, выполняющий функцию как установления и поддержки контакта (то есть фатическую функцию) (ср. [Pisarek 1995: 92]), так и функцию выражения симпатии собеседнику и тем самым снятия коммуникативной агрессии. Акт приветствия может быть интерпретирован как проявление человеческого стремления к принадлежности тому или иному социальному обществу, готовности к коммуникации и – посредством выражения симпатии к собеседнику – способности вступления в контакт (см. [Otterstedt 1993: 16]). Как контактоустанавливающая, так и контактозавершающая форма приветствия может указывать на уровень социально-коммуникативной компетентности говорящего [там же].

Приветствия относятся к «правилам хорошего тона» или речевому этикету, под которым в целом подразумеваются правила поведения, отражающие определенные социальные, моральные и нравственные нормы общества (см. [Формановская 2002: 7]). Приветствия выполняют тем самым функцию сигналов вежливости, точнее сказать сигналов “positive politeness” (см. [Brown & Levinson 1987: 129]) или “Solidaritätshöflichkeit” [Rathmayr 1996: 179], так как именно с ее помощью выражается стремление сближения с собеседником и поддержка его позитивного имиджа. Иллокутивная цель приветствий заклю-

чается в первую очередь в создании атмосферы доброжелательности в соответствии с данными общественно-культурными нормами.

Приветствия являются как правило общепринятыми устойчивыми выражениями, ритуальными действиями, кодифицированными в их форме и последовательности. Под «ритуалом» подразумеваются в целом механические, привычные действия, которые могут осуществляться как на физическом (нонвербальном), так и на языковом уровне (см. [Uhlisch 1997: 59]), что свойственно и феномену приветствий. Приветствия могут рассматриваться как повседневные ритуальные действия диалогического, обменного характера: за инициальным приветствием следует как правило реактивное приветствие [там же].

Речевой акт приветствия представляет собой комплексное действие, в котором задействована вся личность. Тем самым наряду с вербальными формами приветствий должны учитываться и его невербальные формы. Многие вербальные формы приветствий тесно связаны с невербальными. При этом невербальные приветствия могут вводить, сопровождать, а иногда и полностью замещать вербальные приветствия (как, напр., улыбка, кивок головой и т.д.) (ср. [Miodek 1994: 37]).

Существуют две группы невербальных приветствий: дистанционные (напр., улыбка) и контактные (напр., объятие). В то время как невербальные дистанционные приветствия реализуются на определенном расстоянии и без вступления в физический контакт (напр., приветствия с помощью глаз и век, кивок головой, поклон, поднятие и взмах руки и т.д.), невербальные контактные приветствия предусматривают установленные формы прикосновения (напр., пожатие руки, поцелуи, похлопывание по плечу и т.д.) (ср. [Uhlisch et al. 1998: 15]).

Осуществление акта приветствия – как одной из форм речевого этикета – в любом культурном обществе тесно связано с его специфическими представлениями о вежливости. Эти представления о вежливости могут довольно заметно различаться друг от друга в различных культурах; несмотря на их различия они тем не менее разделяют между собой одну важную функцию вежливости: выражение уважения и дружественного отношения к собеседнику (ср. [Формановская 2004: 214]). Таким образом, той или иной культуре свойственный концепт вежливости – в смысле социальной нормы – связан с такими понятиями как уместность или неуместность (напр., выбора и формы выражения определенного приветствия в определенной ситуации). Вежливость имеет тем самым прямое отношение к оценке: соответствующее вежливое (приветственное) поведение объясняется хорошим воспитанием и добрыми намерениями, невежливое (приветственное) поведение приравнивается, напротив, к невежеству и грубости и оценивается как правило как негативный, мешающий общению фактор. Преувеличенная вежливость может восприниматься, как и невежливость, негативно, так как расценивается порой как подхалимство, притворство или преувеличенная формальность (см. [Формановская 2004: 216]).

Одним из известнейших концептов вежливости является сформированный Brown/Levinson (1978/1987) концепт, в котором вежливость принципиально

разделяется на два вида: «позитивная» и «негативная» вежливость (“positive” & “negative” politeness) [Brown/Levinson 1987], причем негативная вежливость не отождествляется учеными с невежливостью. При помощи стратегий негативной вежливости (“Distanzhöflichkeit” (см. [Rathmayr 1996]) говорящий подчеркивает, что он с пониманием относится к стремлению своего собеседника, к самоопределению и к сохранению своей личной сферы и независимости (см. [Brown/Levinson 1987: 101]); при помощи – особенно в рамках процесса приветствий релевантной – позитивной вежливости (“Solidaritätshöflichkeit” (см. [Rathmayr 1996]) говорящий демонстрирует свою готовность к удовлетворению потребности собеседника в признании, одобрении и социальной интеграции (см. [Brown/Levinson 1987: 129]). В целом вежливость может быть рассмотрена как коммуникативная стратегия, важными функциями которой, в рамках демонстрации почтительности и дружественного отношения к собеседнику, являются смягчение и предотвращение потенциальной или действительной агрессии в коммуникации и тем самым создание и сохранение гармонии между взаимодействующими лицами. Вежливость является при этом, несмотря на ее оправданную претензию на универсальность, подвижной коммуникативно-прагматической категорией, зависящей от культурных, языковых и ситуативных параметров и чутко реагирующей на политические, экономические и индивидуально-социальные изменения в обществе (см. [Watts 2005: XXVII]). Таким образом, вежливость представляет собой как культурно-универсальную, так и относительную категорию, преобразования в которой несут за собой и изменения в акте приветствия в том или ином культурном обществе.

Полное понимание особенностей акта приветствий той или иной культуры без одновременного представления о характерном для нее концепте вежливости кажется таким образом вряд ли возможным.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BROWN, P., LEVINSON, S. C. (1987): *Politeness. Some universals in language usage*. Newcastle upon Tyne.
- MIODEK, W. (1994): *Die Begrüßungs- und Abschiedsformeln im Deutschen und im Polnischen*. Heidelberg.
- OTTERSTEDT, C. (1993): *Abschied im Alltag. Grußformeln und Abschiedsgestaltung im interkulturellen Vergleich*. München.
- PISAREK, L. (1995): Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы). In: *Slavica Wratislaviensis*; 89. *Acta Universitatis Wratislaviensis*. Wrocław: UWr.
- RATHMAYR, R. (1996): Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich. In: I. Ohnheiser (Hg.): *Wechselbeziehungen zwischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart*. Innsbruck, s. 174–185.
- UHLISCH, G. (1997): Der Sprechakt Grüßen. Verbale und nonverbale Grußformeln im Deutschen. In: G. Uhlisch – M. V. Raevskij (Hg.): *Kultur und Sprache. Beiträge zur interkulturellen Germanistik*. Moskau, s. 57–97.
- UHLISCH, G. et al. (198): *Grüßen und Anreden im Deutschen*. Moskau.
- WATTS, R. J. (2005): Linguistic politeness research: Quo vadis? In: Richard J. Watts et al. (eds.): *Politeness in Language. Studies in its History, Theory and Practice*. Berlin, New York 2005, XI–XIV.
- ГЛОВИНСКАЯ, М. Я. (1993): Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов. In: Е. А. Земская – Д. Н. Шмелев (отв. ред.): *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. М., с. 158–218.
- ФОРМАНОВСКАЯ, Н. И. (2002): *Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст*. М.
- ФОРМАНОВСКАЯ, Н. И. (2004): Вежливость и толерантность как коммуникативные механизмы снижения речевой агрессии. In: И. А. Шаронов (отв. ред.): *Агрессия в языке и речи*. Сборник статей. М., с. 207–218.

**ДОКЛАДЫ
ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СЕКЦИИ**

